

ДОЛГОРУКІЕ, ДОЛГОРУКОВЫ

II

ДОЛГОРУКІЕ-АРГУТИНСКІЕ,

(Съ приложеніемъ: статья «О происхожденіи первыхъ русскихъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора,» портрета князя Якова Федоровича Долгорукаго и гербовъ рода: князей Долгорукихъ и Долгорукихъ-Аргутинскихъ).

Издамо подъ редакціей и отвѣтственностію князя Всеволода Долгорукаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

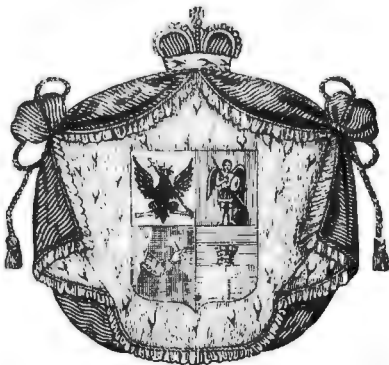
Въ типографіи Ю. Штауфа, Большая Мѣщанская, домъ № 18.

1869.

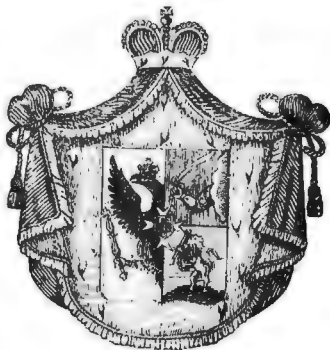

КНЯЗЬ
ЯКОВЪ ФЕДОРОВИЧЪ ДОЛГОРУКОЙ.

**ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ
ДОЛГОРУКИХЪ.**

**ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ
АРГУТНСКИХЪ-ДОЛГОРУКИХЪ.**

ДОЛГОРУКІЕ, ДОЛГОРУКОВЫ

И

ДОЛГОРУКІЕ-АРГУТИНСКІЕ,

(Съ приложеніемъ: статьи «О происхожденіи первыхъ русскихъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора,» портрета князя Якова Федоровича Долгорукаго и гербовъ рода: князей Долгорукихъ и Долгорукихъ-Аргутинскихъ).

Издамо подъ редакціей и отвѣтственностію князя Всеволода Долгорукаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ю. Штауфа, Большая Мѣщанская, домъ № 18.

1869.

Выпуская въ свѣтъ настоящее сочиненіе, — я считаю долгомъ почтить добрымъ словомъ память князя Василія Андреевича Долгорукаго, скончавшагося — къ прискорбію всѣхъ близко-знавшихъ его — 5 января 1868 года.

Онъ принималъ близкое участіе въ изданіи настоящей книги и на много способствовалъ къ выходу ея въ свѣтъ.

Князь былъ истинно-добрый человекъ, готовый помочь каждому обратившемуся къ нему — словомъ или дѣломъ, смотря потому, кто о чемъ его просилъ.

Князь Василій Андреевичъ имѣлъ вполне родственныя чувства — которыхъ, къ сожалѣнію, не достааетъ многимъ Долгорукимъ, — и принималъ, всегда, живое участіе въ судьбѣ своихъ родственниковъ, — были-ли они близкіе, или дальніе.

Въ жизни онъ проводилъ тѣ идеи, которыя считалъ за честныя и правдыя; — и кто рѣшится обвинять его за то, что онъ имѣлъ именно *тѣ*, а — не другія?..

Миръ его праху! Миръ его, истомленнымъ едва не пятидесятилѣтнею дѣятельностью на государственномъ поприщѣ, силамъ!.. Новыя сѣмена восходятъ — и готовится новая, плодотворная жатва!..

Но помянемъ-же добрымъ словомъ и старое, — если оно въ своихъ дѣяніяхъ было честно!..

Князь Всеволодъ Доморуккой.

Іюль 12, 1868 г.

ПАМЯТИ

КНЯЗЯ ЯКОВА ФЕДОРОВИЧА

ДОЛГОРУКАГО

Поэтъ въ стихахъ тебя прославилъ
За то, что былъ ты другъ добра;
Твою онъ честь высоко ставилъ;
Насъ уважать тебя заставилъ,
Сюдвижникъ славнаго Петра!

Была пора — иные люди...
Но пусть еще пройдутъ года:
Изъ каждой честной русской груди
Тебѣ привѣтъ, князь честный, будетъ,
И будутъ чтить тебя всегда!

Посвящаетъ
настоящее изданіе

уважающей потомокъ

Князь Всеволодъ Долгорукой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе — «Князья Долгорукіе-овы и Долгорукіе-Аргутинскіе» — будетъ состоять изъ двухъ частей.

Предлагаемая нынѣ публикѣ, 1-я часть заключаетъ въ себѣ сказаніе о первой линіи рода князей Долгорукихъ; во вторую, которая будетъ издана въ Августу 1870 года, войдутъ другія линіи рода князей Долгорукихъ и князья Долгорукіе-Аргутинскіе.

Первая часть составлена княземъ Алексѣемъ Владиміровичемъ и Наталіей Шпилевской. Князь, преимущественно, трудился надъ собираніемъ матеріаловъ, имѣвшихъ, то или другое, отношеніе къ роду князей Долгорукихъ; а г-жа Шпилевская дала этимъ матеріаламъ окончательную отдѣлку, заключивъ ихъ въ форму разсказа.

Просматривая настоящее сочиненіе, до его печатанія, въ рукописи, и встрѣчая въ немъ различныя, болѣе или менѣе, грубыя ошибки, — я рѣшился подвергнуть его тщательному исправленію. Сдѣлавъ значительныя поправки въ рукописи — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ошибки, въ логическомъ либо историческомъ отношеніи, уже слишкомъ рѣзко бросались въ глаза, — я намѣревался окончательно исправлять сочиненіе въ корректурныхъ листахъ, по мѣрѣ его печатанія. Такимъ образомъ, рукопись сочиненія была отдана мною въ типографію для печатанія.

Къ несчастію, въ то время, когда началось печатаніе, и, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга — гдѣ печаталось сочиненіе.

Возвратившись въ Петербургъ, я уже засталъ напечатанной болѣе половины рукописи; — я, какова была моя

II

досада, когда, прочитывая напечатанные листы, я сплошь да рядомъ встрѣчалъ грамматическія ошибки (1), оставшіяся въ печати по небрежности лица, державшаго, въ мое отсутствіе, корректуру книги.

У насъ, вообще, трудно найти хорошаго корректора. За корректуру берутся всѣ, кому нечего вѣсть, едва грамотные; берутся потому, что считаютъ корректуру дѣломъ до-нельзя легкимъ, пустымъ. Всякій гимназистъ, выпущенный изъ 3-го класса, предлагаетъ свои услуги по корректурѣ, — полагая, что если онъ кое-какъ выдолбилъ грамматику Греча, и знаетъ: гдѣ писать ъ а гдѣ е, — такъ ему ужъ и корректура ни по чемъ!.. По моему мнѣнію, слѣдало-бы на каждомъ періодическомъ и отдѣльномъ изданіи выставлять имя лица, державшаго корректуру. Такимъ путемъ, російскіе издатели знали-бы, кто хорошій корректоръ, кому можно смѣло поручать корректуру изданія. А, вѣдь, большинство російскихъ издателей — всѣ эти Юркевичи-Литвиновы, Лисенковы, Шатаевы и tutti quanti — люди положительно безграмотные, и ихъ можетъ надуть каждый, даже совершенно неграмотный: стоитъ только послѣднему назваться корректоромъ и предложить услуги которому-нибудь изъ подобныхъ издателей... да, главное, согласиться за болѣе дешевую плату держать корректуру, эдакъ копѣчекъ по 30 съ листа — и съ распростертыми объятіями примуть, и работой завалить... Но если-бы на изданіяхъ печатались имена корректоровъ, тогда каждый издатель — даже принадлежащій къ категоріи Лисенковыхъ — зналъ-бы, кто хорошій корректоръ, и уже обращался-бы къ нему!..

(1) Въ настоящемъ случаѣ, такъ-какъ корректоръ былъ отъ меня, — типографъ ни въ чемъ не повинна. Прим. К. В. Д.

III

Издавая въ свѣтъ книгу о родѣ нашемъ, я тѣмъ нисколько не желаю уменьшить значенія вполнѣ почтеннаго труда покойнаго князя Петра Владиміровича («Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ»). На сколько настоящій трудъ оправдываетъ появленіе свое въ свѣтъ, конечно, судить не мнѣ — его издателю, — подавно, ни авторамъ; — это дѣло публики. Но авторы будутъ удовлетворены и тѣмъ, если читатель въ ихъ сочиненіи найдетъ хоть нѣсколько указаній, или сужденій, заслуживающихъ — по тѣмъ, или другимъ причинамъ — его вниманія...

Выпуская въ свѣтъ настоящее сочиненіе, я считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Составляя его, авторы имѣли цѣлью представить въ истинномъ свѣтѣ тѣ событія, въ которыхъ принимали участіе Долгорукіе; чрезъ что — познакомить публику съ родомъ князей Долгорукихъ. Читатель не найдетъ въ предлагаемой книгѣ строго-ученаго историческаго изслѣдованія; настоящій трудъ — не болѣе, какъ разказъ о первой линіи князей Долгорукихъ, основанный, впрочемъ, на историческихъ данныхъ.

Кромѣ указанныхъ ниже (въ предисловіи отъ авторовъ) источниковъ, — авторы, при составленіи настоящей, первой части, пользовались еще нѣкоторыми фамильными рукописями, мемуарами графа Сапѣги и однимъ историческимъ разказомъ о князѣ Федорѣ Долгорукомъ, напечатанномъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Настоящее сочиненіе имѣетъ также цѣль опровергнуть мнѣніе князя Петра Владиміровича Долгорукова о томъ, что нашу фамилію нужно писать чрезъ *оу*, а не — чрезъ *ой*.

По истинѣ, жалкую картину представляетъ, въ настоящее время, положеніе древнихъ русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Раззоренныя, чрезъ различныя неблагопріятныя имъ обстоятельства, или раззорившіяся, чрезъ

IV

мотовство, — онѣ — покрайней-мѣрѣ, большинство ихъ, — утратили нынѣ то значеніе, какое имѣли въ Россіи прежде. Безъ вѣса въ государственныхъ дѣлахъ, безъ кредита, — онѣ являются жалкими дѣтьми славныхъ нѣкогда отцевъ ихъ!

Всѣ значительныя, по древности, русскія фамиліи — съ весьма малыми средствами, едва достаточными для ихъ безбѣднаго существованія; а нынѣ — и безъ всякихъ средствъ; принуждены чуть не идти по-міру, или пускаться въ различныя, сомнительной честности, предпріятія; принуждены — не способныя къ честному труду — дружить съ шулерами и мошенниками и, не добросовѣстными путями, добывать себѣ насущный хлѣбъ.

Званіе дворянина — въ настоящее время — не имѣетъ почти никакого значенія; оно не даетъ *никакихъ* правъ человеку, носящему его. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, — дворяне потеряли нѣкоторыя изъ тѣхъ преимуществъ, какими прежде пользовались... Таковы послѣдствія всѣхъ великихъ реформъ: принося благо массамъ, улучшая социальное положеніе послѣднихъ, — онѣ, въ тоже время, наносятъ ущербъ единицамъ — извѣстнымъ личностямъ, извѣстному сословію, — отнимая отъ нихъ тѣ, или другія привилегіи, которыми онѣ дотошъ пользовались!...

Возьмемъ хоть насъ, кн. Долгорукихъ. Безспорно, что мы принадлежимъ къ самому старому русскому роду — велико-княжескому, ведущему свое начало отъ Владиміра Мономаха, вел. кн. Суздальскихъ, Владимірскихъ и т. д. И, чтожъ? Изъ всей огромной фамиліи Долгорукихъ — изъ всѣхъ трехъ лній, вмѣстѣ съ Аргутинскими, едва найдется два лица, про которыхъ можно сказать, что онѣ имѣютъ значительное состояніе, но въ сущности мы можемъ указать, какъ на вполне состоятельнаго, только на князя Владиміра Андреевича (московскаго генераль-губернатора), да и онъ не богъ-вѣсть какой богачъ, не только далеко до Штиглица, но и до извѣстнаго Яковлева!...

Мы (особенно первая линия нашего рода) разорены въ конецъ при Аниѣ Иоанновнѣ, по милости ея самовластнаго любимца Вирона. У насъ тогда было отнято все; а ежели, что и возвращено впоследствии, при Елизаветѣ, то 10-я, и еще того меньшая, часть прежде взятаго. Мы можемъ говорить смѣло, что Виронъ поступилъ съ нами, какъ разбойникъ, ограбивъ насъ...

Но мы, не смотря на то, что столько потерпѣли, — всегда честно и вѣрно служили русскимъ государямъ; служили потому, что служилъ имъ народъ; потому что они были дѣйствительными царями народа, пользовались любовью и почитаніемъ его!.. Мы всегда за народъ и съ народомъ, и до тѣхъ поръ мы будемъ за царя, — пока народъ будетъ за него!.. Въ тоже время, служа вѣрно царямъ, мы никогда не были льстецами, мы служили имъ честно, но не рабобѣпствовали передъ ними...

Правду нужно сказать, что насъ, Долгорукихъ, — не смотря на вѣрную службу русскимъ государямъ, — рѣдко когда поддерживали; напротивъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, насъ старались тѣснить разные господа...

Но не одни Долгорукіе разорены въ настоящее время.

Многія фамиліи, столь же славныя, какъ и наша, разорены въ конецъ. Князя Б, Г. и друг. тоже далеко неимѣютъ теперь того состоянія, какое у нихъ было прежде, въ былые года. Чтобъ выйти изъ гнетущихъ обстоятельствъ, — иные изъ насъ принуждены были прибѣгать къ различнымъ не похвальнымъ продѣлкамъ... Запутываться въ грязныя дѣла, дружить съ шулерами, негодными людьми!.. Такъ, князь М. судился, годъ тому назадъ, въ Москвѣ, за кражу — и чего бы вы думали? — двухъ иконъ! Хотя онъ и былъ оправданъ судомъ присяжныхъ (1); но и того достаточно,

(1) И былъ оправданъ не потому, чтобъ фактъ преступленія не былъ доказанъ; напротивъ — князь самъ сознался въ кражѣ. Но гг. присяжные пришли во вниманіе то гнетущее положеніе, которое довело князя до такого поступка, и прииѣняли къ нему законъ *невмѣяемости*.

Примѣч. К. В. Д.

VI

что русский князь судился за кражу... И этот фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какого грустнаго положенія дошли инья русскія княжескія фамиліи!..

Наша молодежь — т. е. та, которая, по происхожденію, можетъ быть причислена къ, такъ называемому, высшему свѣту — въ долгу какъ въ шелку, находится въ рукахъ самыхъ наглыхъ ростовщиковъ... Кредитъ для нея не существуетъ, да въ Россіи и никому, вообще, не дѣлается правильный кредитъ... Векселя нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ значительное состояніе, ходятъ по 35% за рубль... Вообще, заемъ по 20%—25% за рубль, между нашею молодежью, считается еще хорошимъ... Многихъ изъ насъ ожидаетъ одно въ перспективѣ: домъ неисправныхъ должниковъ, а съ нимъ, конечно, потеря карьеры, словомъ — *всею*, и гибель... Долговое отдѣленіе — это, въ своемъ родѣ, второе крѣпостное состояніе — тяжелымъ, непосильнымъ гнетомъ ложится на многихъ изъ насъ, имѣвшихъ несчастье, по какому-нибудь случаю, войти въ долги!..

Впрочемъ, въ послѣднее время, говорятъ вездѣ, что долговое отдѣленіе скоро уничтожится — и, такимъ образомъ, нашъ добрый Монархъ окажетъ еще новое благодѣяніе Родивъ...

Великая, по истинѣ благодѣтельная для Россіи, крестьянская реформа — застала многихъ изъ нашихъ дворянъ совершенно неподготовленными къ ея принятію. Очутившись, *въ одно прекрасное утро*, безъ крестьянъ, которые, бывъ ихъ работниками, составляли для нихъ, такъ-сказать, душу и тѣло, — дворяне положительно не знали что дѣлать, за что взяться... Средствъ прежнихъ — они видѣли — у нихъ нѣтъ уже; видѣли, что и имъ пришло время очнуться отъ долгаго сладкаго сна, на дѣдовскихъ пуховикахъ, и приняться за дѣло — за трудъ... Даже — на сонъ грядущій какая-нибудь *сволочь Палашка* — вдругъ смѣла отказываться

VII

пяти часов!.. Что делать?.. Къ дѣлу—къ труду—то большинство нашихъ дворянъ было совершенно не способно...

Но чѣмъ они были виноваты, что оказались не способными къ честному труду, къ честному дѣлу? Чѣмъ они виноваты, когда ихъ воспитаніе заключало въ себѣ элементы, не располагающіе ни къ какой работѣ; когда ихъ, съ малыхъ лѣтъ, не приучали ни къ чему честному, доброму?..

Тяжелое мы переживаемъ теперь время; но будущія поколѣнія не кинуть въ насъ камнемъ уже за то, что—какіе-бы мы не были—мы много перетерпѣли, много перетерпѣли!.. Горька наша жизнь; тяжелая ноша досталась намъ—хоть и не физическая, нравственная, но послѣдняя во сто разъ тяжелѣе первой!..

Теперь уже трудно приобрести значеніе чрезъ одинъ титулъ—онъ ничего въ наше время не дастъ. Наступаетъ время честной мысли, честнаго труда!..

Наши дѣти и внуки, конечно, будутъ честными работниками своей родины; будутъ честнымъ путемъ добывать себѣ хлѣбъ... И тогда, въ лучшія мпнуты вашей жизни, вспомните, дѣти, о насъ, не разумныхъ, слабыхъ, и помните насъ добрымъ словомъ за наше великое страданіе...

Новое время наступаетъ! Благодатная струя свѣжаго воздуха проникла уже въ Русь, и просыпаются тутъ и тамъ—въ городѣхъ, селахъ и деревняхъ—по всему «исобьятному» пространству ея—свѣжія силы, даютъ онѣ знать о себѣ разными добрыми дѣлами... и вся Русь оживаетъ, стаскивая съ себя отъсыпья невѣжества!..

Новое время! Но тьма еще достаточно сильна; намъ его еще не видать,—мы только чуемъ его приближеніе. На однихъ это чуяніе приближенія новаго, лучшаго времени производитъ магическое дѣйствіе; они предаются сладкимъ грезамъ о будущемъ счастьи ихъ дѣтей и внуковъ; и, подъ вліяніемъ этихъ чистыхъ грезъ, дѣлаются

VIII

сами словно лучшими, чѣмъ были. На другихъ-же — оно производитъ тяжелое, грустное впечатлѣніе: видать они, что приходится имъ разставаться съ прежними вѣрованіями, покидать прежнюю безмятежную, среди лѣни и нѣги, жизнь—я, озлобленные на новое, они глубже погружаются думами въ прошлое, дорогое для нихъ, стараясь какъ-нибудь да забыть настоящее!

Бѣдные, несчастные братья! Вижу, съ какимъ горемъ принуждены вы прощаться съ вашими завѣтными понятіями; вижу, какъ вамъ не любо наступающее новое время, тяжело вамъ приходится и, не смотря на то, что вы погрязли въ рутинныхъ дѣдовскихъ преданіяхъ, что въ васъ нѣтъ ничего свѣжаго, здороваго — мнѣ, право, васъ искренно жаль, и жаль опять-таки за ваше страданіе... А страднете вы вполне непритворно, честно, и велико ваше страданіе: у васъ хотятъ отнять все дорогое и, какъ вы не держитесь за него, — силой берутъ его у васъ!..

Новое время! Наступай-же скорѣй, наступай, благодатное! Чтобъ наши дѣти и внуки уже не встрѣтили на Руси ничего стараго, затхлаго... Пусть мы еще болѣе будемъ страдать — наши страданія залогъ благоденствія для нашего потомства!.. Онѣ окупятся счастливою долей, ожидающей нашихъ дѣтей и внуковъ... Да:

... Мысль зрѣсть,
Закралась въ юные умы,
И новый духъ повсюду вѣсть —
Онъ предвѣщаетъ гибель тьмы!
И, ждите братья, день наступитъ,
И скоро солнышко проглянетъ,
Дождь, послѣ заеуки, пойдетъ
И жатва пышная взойдетъ!..

Іюнь, 1868 г.

Князь Всеславъ Долгорукой.

ЧАСТЬ I
ДОЛГОРУКИЕ.

СОЧИНЕНИЕ

Князя Алексея Долгорукаго и Натальи Шилевской.

ПАМЯТИ

ПЯТИ, НЕЗАБВЕННЫХЪ ДЛЯ ДОЛГОРУКИХЪ,

ЖЕНЩИНЪ:

Царицѣ Марьѣ Владиміровнѣ, 1-й супругѣ Царя Михаила Фѣдоровича Романова, рожденной княжнѣ Долгорукой.

Царицѣ Тамарѣ грузинской, супругѣ князя Долгорукаго.

Княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой, обрученной невѣстѣ императора Петра II-го.

Княжнѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой, рожденной графинѣ Шереметевой.

Княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Долгорукой, тайной супругѣ князя Фѣдора, рожденной княжнѣ Меньшиковой.

**Посвящаютъ
настоящую часть**

авторы:

Князь Алексѣй Долгорукой.

Наталья Шилевская.

Князь Всеволодъ Долгорукой.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Разныя нелѣпныя сказки о Долгорукихъ, помѣщенныя въ послѣднее время въ разныхъ журналахъ, частію вымышленныя, а частію заимствованныя отъ князя Петра Долгорукаго, рассказъ покойнаго Фурмана, подъ заглавіемъ: «Наталья Борисовна Долгорукова», клеветы Проконовича, неправильныя показанія Кавказскаго календаря 1834 года, ошибочныя отмѣтки въ хроникѣ въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1853 года и, наконецъ, «Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ», вмѣсто Долгорукихъ, и Россійскій Родословный Сборникъ, изданный княземъ Петромъ Долгорукимъ, служатъ поводомъ къ изданію этой книги. Въ нашемъ изслѣдованіи мы руководствовались: 1) Всеми лѣтоисчисленіями и актами старѣе Разряднаго Архива и современными ему; 2) Разряднымъ архивомъ; 3) Грамотою Царскою; 4) Гербовникомъ Высочайше утвержденнымъ; 5) Исторіей Карамзина (1 изд.); 6) подлинными записками княгини Натальи Долгоруковой; 7) записками брата невесты государя, князя Алексѣя Алексѣевича; 8) отчетомъ его онеки надъ отцемъ и дядею князя Алексѣя Владиміровича Долгорукаго; 9) изустнымъ его разсказомъ князю Владиміру Ивановичу, его родному внуку, надъ которымъ онъ былъ опекуномъ; 10) Исповѣдью передъ казною князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго; 11) тайнымъ докла-

домъ и приказомъ Бироша Ушакову ; 12) архивнымъ дѣломъ о Долгорукихъ ; 13) Докладомъ Сената Елизаветъ Петровицъ, при ея воцареніи ; 14) Подлымъ Собраніемъ Законовъ Россійской Имперіи ; 15) Родословной таблицей Хераскова ; 16) Разными арабскими и грузинскими лѣтописями ; 17) Родословной таблицей Рюрика, Устрялова.

Но голая за славою, мы будемъ считать себя вознагражденными, если нашъ трудъ найдутъ хоть нѣсколько заслуживающимъ вниманія.

Князь Алексѣй Долгорукой.

Наталья Шпилевская.

Издатель—редакторъ: Князь Всеволодъ Долгорукой.

О родѣ.

О томъ, что князья Долгорукіе происходятъ отъ Равноапостольскаго князя Владиміра и первеиствующей его супруги, Рогпеды, никто не спорить; да и отвергнуть этого нельзя; но отъ которой именно вѣтви — разнo показывають. До воцаренія Аины Іоаншовны, родъ Долгорукихъ обыкновенно выводили отъ великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго.

При уничтоженіи мѣстничества, по указу великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича и по преданію огню разрядныхъ книгъ, разрядному архиву дано повелѣніе имѣть на память княжескихъ и боярскихъ родовъ родословную книгу, при составленіи которой отъ всякаго княжескаго и боярскаго рода назначено было по шести депутатовъ; изъ депутатовъ отъ рода Долгорукихъ подписались слѣдующіе два: бояре князья Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукой и Миханъ Юрьевичъ Долгорукой (и оба подписались: *Долгорукой*).

Въ древней росписи Разряднаго архива, составленной по сему повелѣнію и подписанной, въ числѣ прочихъ, обоими вышеупомянутыми Долгорукими, сказано о Долгорукихъ.

Подъ № 207.

Долгорукіе князья произошли отъ князей Черниговскихъ. Въ родѣ ихъ у князя Андрея Юрьевича былъ сынъ князь Иванъ Долгорукой; отъ него пошли князья Долгорукіе. Происходящіе отъ нихъ:

Асовицкіе
Вѣленскіе
Борятинскіе

Подъ № 14.

Оболенскіе князья произошли отъ князей Черниговскихъ. Названіе приняли отъ княженія предковъ ихъ въ родѣ Оболенскихъ. Одноименные имъ:

Новосильскіе
Одоевскіе
Воротынскіе
Тарускіе

Горенскіе	Мецецкіе
Завальскіе	Борыгинскіе
Зѣтингородскіе	Осовицкіе
Золотые	Зѣтингородскіе
Серебряные	Курлешевы
Кашены	Ноготковы
Лыковы	Стригны
Карачевскіе	Ярославоы
Мецецкіе	Нагіе
Нагіе	Телени
Ноготковы	Овчяппы
Новосильскіе	Туровны
Оболенскіе	Рѣппы
Одоевскіе	Пенинскіе
Пенинскіе	Горенскіе
Рѣппы	Черные
Стригны	Тыфякны
Тарускіе	Золотые
Телени	Серебряные
Тросненскіе	Щепны
Туровны	Лыковы
Щепны	Долгорукіе
Щербатовы	Кашены
Ярославоы	Щербатовы
	Тросненскіе
	Глуховскіе

Воротынскіе, Горенскіе, Карачевскіе, Одоевскіе, Серебряные, Стригны, Новольскіе, Мецецкіе вовсе не написаны въ особой родословной; а всѣ они показаны подъ № 207, въ родѣ князей Долгорукыхъ. Щербатовы, сказано, произошли отъ князей Черниговскихъ, и названіе приняли отъ уредка своего князя Василія Щербатова (не Щербатаго) ⁽¹⁾ преемника князя Оболенскаго (а не сына). Отъ чего они это названіе приняли, неизвѣстно; родословная ихъ подъ № 199; въ той-же родосл. показаны и Долгорукіе. Подъ №№ 293 и 401 Долгорукіе тоже показаны одноплемными князьями Щербатовымъ.

Событія, относящіяся къ призванію въ Россію Рюрика и началу рода Долгорукыхъ и прочихъ нашихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, въ то время должны были быть болѣе

(1) Поэтому Щербатовъ, а не Щербатые.

извѣстны, чѣмъ въ послѣдствіе. Черниговъ, какъ извѣстно, переходилъ въ княженіе изъ рукъ въ руки; многіе изъ временныхъ его владѣльцевъ не упомянуты даже въ лѣтописяхъ. Много есть потомковъ великаго князя Юрія Долгорукаго, о которыхъ нельзя доказать, отъ котораго изъ его сыновей они происходятъ, такъ какъ въ Разрядномъ Архивѣ, по приказу Бирона, уничтожена вся родословная роспись № 207; вотъ почему и произошли въ послѣдствіе всѣ недоумѣнія и споры. Сказаніе о происхожденіи рода Долгорукихъ отъ Святаго Михаила князя Черниговскаго (1) основано на портфель Мюллера и на Лобановской книгѣ. Обоимъ этимъ авторамъ угодно было выводить наши княжескіе рода по однимъ догадкамъ, вовсе несообразаясь съ лѣтописями; вотъ почему они и выводятъ родъ Долгорукихъ не отъ Долгорукаго, а отъ Оболенскаго. Показанія своего они не могутъ подтвердить ни одною лѣтописью. Вымыслепшій родоначальникъ рода Долгорукихъ, князь Андрей Константиновичъ, сынъ послѣдняго владѣтеля города Оболенска, потомокъ Св. князя Игоря, схимонаха, и Св. Михаила, князя Черниговскаго, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть родоначальникомъ князей Долгорукихъ, потому что во всемъ родѣ Долгорукихъ не было ни одного Константина, а въ старину всегда давали имена по предкамъ и родственникамъ. Что потомки великаго князя Юрія (Георгія) Долгорукаго всегда носили и сохраняли его фамилію, доказываютъ всѣ древнія лѣтописи; такъ, напримѣръ, въ прологѣ житія Св. Михаила князя Тверскаго, Кіевскомъ и Московскомъ, упоминается князь Всеволодъ Георгіевичъ (Юрьевичъ) Долгорукой. Почему повѣршіе историографы, говоря о нихъ, всездѣ выкидываютъ фамилію ихъ — не извѣстно.

Въ исторіи, издашней въ началѣ царствованія блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго, съ портретами російскихъ государей, и посвященной государю императору

(1) Читая сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ 1840 года, С. Петербургъ, князя Петра Долгорукаго.

съ надписью: «Помазаннику Божию» (1), между прочимъ, упоминается, что сынъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, князь Юрій (Георгій) Андрѣевичъ, имѣлъ сына князя Андрея Юрьевича Долгорукаго—Переяславскаго, который имѣлъ какую-то войну съ княземъ Галицкимъ, и который никто иной, какъ родоначальникъ рода князей Долгорукихъ. Тутъ надо обратить вниманіе, что какъ отецъ, такъ и родной дѣдъ великаго князя Юрія (Георгія) Владиміровича Долгорукаго, оба, до восшествія на великокняжескій престолъ, были на княженіи въ Черниговѣ; слѣдственно—опять повторимъ то, что сказали въ предисловіи—потомки ихъ могли считать себя потомками Черниговскихъ князей.

Вотъ какъ показано въ таблицѣ Хераскова:

Великій князь Юрій (Георгій) Владиміровичъ Долгорукой.

Святой благовѣрный великій князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой, по смерти названный потомками Боголюбскимъ.

Князь Юрій Андреевичъ Долгорукой; временно княжилъ въ Новгородѣ.

Князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой—Переяславскій, имѣвшій войну съ княземъ Галицкимъ.

Князь Всеволодъ, князь Андрей, князь Юрій Андрѣевичъ, князь Андрей Юрьевичъ и князь Иванъ Андрѣевичъ Долгорукой, который отъ супруги своей Маріи Всеволодовны имѣлъ князя Владиміра Ивановича.

Князь Семіонъ; отъ него пошла старшая вѣтвь.

Князь Федоръ; — вторая вѣтвь.

Князь Тимофей; — третья вѣтвь.

Князь Михаилъ; — угасшая вѣтвь.

Изъ грамоты Василія III Юанновича видно, что трое княжатъ Долгорукихъ, въ 1520 году, приняты подъ высокую царскую руку: князь Семіонъ, Федоръ, да Михаилъ; двое окольныхъ, а третій думнымъ.

(1) Книги эти изданы въ Москвѣ въ 4 долю листа и печатаемы въ университетской типографіи, въ то время, какъ въ московскомъ императорскомъ университетѣ былъ кураторомъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Другая—же родословная, отысканная княземъ Алексѣемъ въ Симбирскомъ дворянскомъ собраніи, приложенная въ концѣ, также выводитъ нашъ родъ отъ князя Юанна Юрьевича, сына великаго князя Юрія Владиміровича. Эта родословная подписана княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ, сыномъ Григорія Ѳедоровича, роднаго брата князя Якова. Она представлена флота капитаномъ княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ, сыномъ князя Алексѣя Алексѣевича—братомъ невѣсты государя. При чемъ изображенъ гербъ Долгорукихъ съ щитодержателями (смотри приложение).

Есть еще писанная родословная, показывающая происхождение рода Долгорукихъ такъ:

Великій князь Владиміръ Мономахъ,
Великій князь Мстиславъ Владиміровичъ,
Князь Рюрикъ Мстиславовичъ,
Князь Владиміръ Рюриковичъ,

Князь Андрей Владиміровичъ Долгаярука. Этотъ князь показанъ и въ гербовникѣ; но по гербовнику отъ него происходятъ князья Вяземскіе. По родословию—же князья Вяземскіе происходятъ отъ двухъ первыхъ его сыновей; а отъ третьяго сына его, князя Ивана Андрѣевича, показаны Долгорукие.

Эта родословная показана списанною изъ разряда и подписана, какъ полагать должно, отцомъ князя Якова Ѳедоровича, ибо въ ней значится такъ:

« Околыничій князь Ѳедоръ князь Долгорукой на память дѣтямъ своимъ изъ разряда ».

Она безъ года.

Всѣ эти родословныя, во всякомъ случаѣ, достовѣрнѣ позднѣйшихъ выводовъ Мюллера, Новикова и проч., основанныхъ на однихъ только догадкахъ, потому что онѣ древнѣе ихъ выводовъ и, слѣдовательно, ближе къ эпохѣ мѣстничества, когда старшинство родовъ вызывало ежедневные споры, и поэтому постоянно заставляло прибѣгать къ справкамъ съ родословными книгами.—Словомъ, по мнѣнію нашему, должно держаться Разряднаго Архива, по которому намъ извѣстно,

что князь Андрей Юрьевичъ, изъ рода Долгорукихъ, имѣлъ князя Ивана Долгорукаго, отъ котораго и произошелъ родъ Долгорукихъ, а не отъ вымышленнаго Лабановымъ и Мулло-ромъ — Андрея Константиновича. Чтобы отвергнуть показаніе разряднаго Архива № 207, надо отыскать или актъ древнѣю его, или, по крайней мѣрѣ, хоть актъ современный ему, а по ссылаться на книгу, сочиненную въ царствованіи Екатерины II-й.

Разсказъ покойнаго Г. Фурмана, подъ заглавіемъ: «Наталья Долгорукова», тоже не можетъ быть подлиннѣе собственныхъ записокъ княгини, а также указовъ и фактовъ.

Не должно тоже забывать того, что при составленіи гербовника князь Куракинъ имѣлъ сильное вліяніе, и показалъ, что родъ его и родъ Галицкихъ и Трубецкихъ происходитъ отъ Равноапостольнаго князя Владиміра, тогда какъ предокъ Галицкихъ, Трубецкихъ и Куракиныхъ, Гедеминъ Литовскій, и его дѣти Любарть, Ольгердъ и Кейстутъ, и дѣти послѣднихъ: Свистригаило, Ягелло и Витольдъ, были язычники; будь они потомки Равноапостольнаго, то они были-бы христіане.

Замѣтимъ еще, что нельзя даже, по здравому смыслу, допустить, чтобы въ ту пору, когда только что сожгли книги о мѣстничествѣ, о чемъ большая часть еще сожалѣли, что видно даже изъ Полнаго Собранія Законовъ, такъ какъ передъ тѣмъ самымъ многіе были челомъ за мѣста—что-бы въ ту пору, когда каждый за мѣсто сажалъ другаго въ тюрьму, подали-бы зарукоприкладствомъ росписи, въ которыхъ-бы пронаводили себя отъ тѣхъ, которые отъ нихъ происходили (1), и что бы, напримеръ, Оболенскіе, Одоевскіе, Карачевскіе и т. д. показали себя происходящими отъ рода Долгорукихъ, если бы родъ

(1) Въ указѣ 1682 года, 24 Ноября, между прочимъ, сказано: «п того же числа тѣ книги (разрядныя) предади огню Государскія переднія Палаты въ сѣняхъ, а при томъ стояли отъ великаго государя царя и великаго князя Федора Алексѣевича всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержца бояринъ князь Михайло Юрьевичъ Долгорукой да думный дьякъ Василій Семеновъ, а на память родонъ въ разрядной родословной книгѣ пополнить, для того взять рукописи заругами».

Долгорукихъ происходить отъ ихъ рода, а также, чтобы мы теперь вѣрнѣе знали родословныя, чѣмъ знали ихъ правды наши?

Изъ Полнаго Собранія Законовъ видно, что былъ только одинъ случай, гдѣ Долгорукіе спорили о мѣстничествѣ, и то потому, что Пушкинъ затронулъ ихъ; приводимъ подлинный указъ:

« Въ глѣто ⁷¹⁰⁰₁₀₅₂ Февраля 9 дня.

Няиной Указъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, Великня, малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, связанный разряднымъ дякомъ Семеномъ Заборовскимъ Боярину и Оружейничему Григорію Пушкину и брату его Окольничьему Степану Пушкипу. Прошлаго Ноября 22 дня сидѣлъ государь съ Болры, а вы Григорій да Степанъ въ тое пору бранилися съ князь Юрьемъ да со Окольничьимъ князь Дмитріемъ, княжь Алексѣевичами Долгорукими, не были челомъ вы государю, что вамъ меньше ихъ быть не можно, а Бояршигъ князь Юрій да Окольничій князь Дмитрій Долгорукіе были челомъ на насъ государю о безчестыи, что вы-ихъ тѣмъ обезчестили, и тебѣ Григорію и Степану меньше быть можно, потому что отецъ вашъ Гаврило былъ меньше дяди ихъ роднаго, князя Василія Долгорукаго, а Пшавъ Бобринцевъ-Пушкинъ былъ во Брянскѣ меньше отца ихъ князя Алексѣя; и за безчестіе Боярина князь Юрья да Окольничьяго князь Дмитрія княжь Алексѣевичей Долгорукихъ указалъ государь васъ Боярина Григорья, да Окольничьяго Степана Гавриловичей Пушкиныхъ, послать въ тюрьму, и впрעדъ вамъ у всякихъ государевыхъ дѣлъ съ ними быть можно».

Много распространили разныхъ ложныхъ толковъ о мѣстничествѣ; но что мѣстничество не было исключительно по древности рода, очевидно доказывается тѣмъ, что иначе-бы князь Ромодановскій не сидѣлъ бы въ тюрьмѣ за то, что занялъ мѣсто выше боярина Шенна. Мѣстничество было тоже по заслугамъ, но не по одиѣмъ личнымъ, но и по заслугамъ отца, дѣда и правды. — Впослѣдствіе, когда оно слишкомъ разви-

лось, то падо было принять мѣры, чтобы уничтожить его; хотя оно было и не совсѣмъ безъ пользы; такъ, оно отчасти удерживало негодаевъ отъ дурныхъ поступковъ, могущихъ затмить ихъ родъ, честь—и безчестіе отца и дѣда падали тогда на сына и внука.

Авторъ статьи о Долгорукихъ, помѣщенной въ энциклопедическомъ лексиконѣ, назвалъ родителя царицы Маріи, Долгорукимъ—Оболенскимъ; желательно-бы было, чтобы онъ указалъ, откуда онъ почерпнулъ это свѣденіе, ибо какъ грамота царя на имѣніе, такъ и описаніе свадебнаго обряда противорѣчатъ этому, а также — и полное собраніе Законовъ.

Тутъ, кстати, надо замѣтить, что издатели кавказскаго календаря въ хроникѣ прежде постоянно показывали супругомъ грузинской царицы Тамары правнука великаго князя Юрія Долгорукаго, внука великаго князя Андрѣя Долгорукаго, прозваннаго, по убійствѣ, Боголюбскимъ; но это ни начемъ не основано, и правнукъ великаго князя Юрія Долгорукаго не могъ быть современникомъ царицы Тамары: такъ какъ она царствовала съ 1174 года по 1201, а великій князь Юрій Долгорукой княжилъ съ 1154 года по 1157-й. Супругомъ ея былъ одинъ изъ сыновей великаго князя, отъ третьей супруги его.

Нельзя тоже не согласится съ Сергѣемъ Глиной, что мужемъ царицы Тамары былъ Всеволодъ Юрьевичъ. Этотъ князь, вернувшись въ Россію, былъ на велико-княжескомъ престолѣ, и отъ него-то и пошла царствующая вѣтвь до дома Романовыхъ.

Изъ дѣла о гербѣ и подписи Долгорукихъ.

Въ сказаніи, изданномъ въ 1840 году, въ С.-Петербургѣ, упомянутымъ нами княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгорукимъ, оуъ пасъ самовольно соизволилъ переименовать, и себя въ томъ числѣ, изъ Долгорукихъ—въ Долгоруковыхъ.

1) Фамилію мѣнять только можно съ Высочайшаго соизволенія, на что мы совсѣмъ не имѣли и не имѣемъ надобности испрашивать разрѣшенія.

2) Первый предокъ нашъ именовався : Долгорукой.

3) Въ разрядномъ архивѣ мы внесены, подъ именемъ Долгорукихъ.

4) Въ грамотѣ, оберегательной печати большого полка князя Василія Васильевича Голицына съ таварищами, королю польскому Іоанну III-му подпись : *въ лѣто 1689 года Ближайшій бояринъ и воевода князь Владимиръ Долгорукой.*

5) Въ грамотѣ святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи Филарета Никитича, оуъ сотворенія въ лѣта 7131, оубря 19, сказано : *князю Володимеру Тимофеевичу Долгорукому.*

6) Въ регламентѣ святѣйшаго правительствующаго синода, блаженныя памяти императора Петра Великаго, подпись врадѣа нашего, на 14-й страницѣ : князь Яковъ Долгорукой, который былъ украшеніемъ нашего рода, и мы не хотимъ, чтобъ современемъ потомки наши считали его другаго съ нами рода.

7) Во всѣхъ манифестахъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти императора Петра II : вездѣ *Долгорукиѣ*, а не *Долгоруковы.*

8) Подпись на докладѣ императрицѣ Аннѣ I Іоанновнѣ 1739

года, іюня генераль-фельдмаршала князя Долгорукаго: *князь Василій Долгорукой*.

9) Въ грамотѣ на орденъ Св. Владимира: князю Владимиру Долгорукому, а не Долгорукову.

10) Въ первой части гербовника 1798 года, утвержденнаго императоромъ Павломъ I, мы писаны подъ именемъ Долгорукихъ, а не Долгоруковыхъ.

12) Князь Петръ Владимировичъ Долгорукой, измѣнилъ свою фамилію на Долгоруковъ безъ всякаго согласія лицъ старшей линіи.

13) Князья: Павелъ, Александръ, Дмитрій, Алѣксей и Владимиръ Ивановичи никогда не подписывались *Долгоруковъ*, и до нынѣ Александръ Ивановичъ, старшій изъ живыхъ князей Долгорукихъ, подписывается *Долгорукой*, такъ какъ и бывшій министръ юстиціи. Не должно писать Долгорукій, потому что фамилія не подлежитъ измѣненію правилъ языка; напримѣръ: Шереметевъ, а не пишется: Шерметьевъ.

14) Во всѣхъ сочиненіяхъ князей Долгорукихъ вездѣ написано Долгорукой, а не Долгоруковъ, исключая сочиненія князя Сергея Васильевича, сына бывшаго оберъ-штабмейстера. Наприм., князь Дмитрій Ивановичъ въ книжкѣ, издашней въ 1857 году подъ именемъ «Звуки», (1) въ одномъ стихотвореніи говоритъ (на стр. 51):

«Но гдѣ они? Они угасли —
Краса и честь своихъ временъ
Богатый сердцемъ Долгорукой
И классикъ русскій Мерзляковъ».

15) Ссылка наимянные высочайше указы новѣйшаго времени не есть доказательство; въ указѣ фамилія, обыкновенно, пишется такъ, какъ пишеть се тотъ, на имя котораго дается указъ. Но Долгорукимъ не было еще дано указа, которымъ имъ велѣно-бы было переимѣнить фамилію; къ тому-же, въ древнихъ указахъ вездѣ писано: «Долгорукіе», а не «Долгоруковы».

(1) Есть еще другое изданіе 1863 г. Сиб., въ 16 д. л., стр. 155.

Такъ, наиримѣръ, въ 1 томѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи встрѣчается съ 1649 по 1675 годъ первое:

«Указъ въ дѣто 7136 Юня 16 дня великаго государя царя си великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Россіи Самодержца, при свѣтѣйшимъ патриархѣ Іосифѣ Московскомъ и всея Россіи, сдѣлаю уложеніе, которое по сему указу чтимо было, въ отвѣтной палатѣ по государеву указу сидѣлъ боярши князь Юрій Алексѣевич Долгорукой слушалъ» и проч.

1663 года Марта 9, въ церемоніаль для выхода въ пасху, между прочимъ, сказано: «а въ Кремль на троицкіе ворота за образомъ Сергія чудотворца ходилъ окольничій князь Дмитрій Алексѣевич Долгорукой».

Въ договорѣ, между Россіей и Польшею, подписанномъ въ Москвѣ, сказано: (1).

«Наияснѣйшаго и великаго государя нашего Михаила, Божіею милостіею короля польскаго и великаго князя литовскаго, Русскаго и иныхъ, мы великіе его королевскаго величества государя нашего милостиваго и Ръчи Посполитой послы Янъ Гшиской воевода, Хельмицкій, Ковалевской, Грудецкой, Родиской, староста кастелянъ Павелъ Бродставской, рефеидаръ и писарь великаго князя литовскаго Ошяиской, Мядельской, Давговской, староста экономинъ Сокольскій, администраторъ Александръ Костовичъ, схолюстикъ Веленскій, регентъ канцелярии великаго княжества литовскаго, секретарь посольства объявляютъ, что будучи съ ними его королевское величество и Ръчи Посполитой великими послы на многихъ разговорахъ, Божію милостію, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчина, дѣдича наслѣдства государя и обладателя, его царскаго величества бояре и думные люди ясновельможные и вельможные, ближній бояринъ и пажѣтникъ Тверской, князь его милость Юрій Алексѣевич Долгорукой,

(1) См. Всеобщее Собраніе Законовъ I Т., стр. 875.

бояринъ и намѣстникъ Суздольскій, князь его милость Дмитрій Васильевичъ Долгорукой» и проч.

Въ III Томѣ полнаго Собранія Законовъ вездѣ: «Долгорукой» и очень рѣдко: «Долгоруковъ».

Въ родительномъ падежѣ, правда, иногда написано Долгоруковъ, но не надо забывать, что тогда писали *его*, а не *его*.

Читай указы: II Томъ, стр. 883. $\frac{1705}{1688}$: князь Владимиръ Дмитриевичъ *Долгорукой*; Томъ III, стр: 158 $\frac{1701}{1683}$: князю Якову Фёдоровичу *Долгорукому*;

Томъ III стр: 273. $\frac{1705}{1687}$: со княземъ Яковомъ *Долгорукии*.

Томъ X, ст. 14. 1700 года 18 Февраля: боярину князю *Долгорукому*;

Томъ I, ст. 16, 1700 годъ, Февраля 28-го, сказано въ именительномъ падежѣ: восвода князь Яковъ Фёдоровичъ *Долгорукой*, и въ концѣ тогоже указа: генералу ему комиссару князю *Долгорукову*.

Со времени Петра I-го фамилію Долгорукихъ въ родительномъ и прочихъ падежахъ писали съ окончаніемъ на *у*, *ва*, но, повторяемъ, это ничего не доказываетъ. Сами же князья подписывались всегда на *ой* и въ именительномъ падежѣ ихъ фамилію такъ обыкновенно писали, что и подтверждается подлинною запискою князя Якова, которая находится у сенатора князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго.

16) Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на указъ 1798 года, 1-го Января, изъ котораго ясно видно, что имъ дозволяется оснашивать выводы гербовника, лишь-бы доказательства основывались на сочиненіяхъ и актахъ, публично изданныхъ; но имъ же воспрещается мѣнять фамилію или окончности ея, вопреки высочайшаго указа.

17) Петръ Владиміровичъ Долгорукой говоритъ, что всѣ отъ Рюрика происшедшіе роды, которые носили фамиліи, произведенныя отъ городовъ, подписываются на *ій*, а прочіе на *овъ*; это не вѣрно (въ концѣ прилагаемъ подлинную визитную карточку князя Одоевскаго). Поляки подписываются на *ій* да еще

князя Оболенскіе, въ чемъ легко удостовѣриться, просмотрѣвъ Общее Собраніе Законовъ.

18) Князь Петръ Долгорукой, проповѣдуя *ій* и *овъ*, вмѣсто *ой*, совсѣмъ забываетъ, что въ Московскомъ нарѣчій, древнемъ Русскомъ, вовсе не было окончаній на *ій*, что подтверждается грамматикою Ломоносова, гдѣ писалось *косой Русской, прежней Божей*; и это правило соблюдалось до 1825 года. Даже инвалидъ писался: «Русской инвалидъ» — и это находили правильнымъ. Конечно, можно оспаривать и это, или доказывать, что писать такъ было не правильно; потому что не пишутъ же теперь такъ; но, во первыхъ, всякій языкъ измѣняется, а съ нимъ и орѳографія; во — 2, слитіе западныхъ губерній, гдѣ русское произношеніе измѣнено польскимъ нарѣчіемъ, имѣло вліяніе на русскій языкъ; 3, сверхъ того, въ послѣднее время многія слова введены въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ. Главное дѣло въ томъ, что въ старину ни кто на *ій* не подписывался. Грамматикою принято было писать на *оѣ, еѣ*, и потому такъ всѣ и подписывали, но если языкъ и измѣнился, то все итѣтъ никакой пужды измѣнять окончаніе своей фамиліи.

Многіе думаютъ, что до изданія гербовника русскіе князья и бояре не имѣли гербовъ; совѣтуемъ имъ прочитатъ указъ 1-го Января 1798 года, о гербовникѣ, императора Павла I.

Въ древности (какъ видно изъ печати временъ Іоанна Васильевича Грознаго) Долгорукіе изображали свой гербъ двумя полями; на верхнемъ, красномъ полѣ: рука со стрѣлою, выходящею изъ облаковъ, а на нижнемъ, золотомъ: стѣны кремля. Щитъ обвѣшанъ былъ золотою гривною и цѣпью съ крестомъ; надъ щитомъ была двухъ-ярусная княжеская шапка.

На трехъ печатяхъ, одной временъ вцареній дома Романовыхъ, а другой временъ Петра I, уже видимъ измѣненіа: вмѣсто гривны и креста, — мантія и общаа одноярусная шапка; гербъ, сверхъ того, имѣетъ щитодержателей; одна изъ печатей о трехъ поляхъ, въ ней прибавленъ гербъ Новгородскій. Аргутинскіе-Долгорукіе имѣли древній гербъ въ два поля; на верхнемъ, красномъ полѣ: руку съ мечомъ, выходящую изъ обла-

ковъ, а на низкомъ золотомъ: древній гербъ Персіи — левъ съ булавою и щитомъ.

При утвержденіи гербовника, императоромъ Павломъ I, у насъ щитодержатели не извѣстно почему отняты; ихъ и теперь можно видѣть въ Москвѣ, въ Китай-городѣ, на гербахъ древнихъ гробницъ пращуровъ нашихъ; намъ при Павлѣ I утвердили гербъ о четырехъ поляхъ: первое поле золотое, съ Черниговскимъ гербомъ; второе красное, съ Кіевскимъ; третье черное, на немъ рука; четвертое голубое, съ изображеніемъ герба. Аргутинскіе, помѣщичье въ 5-ю часть гербовника, получили прибавленіемъ къ своему гербу третье поле золотое, на которомъ изображена половина всероссійскаго орла съ мальтійскимъ крестомъ на груди, въ срединѣ котораго вензель императора Павла I.

Ливрея наша красная, воротникъ, обшлага и карманы — черные, жилетъ или камзолъ — золотой; панталоны — голубые. Аргутинскихъ — красная безъ чернаго, золотой жилетъ и голубые панталоны. Кстати о ливреяхъ замѣтимъ, что нынче мало обращаютъ вниманія на значеніе ливрей, и многіе думаютъ, что всѣ князья имѣютъ право носить красную ливрею, а между тѣмъ есть и дворяне, нѣбующіе ее; какъ, напримѣръ, Телегины, а есть и князья, которые не имѣютъ ее. Ливрея определяется по палату — у дворянъ, а у князей — по цвѣту полей герба ихъ.

Здѣсь, прежде чѣмъ перейдемъ къ повѣствованію о родѣ Долгорукихъ, мы кстати обратимъ вниманіе нашихъ читателей на предѣль Долгорукихъ въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, очень нуждающійся въ возобновленіи.

Преданіе говоритъ, что великій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой (читай 1 часть гербовника стр. 7), возобновивъ въ Москвѣ Кремль, соорудилъ подлѣ него городъ, назвавъ его по имени сына своего Андрея, который носилъ тоже имя Китай; названіе это и досихъ поръ сохранилось въ Москвѣ. По смерти Юрія Владиміровича, набожный сынъ его соорудилъ въ Китай-городѣ, въ честь ангела своего отца, Св. Велико-

мученика Георгія побѣдоносца церковь, на мѣстѣ которой впоследствии основанъ Богоищенскій монастырь.

Богоявленскій монастырь, какъ полагать должно, основанъ не позже XII-го вѣка; нельзя положительно утверждать, что бы находящійся тамъ предѣлъ Св. Георгія былъ та самая древняя церковь; но изъ главы его, проходящей сквозь паперть, видно, что онъ древнѣе собора, относящагося къ постройкамъ XII вѣка. Къ сожалѣнію, предѣлъ этотъ перестроенъ, такъ что въ немъ и слѣдовъ не осталось глубокой древности.

Соборная Богоявленская церковь надстроена въ 1696-мъ году и освящена 20-го Января патріархомъ московскимъ свѣтѣйшимъ Андріаномъ.

Кромѣ громадныхъ кремлевскихъ зданій, храмъ этотъ, отличающійся легкостью и красотою своей архитектуры, одинъ господствуетъ надъ Китай-городомъ. Къ сожалѣнію, эпоха между царствія, царствованіе Годунова и пожаръ Москвы, во время нашествія Наполеона I, уничтожили всѣ древнія монастырскія рукописи и утвари.—Въ монастырь этомъ митрополитъ святой Алексѣй, сынъ боярина Черниговскаго Феодора Плещеева и супруги его Маріи, проходилъ всѣ монашескія послушанія и былъ постриженъ въ монашество игуменомъ Стефаномъ, братомъ св. прендобнаго Сергія.

Замѣтимъ при этомъ, что упоминаемый здѣсь бояринъ Феодоръ именовался виконтомъ Плещеевымъ (читай 1797. О гербѣ Плещеевыхъ); слѣдовательно, хотя онъ и считался Черниговскимъ, но нѣтъ сомнѣнія, что или отецъ его былъ французъ, или же кто нибудь изъ предковъ. Мирная эта обитель дала Россіи многихъ святителей: въ 1509 г. Нила, епископа Тверскаго, въ 1547 г. Кипріяна Вологодскаго, въ 1712 года Ипатія, епископа Суздальскаго. — Настоятели же его хотя неимѣли архіерейскаго сана, все же пользовались правомъ присутствовать на соборахъ; почему на соборѣ, созванномъ въ 1572 г. Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, для получения разрѣшенія вступить въ четвертый бракъ, — между прочими подписалъ и настоятель этого монастыря Феодосій; а въ 1613 году настоя-

тель монастыря Амвросій подписалъ актъ на избраніе въ цари Михаила Федоровича Романова, и въ 1720 году настоятель Іакинфъ — духовный регламентъ святѣйшаго правительствующаго Синода; изъ чего видно, какое значеніе эта обитель имѣла въ Иерархіи Россійской. — Въ этой обители почиваютъ 14-ть особъ изъ рода Долгорукихъ. Возобновительница предѣла св. Георгія (уничтожившая все древнее въ немъ) княгиня Елена Алексѣевна Долгорукаа, урожденная княжна Долгорукая, сестра цѣлѣбны государя, почиваетъ въ томъ предѣлѣ, который обращенъ теперь въ ризницу. Но не одни Долгорукіе погребались въ этой обители: тамъ погребено 13-ть Голицыныхъ, 3-е Шереметьевыхъ, 1 Юсупова, 1 Меньшиковъ, 1 Измайловъ, 1 Салтыковъ, 1 Савеловъ, 1 Соловухъ, 1 Кологривовъ. Надо отдать честь братіи и настоятелямъ монастыря, что они, не смотря на то, что Долгорукіе совсѣмъ не заботятся о своемъ предѣлѣ, сохранили даже и портретъ великаго князя Юрія Владиміровича, изображеннаго молящимся, перенесенный туда возобновительницею георгіевскаго предѣла, доселѣ именуемаго предѣломъ Долгорукихъ. — Во время коронаванія нынѣ царствующаго государя, я получилъ отъ одного Долгорукаго порученіе возобновить предѣлъ этотъ, но встрѣтилъ разныя препятствія со стороны Архимандрита, завязалась переписка, до нынѣ продолжающаяся; а между тѣмъ — усердіе Долгорукихъ охладѣло.

Донской монастыри не былъ такъ добросовѣстенъ въ отношеніи Долгорукихъ. Съ давнихъ поръ обязанный этой фамиліи милостію, онъ, противъ всякихъ правилъ долга и чести, поступилъ съ костями дѣда и бабки князей Алексѣя и Владиміра Ивановичей Долгорукихъ. Дѣдъ и бабка этихъ Долгорукихъ основали въ этомъ монастырѣ церковь и больницю; церковь эта, не смотря на уничтоженіе больницы, продолжала именоваться больничною; въ ней они и были погребены. — Но, когда князья Голицыны, постоянно соперничествовавшіе съ Долгорукими, пожелали имѣть свою церковь въ этомъ монастырѣ, то вмѣсто того, чтобы отвести имъ новое мѣсто, имъ

дозволили взять болыничную, и вмѣсто нея построить новую. — Князья Алексѣй и Владиміръ Пшановичи Долгорукіе кинулись тогда въ монастырь, но было уже поздно: работавшіе фундаментъ объявили имъ, что кости всѣхъ погребенныхъ въ церкви собраны и погребены на общемъ кладбищѣ. Тогда Долгорукіе лично обратились къ покойному оберъ-камергеру князю Голицыну и подали прошеніе, что имѣло послѣдствіемъ то, что архимандритъ, устыдясь своего недостойнаго поступка, объявилъ, что кости Долгорукихъ положены подъ одною изъ стѣнъ храма, у которой и велѣно поставить доску, существующую и до-нынѣ; но, тѣмъ не менѣе, достоверно извѣстно, что костей тамъ нѣтъ... и послѣ этого у нѣкоторыхъ Долгорукихъ хватаетъ еще духа хоронить тамъ членовъ своего семейства!

Узнавъ про этотъ поступокъ настоятеля Доискаго монастыря, забышаго, корысти ради, благодѣянія, оказанныя этому монастырю Долгорукими, братія Симонова монастыря предложила свою обитель Долгорукихъ. Но, по недостатку единодушія между Долгорукими, тамъ погребена одна только еще княжна.

При погребеніи этой княжны, архимандритъ въ полномъ облаченіи встрѣтилъ ее тѣло, — съ колокольнымъ звономъ, и за труды свои, не смотря на всѣ просьбы, принялъ только не большой покровъ. За мѣсто тоже взята была самая ничтожная плата.

Надъ гробницами Долгорукихъ, похороненныхъ въ Богов-ленскомъ монастырѣ, встрѣчаемъ слѣдующіи надписи.

1) 1750 года Декабря 23 дня представился раба Божія, столыника князя Петра Михайловича Долгорукаго жена его, вдова княгини Анна Пшановна.

2) 1751 года Ноября 21 дня представилася раба Божія жена Пшана, дѣвица дщерь князя Василія Михайловича Долгорукаго; житія ей было 12 лѣтъ.

3) 1724 г. Января 8 числа въ пощи представился раба Божій комнатный столыникъ князь Василій Михайловичъ Долгорукой; житія его было 48 лѣтъ; тутъ же погребенъ столыникъ князь Пшанъ Михайловичъ Долгорукой, житіе его было

23 года; здѣсь же погребена и жена его, княгиня Евдокія Ивановна, 23 лѣтъ.

4) 1750 г. Декабря 17 дня представился рабъ Божій князь Александръ Михайловичъ Долгорукой; житіе его 36 лѣтъ.

5) 1743 г. Августа 30 дня представился въ день тезаименитства своего рабъ Божій Владимирскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ князь Александръ Владимировичъ Долгоруковъ; житіе его было 22 года и 11 мѣсяцовъ; погребенъ Сентября 3 дня. Противъ сей таблицы, подъ коей написано князь Александръ Михайловичъ Долгорукой:

6) Представился раба Божія 1757 г. Ноября 27 дня бригадирна княгиня Екатерина Осиповна Долгорукова; житія ей было 36 лѣтъ и 19 дней. Погребено тѣло ея противъ сей таблицы, подлѣ самаго мужа ея князя Александра Михайловича Долгорукаго. На камняхъ, гдѣ положена надпись именамъ ихъ: княжна Екатерина Осиповна Долгорукова, урожденная княжна Щербатова.

7) Представился раба Божія вдовствующая княгиня Марѳа Петровна Долгорукая, урожденная баронеса Шафирова; родилась: въ 1697 г. Юни 28 дня; отъ роду лѣтъ имѣя 65, отыдѣ въ вѣчное блаженство 1762 года Апрѣля 7 дня.

8) 1764 г. Марта 27 дня представился раба Божія княгиня Марія Авраамовна Долгорукая; житія ей было 73 лѣтъ.

9) Лѣта 7174 Юни 23 дня представился раба Божія боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго жена боярыня княгиня Елена Васильевна.

10) Подъ симъ камнемъ положено тѣло стольника князя Ивана Ивановича Долгорукаго, житія его было 56 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 15 дней, представился 1737 года Генваря въ 19 день.

11) Подъ симъ камнемъ положено тѣло стольника князя Ивана Ивановича супруги его княгини Агриппины Лукишиной, житія ея было 56 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 24 дня, и представился 1738 года Генваря въ 16 день пополудни, въ 1 часу.

12) Стихи, по стерты; изъ нихъ можно только извлечь,

что погребенъ князь Яковъ Петровичъ Долгорукой; рождень 1685 года Октября 7, а умеръ, показано, 1738 года 23 Апрѣля.

13) Въ георгіевскомъ предѣлѣ можно разобрать только три надписи на гробницахъ Долгорукихъ, а именно :

«1729 года Апрѣля 16 представися раба Божія, дѣйстви-тельнаго тайнаго совѣтника князя Михаила Владиміровича Долгорукаго, жена его княгиня Евдокія Юрьевна; житія ея было 54 года, погребена подъ сей таблицей. На другой надписи видно: князя Юрія Долгорукаго супруга, возобновительница этого предѣла.

Да еще Долгорукая на наружной стѣнѣ.

Изъ осмотра храма этого, по порученію Долгорукихъ, архитекторомъ Шуштовымъ, оказалось, что половина его отлита подъ кладовую, а иконостасъ обрѣзанъ и склеенъ.

Есть еще могилы Долгорукихъ во многихъ московскихъ церквяхъ и монастыряхъ, но видно, что мало обращали вниманіе на надписи; на одномъ и томъ же камнѣ часто безразлично писано: Долгорукой и Долгоруковъ; на новѣйшихъ иногда: Долгорукій; слѣдственно, памятники не могутъ быть образцами надписи. Въ Переяславѣ, Полтавской губерніи, князь Алексѣй нашель древній камень съ надписью: «Князь Иванъ, князь Долгорукой и баба его княгиня Марія Всеволодова; житія ихъ.

. въ лѣто
. и пожи
три года и у мре
. 72 лѣтъ».

Лѣта на этомъ памятникѣ написаны славянскими цифрами. Въ Валуйкахъ я искалъ одного Долгорукаго, но не нашель; жаль, что не удалось побздить по Владимірской губерніи, и что я во время бытности моеѣ въ Кіевъ еще не собралъ свѣдѣній о Долгорукихъ (1). Вклады въ Богоявленскій монастырь Долгорукихъ слѣдующіе:

(1) Вездѣ, гдѣ говорится отъ одного лица, — слѣдуетъ считать, что отъ имени князя Алексѣя, какъ главнаго составителя настоящей книги.

1) Крестъ напрестольный серебряный вызолоченный гладкой работы, на нижней доскѣ рѣзная надпись: «И сей св. честный крестъ сдѣланъ тицаіемъ княгини Елены Алексѣевны Долгорукой. Боголюбскаго монастыря въ церковь Великомученика Георгія на память покойнаго супруга ея князя Юрія Юрьевича Долгорукаго 1747 года».

2) Потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица и два блюда; всѣ серебряные вызолоченные, гладкой работы съ рѣзбою; въсу въ нихъ 3 ф. 12 золотниковъ; на поддонкѣ надпись: «Въ память генералъ-Поручицы Елены Алексѣевны, скончавшейся 1763 года Мая 12 дня, положеной въ Боголюбскомъ монастырѣ, отъ дѣтей покойной сію приношеніе».

3) Евангеліе на александрійской бумагѣ, мѣры 10¹/₂ вершковъ длины и 7 вершковъ ширины; оклеено золотою парчею, которая отъ времени ветха. Это евангеліе напечатано въ Москвѣ 1681 года. Верхняя его доска серебряная эмальированная; на ней 5 круглыхъ золотыхъ бляхъ, въ которыхъ въсу 60 золотниковъ чистаго золота.

Надпись на Евангеліи:

« 7202 г. Апрель въ 8 день.

По обѣщанію своему сіе св. евангеліе приложилъ князь Петръ Михайловичъ, князь Владиміръ Михайловичъ, князь Василій Михайловичъ Долгорукіе въ церковь чудотворца Алексія Митрополита, построенной на дворѣ ихъ, что на Тверской».

Последнее прибавленіе трудно объяснить; вѣроятно, евангеліе было сдѣлано для ихъ домашней церкви и перенесено въ монастырь ими, или другими Долгорукими. Обращенная въ ризницу церковь св. апостола Іакова Алѣева, построена въ 1754 году княгиней Марією Александровною Долгорукой; въ ней нынѣ хранится церковная утварь. Братія этого Боголюбскаго монастыря лично передали князю Алексѣю Владиміровичу, что эта княгиня погребена въ этомъ предѣлѣ, но что доска надъ ея могилой снята.

Исторія рода Долгорукихъ.

Исторія рода Долгорукихъ не есть исторія однихъ князей Долгорукихъ, а всѣхъ родовъ, происшедшихъ отъ ихъ рода, тѣхъ, кои въ Разрядномъ архивѣ показаны подъ № 207.

Первый періодъ начинается съ великаго князя Юрія (Георгія) Владиміровича Долгорукаго и продолжается, до прекращенія главной его вѣтви и до припятія боковыми подданства; слѣдственно, отъ 1100 до 1518 и 1613 г.

Второй періодъ заключаетъ въ себѣ собственно исторію рода князей Долгорукихъ — отъ принятія ими подданства до царствованія Екатерины I, т. е. съ 1518 до 1725 года.

Третій періодъ отъ 1725 г. до 1762, т. е. отъ начала царствованія Екатерины I до Екатерины II.

Четвертый и послѣдній періодъ съ 1762 г. до нашихъ временъ. Палагая событія послѣдняго періода, мы невольно ограничили почти однимъ именемъ, да нѣкоторыми извлеченіями изъ записокъ князя Григорія Алексѣевича да князя Владиміра Івановича: потому—что многія интересныя событія въ родѣ Долгорукихъ, по личнымъ отношеніямъ еще живущихъ лицъ, прямо высказаны быть не могутъ.

Періодъ первый.

Дѣдъ и отецъ великаго князя Юрія (Георгія) Владиміровича Долгорукаго, прахъ котораго поконитъ въ Кіевѣ, въ Берестовской обители, княжили въ Черниговѣ до вступленія своего на великокняжескій престолъ, который былъ тогда въ Кіевѣ. Почему многихъ потомковъ Юрія Долгорукаго, въ томъ числѣ и Долгору-

князь, считали впоследствии происходящими отъ Черниговскихъ князей. Великій князь Юрій Долгорукой былъ не малаго росту, лицомъ былъ, глаза имѣлъ каріе, носъ длинный и нѣсколько съ горбомъ, носилъ малую, но окладистую бороду; былъ сластолюбивъ.

(Исторія Карамзина, часть 2-я стр. 494). Этотъ великій князь первый въ печати своей сталъ употреблять изображеніе Георгія Побѣдоносца; сынъ его, набожный Андрей, удержалъ эту печать, потомъ Всеволодъ. Наконецъ, печать эта перешла въ гербъ князей Московскихъ и стала Московскимъ гербомъ.

Великій князь Юрій (Георгій) Долгорукой имѣлъ 12 сыновей.

1) Старшій князь Ростиславъ Юрьевичъ Долгорукой имѣлъ двухъ сыновей :

а) Князя Мстислава Ростиславича и б) Князя Ярополка Ростиславича; какъ увидимъ дальше, они были высланы въ Грецію роднымъ своимъ дядею великимъ княземъ Андрѣемъ; когда они впоследствии вернулись въ отечество, то были ослѣплены княземъ Дмитріемъ. Тогда они предались моленію у гроба святыхъ странотерцевъ князей Бориса и Глѣба, гдѣ и скончались.

2) Сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго, святой благоутѣрный князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой, по убіенію, названъ Боголюбскимъ; родился 1110 года въ Суздаль, женатъ былъ на дочери боярина Кучки-Улитъ, помѣщика, имѣвшаго село, гдѣ нынѣ Чистые Пруды въ Москвѣ. Отъ набожности князь этотъ удалился въ основанный имъ городъ Боголюбовъ (1) (нынѣ село въ 11 верстахъ отъ Владиміра) и, съ того времени отказался — отъ сожитія съ супругою своею.

Недовольная этимъ, супруга его пожаловалась своимъ брать-

(1) Городъ Боголюбовъ потому имъ такъ называлъ, что когда онъ тайно отъ отца унесъ изъ Кіева образъ Божіей Матери (привезенный изъ Греціи), то лошади, на которой онъ ѣхалъ, дойдя до мѣста, гдѣ Боголюбовъ, вдругъ останоилась и даже не пошла, какъ не были се; принявъ это за знаменіе Божіе, князь основалъ тамъ городъ.

ямъ; они составили заговоръ и въ 1173 г. въ субботу, 29 Іюня, въ глубокую полночь, прибыли въ Боголюбовъ. Убіицы князя: Іакимъ—Кучка, какой-то вельможа Петръ, ключникъ Албанъ Яссинъ да чиновникъ Ефремъ Моизовичъ (а не Моизовичъ) ворвались сначала въ княжескій погребъ, и напившись пивомъ и медомъ, перерѣзали всѣхъ сторожей, а потомъ вломались во дворецъ и стали въ потемкахъ кликать князя. Онъ откликнулся, и они, соображаясь съ направлениемъ голоса, нанесли ему нѣсколько ударовъ мечами; но въ замѣшательствѣ и темнотѣ убили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одного изъ своихъ товарищей. Принявъ его тѣло за тѣло князя, потащили его было изъ комнаты, но стоны князя заставили ихъ вернуться, и, зажегши тогда огонь, они добились его, вонзя ему въ грудь разомъ нѣсколько мечей, такъ что князь едва успѣлъ сказать: «въ рудѣ твои, Господи, предаю духъ съ міромъ!» Тѣло его нѣсколько дней лежало въ огородѣ, по слугую его Кузьмою привезено во Владиміръ, гдѣ съ честію погребено въ каменномъ гробѣ. Мощи его почиваютъ во Владиміръ подъ спудомъ; церковь память его совершаетъ въ день убіенія.

Сей князь имѣлъ ния Китая, но, по набожности своей, самъ вовсе не употреблялъ его.

Образъ, именуемый Боголюбская Божія мать, есть та самая икона, о которой мы выше говорили.

Первую мысль о единомудравіи имѣлъ онъ, почему уничтожилъ кievскій великокняжескій престолъ и посадилъ тамъ на княженіе покорнаго брата своего, князя Глѣба Юрьевича; а сыну его, князю Владиміру Глѣбовичу, отдалъ южный Черяславъ. Святой великій князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій Долгорукой выслалъ изъ Россіи мачиху свою, вдовствующую великую княгиню Ольгу, урожденную княжну греческую, ближайшую родственницу Греческаго императора, третью супругу родителя своего, великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, а съ нею всѣхъ ея дѣтей (своихъ братьевъ по отцѣ), князей Василька и Мстислава Юрьевичей Долгорукихъ; а также одноутробнаго брата своего князя Всеволода Юрьевича Долгору-

каго, да еще малолѣтняго князя Михалку (1) Юрьевича Долгорукаго, и кромѣ того, двухъ племянниковъ своихъ, князей Ярополка и Мстислава Ростиславичей. Они удалились въ Грецію, въ Царь-градъ. По чувству родства и изъ уваженія къ бѣдственному положенію изгнанниковъ, императоръ Греческій далъ вдовствующей великой княгинѣ Ольгѣ, княжнѣ греческой, вмѣстѣ съ сыномъ ея княземъ Василькомъ, въ удѣлъ четыре города съ Дунайскою областію, а князю Мстиславу Долгорукому—Аскалоу, зависившую тогда частію и отъ королей Іерусалимскихъ. Прочимъ изгнанникамъ тоже дано было пристанище. Князья Всеволодъ и Михалка Юрьевичи Долгорукіе и князья Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, впоследствии, обратно вернулись въ отечество.

Въ 1171 г. великій князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой посадилъ сына своего князя Юрія (Георгія) Андреевича на Новгородскій престолъ; въ 1173 году онъ послалъ его съ 50 тысячами войска на Кіевъ; сынъ этого князя, князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой—Переяславскій, имѣлъ какую-то войву съ княземъ Галицкимъ. У князя Андрея Юрьевича былъ сынъ, князь Юрій (Георгій) Андреевичъ, погибшій въ сраженіи съ татарами; сынъ его князь Андрей Юрьевичъ имѣлъ сына князя Ивана Андреевича Долгорукаго, который отъ супруги своей, княгини Маріи Всеволодовны, имѣлъ единственнаго сына—князя Владиміра Ивановича; послѣдніе три князя показаны въ разрядномъ архивѣ подъ № 207, и всего

(1) Князь Михалка въ лѣтописяхъ не названъ одноутробнымъ Боголюбскому, а также и не сыномъ мачихи Боголюбскаго, высланной няи: въ лѣтописяхъ сказано, что вдовствующая великая княгиня, изъ сожалѣнія, по материнскому чувству, взяла съ собою малолѣтняго князя Михалку, рожденнаго не отъ одной матери съ Боголюбскимъ; сѣдствено, отецъ его женатъ былъ три раза, и высланная вдовствующая великая княгиня была 3-й, а не второй супругой великаго князя Юрія Долгорукаго. Тутъ же сказано, что великій князь Юрій Долгорукой назначилъ наследникомъ князя Михалку и сдѣлалъ это будто потому, что не могъ простить сыну Андрею Боголюбскому самовольнаго удаленія его изъ Вышгорода.

вѣроятно, что у нихъ удѣловъ небыло. Дѣти четырехъ сыновей князя Владиміра Ивановича: князей Семіона Владиміровича, Ѳедора Владиміровича, Тимофея Владиміровича и Михаила Владиміровича въ 1518 году пришли въ Москву, подѣ высокую руку царскую служить; слѣдственно — съ 1518 года надо считать подданство князей Долгорукихъ.

3) Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ Долгорукой, третій сынъ великаго князя Юрія (Георгія) Долгорукаго, досель поминаемый въ древнемъ прологѣ Московскомъ и Кіевскомъ, въ житіе святаго благовѣрнаго князя Михаила Тверскаго, подѣ именемъ князя Всеволода Долгорукаго, — былъ по смерти отца своего высланъ братомъ своимъ, Боголюбскимъ, въ Грецію (восточную Римскую имперію), а по убіеніи его (Боголюбскаго) взошелъ на велико-княжескій престолъ и умѣлъ удержати престолъ этотъ въ родѣ своемъ до дома Романовыхъ; а именно:

Дѣти его:

- а) Святый благовѣрный князь Константинъ Всеволодовичъ;
- б) Князь Борисъ Всеволодовичъ, бездѣтенъ;
- в) Святый благовѣрный князь Юрій (Георгій) Всеволодовичъ;
- г) Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ;
- д) Святый благовѣрный князь Василій (Володиміръ) Всеволодовичъ;
- е) Князь Святославъ Всеволодовичъ, бездѣтенъ;
- ж) Князь Иванъ Всеволодовичъ;
- а) Святый благовѣрный князь Константинъ Всеволодовичъ, почиваетъ въ соборной церкви въ губерискомъ городѣ Ярославѣ, въ предѣлѣ имени его и его брата с. к. Василія. Церковь память его совершаетъ 3 Іюля; онъ имѣлъ сыновей:
 - ?) Князь Всеволода Константиновича, у котораго были:
 - Князь Борисъ Васильевичъ,
 - Князь Глѣбъ Васильевичъ.

Князь Борисъ Васильевичъ имѣлъ сына князя Константина Борисовича, а у него былъ сынъ князь Василій Константиновичъ: у этого князя — Константинъ Васильевичъ, а у него

князь Владиміръ Константиновичъ, у того князь Иванъ Владиміровичъ, у этого князь Александръ Ивановичъ, а у него князь Михайла Александровичъ Косатка, отъ коего пошли князья Косаткины, Иванъ Александровичъ Лобано, отъ коего пошли князья Лобановы. Князь Глѣбъ Васильевичъ имѣлъ сына князя Михайла Глѣбовича, а у него былъ сынъ князь Романъ Михайловичъ, у этого князь Василій Романовичъ, а у него князья Юрій и Иванъ Васильевичи, а у князя Ивана былъ сынъ князь Пванъ Ивановичъ Ухтомскій, отъ коего пошли князья Ухтомскіе. Князь же Юрій Васильевичъ имѣлъ князей Романа и Андрея Юрьевичей, а князь Романъ имѣлъ князя Федора Романовича, у котораго былъ сынъ князь Гаврила Федоровичъ Бѣлосельскій, отъ котораго пошли князья Бѣлосельскіе. Князь Андрѣй Юрьевичъ имѣлъ сына князя Ивана Андреевича Вадбольскаго, отъ коего пошли князья Вадбольскіе.

б) Святый благовѣрный Георгій (Юрій) Всеволодовичъ сочетался бракомъ въ 1211 г., апрѣля 11 дня, съ дочерью Черниговскаго князя Всеволода Чернаго, княжною Агафією. Нѣкоторые изъ князей Долгорукихъ считаютъ его своимъ родоначальникомъ. Когда Батый, въ 1238 г., февраля 7-го, явился подъ стѣнами Владиміра и городъ былъ взятъ приступомъ, то супруга этого князя, вмѣстѣ съ семействомъ, погибла въ пламени, а двое сыновей его, князья Всеволодъ и Мстиславъ, были убиты въ сраженіи; марта же 4-го того же года и самъ князь палъ на полѣ брани. Церковь совершаетъ ему память 4-го февраля. Мощи его открыто почиваютъ въ соборномъ храмѣ Успенія Богородицы во Владиміръ, въ серебряной рацѣ, устроенной святѣйшимъ патриархомъ Іосифомъ, тѣмъ самымъ, котораго дѣйствія и уставъ особенно чтутъ единовѣрцы и старообрядцы. Дочь сего князя была супругою князя Василька Романовича Галицкаго (по не Голицына, какъ нѣкоторые Голицыны проповѣдуютъ); кромѣ того, у него были еще два сына: князь Владиміръ и князь Андрей, котораго сынъ, святый князь Глѣбъ Андрѣевичъ, открыто почиваетъ во Вла-

димиръ, въ соборъ Успенія Богородицы, въ предѣлѣ сего имени и съ 1818 г. — въ серебряной ракъ.

в) Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ первый изъ русскихъ князей отправился, въ 1243 году, къ хану въ орду.

Сыновья его:

- 1) Андрей Ярославичъ, княжилъ въ Суздаль;
- 2) Святой благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ — Невскій;
- 3) Князь Ярославъ Ярославичъ, княжилъ въ Твери;
- 4) Князь Василій Ярославичъ, княжилъ въ Костромѣ.
- 5) Князь Константинъ Ярославичъ.

Святой благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ—Невскій имѣлъ сыновей Дмитрія и Андрея, да третьяго — святаго благовѣрнаго великаго князя Данила Александровича, родившагося въ 1261 году, а скончавшагося въ 1303 году марта 4-го. Принявъ схиму, онъ первый погребенъ былъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Мощи его обрѣтены въ 1632 году и, по высочайшему повелѣнiю царя Алексѣя Михайловича, перенесены въ Даниловъ монастырь, имъ сооруженный, въ храмъ семи Вселенскихъ соборовъ; память его совершается 4 марта и 30 августа; онъ имѣлъ сыновей:

- 1) Князя (Юрія) Георгія Даниловича,
- 2) Великаго князя Юана I Даниловича.

Юанъ I Даниловичъ Калита имѣлъ сына великаго князя Дмитрія Юановича Донскаго, а тотъ имѣлъ сына — великаго князя Василія I Дмитриевича, который первый пересталъ ѣздить въ орду. Сынъ его, великій князь Василій Васильевичъ, ослабленъ былъ Шемякою, и потому извѣстенъ подъ именемъ Темнаго. Любопытно сказанiе о его смерти: онъ не велѣлъ хоронить себя семь дней; на третiй день ожилъ, съѣлъ во гробѣ и пѣлъ псалмы, потребовалъ приобщенiя, и когда на порогъ показался архипастырь московскiй съ дарами, то онъ его увидѣлъ и потомъ, приобщившись, снова умеръ. Говорятъ еще, что онъ въ это время всѣхъ узнавалъ и предсказывалъ. У Василія Темнаго былъ сынъ великій князь Юанъ III, сверг-

нувшій совершенно иго монгольское и подавившій удѣльную систему. Сынъ его былъ великій князь Василій III Иоанновичъ, отецъ царя Иоанна Васильевича Грознаго, первою супругою котораго была дочь боярина Романа Юрьева, потомка сверженнаго короля прусскаго, Анастасія Романова; отъ нея у него были сыновья: царевичи Иоаннъ, Федоръ и Дмитрій Углицкій.

3) Князь Константиъ Ярославичъ, пятый сынъ Ярослава Всеволодовича, имѣлъ сына князя Давыда Константиновича; у него былъ сынъ князь Федоръ Давыдовичъ, а у этого князя Иванъ Федоричъ, а у него князь Дмитрій Ивановичъ, а у того князь Василій Дмитриевичъ, у него князь Василій Васильевичъ, а у того князь Борисъ Васильевичъ, у котораго было три сына: 1) князь Дмитрій Борисовичъ Береза; 2) князь Семень Борисовичъ Осина; 3) князь Иванъ Борисовичъ, отъ которыхъ пошла князя Галицкіе, а не Голлицыны.

а) Святый благовѣрный князь Василій Всеволодовичъ починаеть во Владиміръ, въ соборномъ храмѣ Успенія. Церковь память его совершаеть 3 Юля.

г) Князь Иванъ Всеволодовичъ имѣлъ князя Михайла Ивановича, а у того былъ сынъ князь Иванъ Михайловичъ, а у него князь Федоръ Ивановичъ, у того князь Андрей Федоровичъ, а у того сыновья князя Федоръ Андреевичъ Стародубскій да князь Иванъ Андреевичъ Реноловскій. У князя Федора Стародубскаго былъ сынъ князь Василій Ромодановскій, отъ коего пошелъ родъ князей Ромодановскихъ, угасшій въ мужскомъ колѣнѣ; въ женскомъ—родъ этотъ, подъ именемъ Ромодановскихъ—Ладыженскихъ, и до нынѣ существуетъ; второй сынъ князь Федоръ Федоровичъ имѣлъ сына князя Ивана Федоровича Лапина—Голубѣсовскаго, а у того былъ сынъ князь Михайло Ивановичъ, а у него сынъ князь Василій Михайловичъ, владѣвшій вотчиною у озера, въ которомъ водилась особенная порода дикихъ утокъ — гагаръ, почему онъ и получилъ отъ стрѣльцовъ, т. е. охотниковъ, прозваніе: «князь

Гагарь». «Куда идешь?» «къ князю на гагарь». Отъ этого князя пошли князья Гагарины.

У князя Ивана Реноловскаго былъ сынъ князь Михаилъ Ивановичъ, а у того сынъ Федоръ Михайловичъ, у него Ивашъ Федоровичъ Хилокъ, отъ коего пошла князья Хилоковы.

4) Князь Иванъ Юрьевичъ былъ четвертый сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго. Одни показываютъ, что отъ него пошелъ родъ князей Долгорукихъ, другіе же говорятъ, что онъ былъ бездѣтенъ.

5 и 6) Князь Василій и Мстиславъ Юрьевичи Долгорукие, дѣти великаго князя Юрія Долгорукаго, какъ мы выше видѣли, были съ матерью своею посланы въ Грецію (Восточную Римскую Имперію). Одинъ изъ нихъ былъ супругомъ царствующей Грузинской царицы Тамары, а по разводѣ съ нею — женился на армянской княжнѣ. Нѣкоторые изъ потомковъ ихъ приняли мухаммеданство, а другіе григоріано-армянское учене. Одинъ изъ нихъ былъ шахомъ персидскимъ, а другой армянскимъ патриархомъ; многіе были армянскими архіереями, и потомки ихъ извѣстны шнѣ подъ именемъ князей Аргутинскихъ — Долгорукихъ.

7) Князь Михалко Юрьевичъ, сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго, вернувшись изъ Греціи, былъ, въ 1116 году, посланъ старшимъ братомъ своимъ, княземъ Глѣбомъ Юрьевичемъ, на Половцевъ, въ сраженіи съ которыми получилъ двѣ раны копьемъ въ ребро, а одну въ руку; но, оставшись побѣдителемъ, привелъ 1,500 человекъ плѣнныхъ изъ Кіева.

8 и 9) Сыновья великаго князя Юрія Долгорукаго, князья Ярославъ и Святославъ Юрьевичи, были, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ княземъ Глѣбомъ Юрьевичемъ, родоначальниками тѣхъ родовъ, которые, подъ № 207, показаны въ родѣ князей Долгорукихъ, въ разрядномъ архивѣ.

10) Сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго, князь Дмитрій Юрьевичъ Долгорукой, не былъ женатъ.

Обоцвивъ періодъ первый, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько о Романовыхъ—Юрьевыхъ.

По прекращеніи дома царскаго, всѣ вѣтви дома Рюрика имѣли такъ мало вліянія и были такъ удалены отъ престола, что даже подумать не могли объ избраніи; почти всѣ занимали должности второстепенныя, ниже прочихъ бояръ, а нѣкоторые вовсе не имѣли чиновъ; отъ всего этого Россія была въ такомъ положеніи, что, для счастья ея, для успокоенія всѣхъ партій, надо было, чтобы избранный въ цари имѣлъ такое положеніе, чтобы избраніе его небыло обидно для самолюбія потомковъ удѣльныхъ князей, которыхъ бояре не допустили бы царствовать, привыкнувъ, послуживъ, считать себя старѣе ихъ. Всякому изъ нихъ угрожала участь Годунова или Шуйскаго, изъ которыхъ первый погибъ отъ козней князей, а второй былъ выданъ боярами. Михаилъ Федоровичъ одинъ соединялъ въ себѣ условія, необходимыя, по родству своему съ царскимъ домомъ; родная тетка его была за Грознымъ; онъ не обижалъ самолюбія князей, потомковъ Рюрика, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сынъ одного изъ старшихъ бояръ. Отецъ его тогда-же былъ митрополитомъ Ростовскимъ и притомъ имѣлъ большое вліяніе на народъ. Одинъ этотъ выборъ и могъ излечить раны народа: вотъ истинная причина избранія на царство Михаила Федоровича.

Періодъ II.

Отъ принятія подданства Долгорукими до вцаренія Екатерины I, т. е. отъ 1518 до 1725 года.

Приступая къ повѣствованію этого періода, по раздѣленіи Долгорукихъ на четыре вѣтви, мы, по случаю принятія второю и третьею линиями фамиліи Долгоруковыхъ, вмѣсто Долгорукихъ, чему, впрочемъ, не слѣдовало ихъ дѣды и прадѣды, будемъ въ каждомъ періодѣ отдѣльно говорить о каждой линіи; въ этой же части о старшей и четвертой, угасшей со смертію защитника лавры.

Дѣти старшаго сына князя Владиміра Ивановича, князя

Семена Владиміровича, припли въ 1518 г. съ прочими Долгорукими въ Москву, служить подь высокую царскую, или великокняжескую руку.

Князь Михайло Семеновичъ принятъ былъ стольникомъ, а Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ пожалованъ былъ въ воеводы, и въ званіи этомъ участвовалъ, въ 1544 г., въ казанскомъ походѣ. Братъ его, князь Андрей Семеновичъ, — принятъ былъ охотничимъ, потомъ пожалованъ въ окольничіи, а Грознымъ въ поседы, и въ званіи этомъ участвовалъ въ походахъ — въ 1544 г. въ казанскомъ, а въ 1549 г. въ шведскомъ. Младшій ихъ братъ, князь Юрій Семеновичъ, былъ принятъ сокольничимъ, произведенъ потомъ въ воеводы, и въ званіи этомъ былъ въ походахъ—казанскомъ 1544 г. и въ шведскомъ 1549 г., а 1551 г.—подь Полоцкомъ.

Князь Иванъ Андреевичъ имѣлъ офиціальное, по бумагамъ прибавленное къ его фамиліи — Долгорукой, прозвище Шабанъ; онъ вступилъ въ службу стольникомъ, въ 1543 г. былъ назначенъ воеводою въ Черниговѣ, участвовалъ въ 1544 г. въ казанскомъ походѣ, а въ 1551 въ полоцкомъ; въ 1578 г. снова занялъ мѣсто воеводы въ Черниговѣ, въ 1585 г. переведенъ въ передовой полкъ, стоявшій на берегахъ Оки; за отличіе въ 1587 г. назначенъ начальникомъ сторожеваго полка, расположеннаго въ то время въ Тульѣ, на рѣкахъ Плавъ и Соловь. Съ этимъ полкомъ онъ отразилъ набѣгъ крымцевъ. Въ 1589 г. онъ былъ переведенъ воеводою въ Воронежъ, гдѣ въ 1590 г., во время набѣга козаковъ на этотъ городъ, 30 апрѣля, убитъ въ сраженіи. По смерти Федора Иоанновича, царя и самодержца, въ 1598 году, Годуновъ, обгравивъ руки въ кронн младенца Дмитрія, похитилъ престоль, разыгравъ, впрочемъ, очень-искусно комедію избранія.

Хотя онъ и былъ въ родствѣ съ царскимъ домоу, но все же былъ изъ бояръ, выслужившихъ свое *благородство* придворной службой у бывшихъ князей, ибо названіе *дворянинъ* родилось отъ слова *дворъ*; служители князя, слѣдственно потомки удѣльныхъ князей, волей или неволей, подчинившіися

Борису Годунову, все-же въ душѣ своей питали къ нему болѣе или менѣе ненависть, видя въ немъ еще сверхъ того убійцу. Это обстоятельство много способствовало успѣху Дмитрія Самозванца.

Со смертію Годунова и убіеніемъ сына его, прекратилось обладаніе Годуновыхъ російскимъ престоломъ. Дума бояръ Московскихъ признала Дмитрія, церковь короновала его, и Долгорукіе присягнули ему, а присягнувъ разъ, служили вѣрно. Но присяга ихъ была слѣдствіемъ приговора бояръ и благословенія самой церкви. — Лжедмитрійъ былъ не ими возведенъ, и не по ихъ стараніямъ или кознямъ, и потому, какъ мы увидимъ далѣе въ повѣствованіи о другихъ лиціяхъ князей Долгорукихъ, князь Федора Тимофеевича поэтому неправильно обвиняютъ за то, что онъ вѣрно служилъ самозванцу. Дума, или, лучше сказать, вельможи, должны сначала хорошо обдумывать, чтѣ дѣлаютъ и во чтѣ вовлекаютъ народъ, а не надѣяться на разрѣшеніе присяги въ случаѣ ошибки. Они предъ Долгорукими слишкомъ молоды на Руси, чтобы тѣ по ихъ произволу играли присягой, кому бы то ни было разъ дапой. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, изъ потомковъ Рюрика, былъ орудіемъ сверженія и смерти Дмитрія Самозванца, и потомъ самъ взошелъ на престолъ, провозглашенный царемъ, пріуготовленною имъ партіею бояръ и черни Московской.

Шуйскій, взошедшій на престолъ черезъ пронырство и интриги, не правильнымъ избраніемъ всей Россіи, а только происками нѣсколькихъ бояръ и временнымъ увлеченіемъ Московскихъ гражданъ и черни, не имѣя къ тому же на своей сторонѣ даже старшинство рода и будучи притомъ нетвердаго характера, — тѣмъ же боярамъ былъ выданъ полкамъ, безъ матвійшаго, впрочемъ, участія Долгорукихъ, ничѣмъ не содѣйствовавшихъ ни избранію, ни сверженію его.

Паковецъ, къ Москвѣ подступилъ королевичъ Владиславъ. Сыну Шибана-Долгорукаго, князю Данилу Ивановичу, поручили защищать калужскія ворота, а между-тѣмъ—бояре присягнули королевичу, и ему вѣрно было положить оружіе.

Долгорукіе скорбѣли, видя въ боярахъ непрерывное неуваженіе къ присягамъ и о томъ, что судьба нмъ судила быть товарищами людей безхарактерныхъ и такъ легковѣрно играющихъ своею присягою. Наконецъ, по милости Божіей, Россія избавилась отъ враговъ, но много еще было въ ней глубокыхъ ранъ. Историки, въ защиту бояръ, говорятъ, что виновниками всѣхъ несчастій были: Годуновъ, Шуйскій, Самозванецъ и поляки. Нѣтъ! сами бояре своею невѣрностію и непостоянствомъ были главною причиною этихъ несчастій; но только не Долгорукіе: они сажло, предъ небомъ и землею, предъ Богомъ и народомъ русскимъ, умывають руки свои; они никогда не были участниками тѣхъ вѣроломствъ и никогда ими не будутъ.

Дума боярская раздѣлилась на партіи. Сильная партія желала видѣть на престолѣ князя Мстиславскаго, по ограниченнаго въ своей власти думую бояръ. Мстиславскій, которому хорошо извѣстно было непостоянство бояръ, ихъ вѣроломство, торжественно отказался отъ престола; еще до провозглашенія Владислава царемъ, Голицыны всячески интриговали, чтобы возвести на престолъ князя Василя Голицына, для чего обманывали народъ, называли себя потомками Св. Равноапостольнаго Владиміра, тогда какъ Ольгердъ и его дѣти Свистригайло, Игэйло, отъ которыхъ они происходятъ, были язычниками и, слѣдственно, они не могли быть потомками Св. Равноапостольнаго Владиміра.

Молодые боярскіе роды и средній классъ народа желали возвести на престолъ сына Филарета, Михаила Федоровича. Долгорукіе, удаленіемъ отъ всѣхъ партій, болѣе сочувствовали послѣдней. Рождство Михаила съ послѣднимъ царемъ давало ему болѣе правъ; притомъ онъ происходилъ отъ одного изъ старинныхъ боярскихъ родовъ, а не отъ такого, члены котораго служили удѣльнымъ князьямъ. Онъ былъ потомокъ боярина, выхавшаго изъ Пруссіи въ Россію и производившаго свой родъ отъ курфюрстера прусскаго. Не отъ недоброжелательства или какихъ-либо видовъ, но единственно изъ осторожности, Дол-

горукіе держали себя поодаль. Когда воспослѣдовалъ общій приговоръ о избраніи Михаила Федоровича на всероссійскій престоль, то, вмѣстѣ съ прочими, пригласили Долгорукихъ явиться для подписи избирательной грамоты; но назъ Долгорукихъ никто неявлялся; тогда, по приказанію бояръ, схватили дьяка Долгорукихъ (нисца) со двора боярина князя Григорія Долгорукаго и заставили его подписаться за родъ Долгорукихъ, а за столыника князя Андрея Долгорукаго — вельно было подписаться дьяку Осину Грязному, тоже насильно схваченному по приказанію Думы.

Возмущенный этимъ поступкомъ, князь Давидъ Ивановичъ первый явился въ думу боярскую и сказалъ тамъ слѣдующую рѣчь, до насъ дошедшую въ рукописи: «Думные бояре! долго ли вы будете играть присягою? Вы потребовали присяги Годуну, боярину среди насъ, нами выбранному; мы присягнули ему, и были вѣрны ему до его смерти; вы же первые не только покинули его, но и обагрили руки въ крови невиннаго сына его. Среди насъ нашлись люди, поднявшие руки и на младенца царевича; вы насъ увѣрили, что онъ убитъ, но не вы ли потомъ присягнули человѣку, котораго называли именемъ этого младенца? Мы, вѣря вамъ и церкви, присягнули и ему. Не вы ли опять стали увѣрять народъ, что онъ самозванецъ, и, предводимые Шуйскимъ, вломилсь въ Кремль, убили самозванца, провозгласили царемъ Шуйскаго, присягнули ему и вѣнчали его? Мы повиновались, но потомъ вы же предали его въ руки враговъ отечества... Такъ знай-же, растакаая ваиа мать, мы присягаемъ теперь послѣдній разъ, худъ-ли онъ будетъ или хорошъ, но ему, его дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ надо вѣрно служить, а не картавить. Мы первые на васъ, если осмѣлитесь идти противъ него, или дѣти ваши, внуки и правнуки пойдуть противъ дѣтей его, внуковъ и правнуковъ; мы будемъ тогда не съ вами, а съ православнымъ народомъ всегда за него противъ васъ. Вы заставили дьяковъ подписаться за насъ, да будетъ же это свято!»

Эта рѣчь, болѣе или менѣе отъ переписокъ измѣненная,

сохранилась въ родѣ Долгорукихъ; они ей до-сѣль инопѣ держались.

Этотъ князь Данило Ивановичъ, былъ въ 1615 г. пожалованъ царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ воеводою и посланъ въ Калугу, а въ 1616 г. переведенъ въ Брянскъ; въ 1627 г. онъ былъ посланъ въ городъ Валуйки (нынѣ Воронежской губерніи), для переговоровъ съ крымскими гондами, и по приѣздѣ туда — скончался. Отъ супруги своей, княгини Маріи Алексѣевны, имѣлъ одного сына — князя Григорія Даниловича, который поступилъ на службу стольникомъ, а въ 1640 году поставленъ воеводою въ Мценскъ, въ 1642 г. переведенъ въ Брянскъ и въ 1645 г. въ Елецъ; потомъ въ 1648 переведенъ въ Калугу, откуда въ 1649 былъ вызванъ въ Москву. Въ 1652 г. онъ получилъ новое назначеніе въ Брянскъ, а въ 1654 г. былъ смѣненъ. Въ началѣ 1657 г. снова поставленъ воеводою въ Путивль, съ приказаніемъ участвовать въ ливонскомъ походѣ. Въ 1660 году, 5 Января, онъ уволенъ отъ службы. Сынъ его, князь Прохоръ Григорьевичъ, имѣлъ чинъ стольника; у него было два сына: князь Иванъ Прохоровичъ и князь Григорій Прохоровичъ, которые не оставили по себѣ потомства и скончались имѣя чины стольниковъ. Младшій сынъ Шабана, князь Федоръ Ивановичъ, тоже только дослужился до стольника; сыновья его: стольникъ князь Алексѣй Федоровичъ, скончался въ 1636 году, а князь Федоръ Федоровичъ вступилъ въ 1627 г. въ службу постельничьимъ, въ 1630 г. онъ пожалованъ сокольничьимъ, а въ 1640 г. — стольникомъ. Онъ былъ посылаемъ въ разные города воеводою, а 3 Апрѣля 1655 г. пожалованъ въ окольничіе. Въ Декабрѣ 1663 г. онъ, послѣ 36 лѣтней службы, скончался, оставивъ по себѣ четырехъ сыновей. Старшій, князь Яковъ Федоровичъ, родился въ 1639 году. Получивъ отличное, по тому времени, образованіе и зная латинскій языкъ, онъ въ 1658 году вступилъ въ службу. 1659 г. онъ пожалованъ стряпчимъ, чинъ въ родѣ камеръ-пажей, а въ 1660 году — стольникомъ. Его разсудительность обратила на него вниманіе царя Алексѣя

Михайловича, и въ 1661 году онъ былъ пожалованъ комматнымъ стольникомъ. Государь, найдя его достойнымъ управлять Казанскимъ разрядомъ, пожаловалъ его въ 1664 году воеводой и поручилъ ему управлять этимъ разрядомъ, съ титуломъ сибирскаго намѣстника. Ему было въ это время 25 лѣтъ и, несмотря на это, ему поручено было начальствовать надъ войскомъ, собиравшимся въ Симбирскъ и Тутувль.

Тутъ скончался царь Алексѣй Михайловичъ; осталось двое царевичей и царевны. Стрѣльцы, привыкшіе въ мутной водѣ рыбу ловить, избунтовались и требовали возведенія на престолъ Юанна Алексѣевича, за малолѣтствомъ котораго хотѣли вручить правленіе царевнѣ Софіи. Въ Москвѣ тогда были двѣ главныя партіи: князья Милославскіе и Хованскіе, и всѣ люди властолюбивые, желавшіе видѣть на престолѣ Юанна Алексѣевича; Нарышкины-же и Долгорукіе, Матѣевы и народъ — Петра Алексѣевича. Стрѣльцы, подучаемыя Голицыными, сильными по связямъ съ цареною Софією Алексѣевною, желали главное, чтобы правленіе было въ рукахъ царевны. Двое Долгорукихъ, впрочемъ не первой линіи, защищали право юнаго Петра I и пади подъ мечами стрѣльцовъ. Наконцѣ, 26 Мая 1682 года, бунтъ утихъ; воцарились оба царевича и бразды правленія, благодаря усѣхамъ пронырства Голицыныхъ, припала царевна Софія.

Князь Яковъ Федоровичъ въ это время почти безотлучно былъ при царевичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, что и спасло его отъ погибели. Не видя на то, что Долгорукой былъ отъявленнымъ врагомъ любимца царевны Голицына, а особенно государственнаго казначея Петра Щегловитова-Самбулова, онъ не разъ обращалъ на себя вниманіе ея высочества, и на вопросъ князя Голицына, однажды сказалъ: «Напрасно ея высочество имѣетъ такую полную довѣренность къ Щегловитому и оказываетъ ему такія милости; онъ совсѣмъ того не стоитъ, имѣетъ злое сердце и разоряетъ государственную казну для своего кармана». Голицынъ, отдавая справедливость Долгорукому, все-же желалъ избавиться отъ него, а потому князь Яковъ

Федоровичъ и былъ посланъ во Францію и Испанію. Цѣлю этого посольства было пригласить эти державы присоединиться къ союзу, заключенному уже между Россією, Австрією, Польшею и Венеціанскою республикою противъ Турецкой имперіи. Февраля 27 1687 г. князь Яковъ Федоровичъ выѣхалъ съ этою цѣлю изъ Москвы, а Апрѣля 30 свѣлъ въ Ригъ на корабль. Іюня 17 русскіе послы прибыли въ Сентъ-Дени. Князь Яковъ Долгорукой, товарищъ его князь Мышецкій и прочіе члены посольства, по старинному обычаю, долго спорили о церемоніалѣ, вслѣдствіе чего они не ранѣе 30 Іюня имѣли въѣздъ въ Парижъ, а 2 Августа аудіенцію у короля въ Версаль. Посольство это, не имѣя желаннаго успѣха, принесло болѣе всего пользы самому князю Якову Федоровичу, обогативъ его познаніями и познакомивъ практически съ Европою. Гордый король французскій Лудовикъ XIV употребилъ все свои силы, чтобы унижить австрійскій домъ, почему и вступилъ въ союзъ съ султаномъ. Не смотря на это, король на прощаніе подарилъ князю Якову Федоровичу табакорку съ своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами, съ надписью: «Лудовикъ XIV, король французскій, русскому послу, князю Якову Долгорукому, въ знакъ уваженія, 1687 г. Августа 7-го, Парижъ.» 31 Августа посольство отправилось изъ Франціи въ Мадридъ, куда и прибыло 26 Ноября.

Испанія, въ это время, волновалась внутренними раздорами, и угрожаемая, сверхъ того, сосѣдственною державою, она помышляла лишь о собственныхъ интересахъ; но замѣчательно то, что король Карлъ II, въ отвѣтной грамотѣ своей къ русскіимъ государямъ, изъявляетъ свое удовольствіе за поступки князя Якова Долгорукаго, который возвратился въ Москву 15 Мая 1688 г.; между тѣмъ, въ Москвѣ, въ отсутствіе его, былъ страшный заговоръ на жизнь Петра, въ которомъ Щеголиный былъ одинъ изъ главныхъ участниковъ. Августа 12 дня 1687 г. разыгралось послѣдствіе дѣйствіе коварной политики знаменитаго любимца царицы Софій, боярина князя Голицына, имѣвшей цѣлю поддержать права ея высочества. Лефортъ и

бояринъ Шенигъ, преимущественно способствовали паденію правленія царицы и удаленію ея въ Девичій монастырь. Когда пришли брать князя Голицына, котораго царица сиротала, то вытащили его изъ подъ кровати; ноги ему измѣшили, выгнулись...

Но мы съ историками не согласны, чтобы послѣ паденія царицы Петръ царствовалъ одинъ. Общее Собраніе Законовъ противорѣчитъ этому. До смерти Юанна Алексѣевича, Петръ, во всѣхъ указахъ, всегда писался послѣ Юанна; есть не только отдѣльные указы, но даже одинъ указъ Юанна, отмѣняющій указъ Петра I. Вообще царя Юанна Алексѣевича нельзя ставить ниже другихъ царей; добровольно сознаться въ слабости, уступить первенство младшему брату—это тоже доказываетъ не малую силу духа и много истинной любви къ своему отечеству. Посмотрите на Бурбоновъ: не смотря на то, что народъ ихъ отвергъ, они вообще все еще дѣлятся и спорятъ, кому считается королемъ. Но воротимся къ князю Якову Федоровичу. Встрѣтя однажды во дворцѣ боярина князя Бориса Алексѣевича Голицына, онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и тотъ сказалъ ему, что почиталъ его прежде умнымъ и преданнымъ отечеству человекомъ, а теперь не вѣрить этому; а притомъ прибавилъ: «удивляюсь, князь, какъ это вы, будучи издревле знатнаго рода, дружитесь съ нехристомъ Лефортомъ и вступаете въ дѣла невѣрныхъ иностранцевъ?» Отъ этого произошла брань; слово-за-слово, наконецъ—Долгорукой сказать Голицыну: «Да чего государю ожидать отъ тебя, изменническаго внука, когда прадѣдъ твой при Растригѣ II въ Яузскихъ воротахъ былъ проводникомъ, противъ воли законной, и уговорилъ народъ покуситься на жизнь государя ихъ, Василія Шуйскаго!» Въ тогдaшнее время такая укоризна была самымъ крайнимъ оскорбленіемъ. Голицынъ сейчасъ отправился къ царю Петру I-му съ жалобою и рассказалъ по своему разговоръ. Государь, выслушавъ его, велѣлъ не медля за безчестіе изыскать съ Долгорукаго, въ пользу Голицына, существовавшій въ то время штрафъ, и сверхъ того отправить

Долгорукаго въ темницу. Услышавъ объ этомъ, Лефорть догналъ князя Якова Ѳедоровича и, узнавъ отъ него всю истину, кинулся къ Петру и слово-отъ-слова все передалъ его величеству. Тогда царь приказалъ немедленно освободить Долгорукаго.

Въ 1691 году князь Яковъ Ѳедоровичъ назначенъ былъ судьей Московскаго Суднаго Приказа, а когда Петръ I-й въ 1695 г. предпринялъ походъ противъ Азова, то назначилъ князя Якова волонтеромъ при корпусѣ боярина Шейна; во второмъ же походѣ туда, въ 1696 г., князю уже поручено было командовать 700 гвардейцами. 14 Юля того же года, онъ перешелъ съ ними въ бродъ Донъ (по плеча въ водѣ) и первый приступилъ къ городской башнѣ, на которой находилось около двухъ тысячъ человѣкъ непріятелей; несмотря на превосходство силъ непріятеля, Долгорукой взялъ ее приступомъ и положилъ на мѣсть всѣхъ, за исключеніемъ 15 человѣкъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. 18-го числа того же мѣсяца, когда султанъ Нурадигъ, переправясь чрезъ рѣку съ 30 тысячами войска, приближался къ русскому лагерю, то князя Якова послали ему на встрѣчу съ 10 тысячами пѣхоты и 3 тысячами запорожскихъ казаковъ. Долгорукой первый открылъ сраженіе, продолжавшееся семь часовъ сряду съ равнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, турки должны были отступить, оставивъ до 13,000 убитыхъ. Съ нашей стороны потеря показана до 5 тысячъ человѣкъ. Но турки на другой день получили значительное подкрѣпленіе, такъ-что у нихъ опять было до 60,000 человѣкъ, съ которыми они, окольными дорогами, чрезъ нѣсколько дней обогнали русскій станъ и неожиданно явились въ тылу у самого обоза. Тогда Петръ I-й приказалъ боярину Шейну и генералу Львову двинуться противъ нихъ, пославъ для выручки обоза князя Якова съ авангардомъ, состоящимъ изъ 3,000 человѣкъ кавалеріи, съ цѣлю—быстрымъ движеніемъ приостановить непріятеля. Долгорукой тотчасъ же разсыпалъ свое войско такъ, чтобъ турки могли принять вѣрною ему авангардъ за всю русскую армію. Турки дѣйствительно обманулись и вмѣсто того, чтобъ кинуться на обозъ и

на отрядъ князя, они остановились и стали приготовляться къ бою. Этою хитростію, Долгорукой спасъ обозъ, потому—что бояринъ Шейнъ имѣлъ чрезъ то время обойти съ восточной стороны и неожиданно ударить на турокъ, отъ чего тѣ пришли въ смятеніе и обратились въ бѣгство. Получивъ вовремя этого дѣла тяжелую рану въ плечо, Шейнъ передалъ команду князю Якову, который, преслѣдуя бѣгущихъ до 10 верстъ, взялъ въ плѣнъ 12,000 человекъ; съ убитыми неприятель потерялъ 13,900 человекъ, съ нашей же стороны потеря простиралась до 4000 человекъ. Последствіями этого дѣла была сдача 19 іюля Азова, на капитуляцію. Предпринявъ путешествіе въ чужіе края, Петръ I-й, указомъ отъ 22-го 1697 г., поручилъ князю Якову Долгорукову начальство надъ корпусомъ, расположеннымъ близъ Бѣгорода. Тутъ вѣрный еще въ то время Россіи гетманъ Мазепа присоединился къ нему. Когда турки осадили нашу пограничную Таванскую крѣпость, Долгорукой съ Мазеною съ общаго согласія двинулись къ Крыму, чтобъ отвлечь турокъ отъ крѣпости. — Узнавъ объ этомъ, сераскиръ—наша пошелъ имъ на перерѣзъ, но малъ 25-го Долгорукой съ помощію Мазены разбилъ его подъ Очаковымъ наголову. Жестокою бурей, бывшею на Дивурь, разбило всѣ суда, шедшія къ русскимъ войскамъ съ провіантомъ, не смотря на это, наша армія осадила Перекопъ, тогда турки, стигнувши войска, оставленныя у Таванской крѣпости, дали русскимъ сраженіе. Съ ихъ стороны легло до 20,000, а съ нашей до 10, несмотря на это; часть ихъ войска, подъ командою сына крымскаго хана, пробилась въ осажденную нами крѣпость. Армія наша терпѣла недостатокъ въ продовольствіи и, сверхъ того, была обременена ранеными; почему княземъ Долгорукимъ вмѣстѣ съ Мазеною рѣшено было прекратить осаду и удалиться. Въ 1698 г. 20 іюля Петръ I пожаловалъ князю Якову боярское званіе, въ указѣ сказано: «За воинскія достоинства, правду и безкорыстіе». Уничтоживъ, 1700 г. 18 февраля, именнымъ указомъ приказъ Иноземный и Рейтарскій, Петръ I приказалъ князю Якову учредить, подъ его управленіемъ, по-

вый приказъ и принять названіе генераль-коммисара. Затѣмъ князь Яковъ былъ посланъ набирать рекрутъ въ Бѣлгородъ; тутъ онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника съ назначеніемъ посломъ въ Швецію; но это не состоялось, по случаю смерти короля Шведскаго Карла XI. Въмѣсто князя Якова, посланъ былъ стольникъ князь Хилковъ, извѣстный своимъ девятнадцатилѣтнимъ тамъ заключеніемъ и сочиненіемъ «Ядра Россійской Исторіи».

При осадѣ Нарвы Петромъ I-мъ, въ сентябрѣ, въ числѣ генераловъ, былъ и князь Яковъ. Когда царь, 17 ноября, уѣхалъ и увезъ съ собою генерал-фельдмаршала Головина, главнокомандующимъ остался генерал-фельдмаршалъ герцогъ Де-Кроа, который, по гнусной измѣнѣ съ прочими иностранными генералами, сдѣлся безъ боя шведамъ. Будучи ободрены этою измѣною, шведы окружили весь ставъ русскій. Тогда всѣ прочіе начальники русскіе обратились къ князю Якову Долгорукому, который, видя невозможность къ сопротивленію, послалъ генерала Бутурлина къ королю, чтобы заключить капитуляцію, на которую король словесно согласился; она состояла въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Чтобы шведы дозволили свободно отступить всѣмъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ съ войскомъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ, съ оружіемъ и полковыми орудіями.

2) Чтобы съ обѣихъ сторонъ пѣшыхъ освободить и тѣла мертвыхъ погребти.

3) Всю остальную артиллерию оставить шведамъ; багажъ же, какъ принадлежащій офицерамъ, такъ и войску, пропустить свободно.

Такъ какъ договоръ съ Бутурлинымъ былъ изустный, шведы на письменный несогласились, то Долгорукой изъявилъ желаніе предварительно видѣть самаго короля, который, при свиданіи съ нимъ, въ знакъ своего согласія, подаль руку Долгорукому.

Послѣшшо навели чрезъ Нарову мостъ, и когда гвардіи

съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ перешла уже на другой берегъ, шведы кинулись на остальныхъ и, обезоруживъ ихъ, отпустили, удержавъ всѣхъ генераловъ, штабъ—и оберъ—офицеровъ, въ числѣ которыхъ были : Долгорукой, Бутурлипъ и царевичъ Имеретійскій. Шведы, мало того, что нарушили слово, данное королею, но еще трехъ вышеупомянутыхъ генераловъ цѣлые сутки содержали безъ пищи, запертыми въ холодномъ строеніи, потомъ всѣхъ ихъ отправили въ Ревель, а оттуда въ Стокгольмъ, гдѣ съ пристани до самой темницы ихъ, въ видѣ триумфа, пѣвшихъ, съ не покрытою головою, вели среди толпы черни; въ темницѣ этой они содержались до ноября 1710 г. Въ ноябрѣ того же года ихъ перевезли въ Якобштадтъ, а въ началѣ 1711 года 40 человекъ русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ Долгорукой, отправлены были на шкунѣ въ Готтенбургъ. Долгорукой скоро замѣтилъ, что на шкунѣ число русскихъ плѣнныхъ превышаетъ число шведовъ, и это дало ему мысль завладѣть шкуною; онъ сообщилъ свой планъ всѣмъ русскимъ и назначилъ для исполненія день субботній и въ часъ всенощной, когда русскіе вѣсть будутъ молиться и запоютъ : «дерзайте, убо дерзайте, людіе Божіе. .» Это было въ точности исполнено. При послѣднемъ словѣ : «Дерзайте, людіе Божіе,» русскіе неожиданно кинулись на шведовъ, нѣкоторыхъ сбросили въ море, другихъ убили, а остальныхъ, связавъ, заключили въ трюмъ. Послѣ того Долгорукой бросился къ шкиперу съ отпятою ногою у шведскаго офицера шпагою, приставилъ ее къ груди шкипера и сказалъ : «Или смерть, или вези насъ въ Кропштадтъ, но бойся измѣны!» Судно сначала прибыло къ острову Даго, завозванному уже русскими; спустили тутъ плѣнныхъ шведовъ, а 19 Іюня 1711 г. прибыли въ Ревель, и оттуда въ С. Петербургъ. Петръ I-й былъ тогда въ Прутскомъ походѣ и лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ узналъ о ихъ освобожденіи. Тогчасъ же онъ назначилъ Долгорукаго генераль—пленнотенціоннымъ кригс—коммиссаромъ, а въ 1712 году, 27 февраля, пожаловалъ ему дворцовыя волости въ Юрьевъ—Новальскомъ

увѣдъ (впрямую, въ Юрьевъ-Польскомъ), и назначилъ его президентомъ Ревизионъ-Коллегіи (должность равная нынѣ государственному контролеру). Въ 1713 г. Долгорукой пожалованъ сенаторомъ. Въ 1714 г. Петръ I на одномъ знатномъ пиру завелъ рѣчь о дѣлахъ царя, своего родителя; придворные, желая воспользоваться случаемъ похвалить самолюбію Петра I, начали сравнивать дѣла его съ дѣлами царя Алексѣя Михайловича, выставя дѣла послѣдняго ничтожными въ сравненіи съ дѣлами Петра Великаго, да и тѣ приписывали Морозову. Тогда Петръ I сказалъ: «Унижая отца моего лицемерною мнѣ похвалою, вы меня болѣе браните, чѣмъ я стерпѣть могу», и, вставши изъ за стола, подошелъ къ Долгорукому и, вставъ за его стуломъ, началъ говорить: «Дядя, я знаю, что ты болѣе всѣхъ меня бранишь и такъ тяжело спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя прошу и вѣрно, что о дѣлахъ отца моего и моихъ не лицемерную правду скажешь». «Хорошо, государь, сядь, а я подумаю» — отвѣчалъ Долгорукой; потомъ, помолчавъ, началъ, такъ: «Главныя дѣла государей, по коимъ они отличаются другъ отъ друга, суть три: 1) Внутренняя расправа, и главное дѣло наше есть правосудіе; въ семь отецъ твой болѣе сдѣлалъ, нежели ты: онъ далъ намъ Уложеніе, которое несовѣшь—то нынѣ исполняется, но когда и ты о семь прилежать будешь, то, можетъ быть, и превзойдешь его, и пора уже тебѣ о томъ подумать. 2) Военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныхъ хвалы удостоился, и пользу великую государству принесъ, и тебѣ устроеніемъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ путь показалъ, хотя это по немъ несмысленные разорили, и ты, почитай, все вновь дѣлаешь, однакожь, я, много думая отомъ, еще не знаю, кого болѣе хвалить. 3) Въ устроеніи флота, въ союзахъ съ иностранными государями ты далеко большую пользу государству и себѣ честь приобрѣлъ, нежели отецъ, и все сіе самъ, надѣюсь, за правду приймешь; что жъ касается Морозова, то я противно разумю. Мудрый

государь умѣть мудрыхъ совѣтниковъ выбирать и вѣрность ихъ наблюдать; и такъ, у мудраго немогутъ быть глупые министры».

Государь съ большимъ вниманіемъ выслушалъ Долгорукаго и, расцѣловавъ его, сказалъ: «Благій рабе и вѣрный! въ малѣ былъ ми сей вѣрнопъ, надъ многими ты поставлю».

Но неустройству еще правильныхъ сообщеній съ недавно построеннымъ Петербургомъ, случился въ немъ недостатокъ хлѣба въ казенныхъ магазинахъ, котораго оставалось не болѣе, какъ на мѣсяцъ, а тотъ, который шелъ снизу водою, не могъ поспѣть во время. Петръ I предложилъ Сенату сдѣлать нужнымъ по этому распоряженію и Сенатъ положилъ собрать въ Новгородской губерніи, какъ самой близкой къ Петербургу, по четверику съ души; государь утвердилъ это опредѣленіе. Долгорукой не присутствовалъ при этомъ; но когда послѣ того пріѣхалъ въ Сенатъ, ему представили опредѣленіе, утвержденное уже государемъ, то онъ, прочитавъ его, спросилъ сургучу и огна и, собравъ всѣ заготовленные указы, сложилъ ихъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ и запечаталъ, потомъ молча вышелъ, свѣвъ въ одноколку и уѣхалъ къ обѣднѣ. Товарищи его, сенаторы, не мало удивлялись такому поступку и тотчасъ написавъ рапортъ, послали его къ государю, который въ то время былъ въ Адмиралтействѣ; въ рапортѣ было сказано, что Долгорукой всегда дѣлаеть подобныя остановки безпрестанными своими сопротивленіями, и что изъ этого поступка видно, какъ онъ дерзокъ, когда не боится остановить даже высочайшее повелѣніе. Враги его, называя его умникомъ, торжествовали, считая наденіе его неизбежнымъ. Прочитавъ рапортъ Сената, Петръ I немедленно повѣхалъ туда, и, не найдя тамъ Долгорукаго, послалъ за нимъ. Посланный нашелъ близъ Якова въ церкви и объявилъ ему высочайшее повелѣніе, на что Долгорукой отвѣчалъ «слышу», и спокойно остался въ церкви. Петръ I вторично посылаетъ за нимъ, и посланный получаетъ прежній отвѣтъ. Гнѣвъ монарха усилился тѣмъ болѣе, что сенаторы всячески старались еще болѣе раздражать

царя против Долгорукаго, выставляя его как ослушника царя. Раздраженный монарх посылает въ третій разъ, съ приказаніемъ сказать Долгорукому, что съ нимъ будетъ поступлено какъ съ ослушникомъ верховной власти, если онъ сейчасъ же не явится. Но Долгорукой продолжаетъ молиться, и нѣсколько разъ въ слухъ повторять: «Воздадите Кесареву Кесареву и Божію Богови». Тогда посланный спрашиваетъ его, что онъ прикажетъ донести государю. «Донеси», сказалъ князь, «то что видишь и слышишь». Обѣдя была на исходѣ и посланный едва успѣлъ передать государю слова Долгорукаго, какъ тотъ, доставъ обѣдню, самъ прѣехалъ. Въ пылу гнѣва, Петръ I выхватываетъ кортикъ и кидается на Долгорукаго, говоря: «Ты долженъ умереть, какъ ослушникъ царской воли и ослушникъ его повелѣній!» Долгорукой, раскрывъ грудь свою, безъ страха отвѣчаетъ: «Я готовъ принять смерть за правду, и ты будешь Александръ, а я Клитъ». Слова эти совершенно обезоружили государя; онъ, какъ будто испугавшись, отскочилъ на нѣсколько шаговъ отъ Долгорукаго и, поглядѣвъ ему прямо въ глаза съ полминуты, сказалъ: «Какъ ты осмѣлился остановить опредѣленіе, утвержденное мною?» «Ты самъ велѣлъ мнѣ, государь,» отвѣчалъ князь: «представлять тебѣ истину и стараться о пользѣ твоей и народа!» «Но гдѣ же взять хлѣба? Развѣ ты хочешь допустить до голода?» «Боже обрати, государь! и отвращеніе мнимой опасности не стоитъ такого безпокойства твоего и сихъ господъ (указавъ на сенаторовъ). Средство это въ нашихъ рукахъ, съ тою еще выгодною, что Новгородская губернія, которая болѣе другихъ испытала тягость войны, не будетъ обременена сильнымъ палогомъ. Сядь государь и выслушай. У меня, у Меньшикова и прочихъ сколько кулей муки, что для собственнаго продовольствія довольно и половинны; провіантъ твой будетъ сюда, по-крайней мѣрѣ, чрезъ два мѣсяца, такъ пока, взявъ этотъ лишній хлѣбъ отъ насъ, слишкомъ довольно для твоего войска и гражданъ бѣдныхъ, и не на два мѣсяца Ты же какъ получишь, то намъ и возвратишь, и мы вмѣсто лекалой по-

лучишь свѣжую. Да и не думаешь-ли ты, государь, продолжалъ Долгорукой, чтобъ крестьянинъ въ подобномъ случаѣ могъ-бы раздѣлаться однимъ четверикомъ? Нѣтъ: ему мало будетъ на раздѣлку и двухъ; воры—коммиссары съищутъ къ тому средство: подъ предлогомъ муки дурной не станутъ ея принимать, и крестьянинъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобъ хоть вдвое, да взяли, только-бы не мучили».

Петръ, выслушавъ это, сказалъ: «Гг. сенаторы, чтожь вы теперь молчите и не противорѣчите? Правду-ль онъ говоритъ, или нѣтъ?» Тогда все признали, что Долгорукой правъ, и изъявили готовность отдать все свои избытки, а государь благодарилъ Долгорукаго.

Однажды Петръ I. желая раньше вывести флотъ въ море и нуждаясь для сего въ не маломъ количествѣ хлѣба, прислалъ въ Сенатъ указъ, кому повелѣвалось доставить къ веснѣ съ низовыхъ мѣсть нужное для сего количество. По прочтеніи въ Сенатѣ этого указа, Долгорукой покачалъ головою и сказалъ: «Спусти лѣто, да въ лѣсъ по малину; время осталось мало, доставка станетъ вдвое дороже, а государь имѣеть нужду въ деньгахъ» и, сказавъ это, положилъ указъ подъ сукно.

Государь, которому тотчасъ донесли объ этомъ, немедленно прибылъ въ Сенатъ и спросилъ съ досадою: «Исполнено-ли по послѣднему моему указу?» «Не исполнено», отвѣчалъ Долгорукой: «потому что исполнить не можно». Государь съ гнѣвомъ перебилъ его рѣчь. «Отъ тебя я слышу только противорѣчіе, но съ чѣмъ же мнѣ мой флотъ вывести въ море?» «Не гнѣвайся, государь, но выслушай сперва. Время уже уищено; къ веснѣ не иначе можно доставить хлѣбъ, какъ за двойную цѣну, а ты и въ деньгахъ имѣешь нужду, а если еще хлѣбъ, что и полагать должно, не успеетъ, къ назначенному времени, то ты на насъ еще болѣе будешь гнѣваться. А можно и безъ того исправиться, и флоту твоему своевременно выйти въ море. Ко мнѣ скоро сюда будетъ больше хлѣба, чѣмъ для дома моего нужно, къ Меньшикову тоже»

да чай и у всей нашей братьи тоже. Такъ ты, государь, можешь у всѣхъ насъ избытки отобрать, а въ свое время, когда хлѣбъ придетъ, ты намъ всѣмъ вернешь; тогда и мы безъ убытка будемъ. А хлопотъ уже никакихъ; вотъ почему указа твоего исполнить было невозможно». Государь поцѣловалъ Долгорукаго въ голову и сказалъ: «Спасибо, дядя, ты, право, умнѣ меня, и не напрасно называютъ тебя умникомъ» — «Нѣтъ, государь», отвѣчалъ Долгорукой: «неумнѣ, а у меня дѣла меньше, и потому есть время обдумать, да и тутъ иногда ошибаюсь; у тебя же дѣлъ безъ числа, такъ и не диво, что ты иногда не обдумаешь». Послѣ этого государь, взявъ свой указъ, при всѣхъ разодралъ его.

Въ другой разъ Петръ I прислалъ указъ о наборѣ рекрутъ; Долгорукой его опять положилъ подъ сукно; оберъ-прокуроръ и сенаторы стали представлять ему, какъ онъ осмѣливается останавливать мянливой указъ; Долгорукой отвѣчалъ: «Знаю, что дѣлаю». Доложили государю, и тотъ потребовалъ Долгорукаго къ себѣ. «Государь», сказалъ Долгорукой: «ты отецъ своихъ подданныхъ, а сколько рукъ каждый разъ отнимаешь отъ семействъ, тогда какъ по спискамъ видно, что у тебя въ бѣгахъ болѣе того числа, чѣмъ тебѣ нужно, объяви прощеніе, и всѣ явятся». — Выслушавъ это, государь сказалъ: «Добро, дядя! отвѣдаю поступить по твоему, и увидимъ, будетъ-ли такъ, какъ ты сказалъ». Прощеніе было обнародовано, и дѣйствительно явилось столько, что наборъ былъ отложенъ.

Разъ Петръ I, присутствуя въ Сенатѣ, приказалъ написать указъ для наряда изъ губерніи рабочихъ. Всегда вѣрный своимъ правиламъ, Долгорукой останавливаетъ его, говоря: «Пора-бы тебѣ губерніи отъ сего освободить». «Такъ по твоему», возразилъ государь: «надо и работы остановить?» — «Время уже обѣдать», отвѣчалъ Долгорукой, «а хлѣбъ-соль не бранится; пожалуй ко мнѣ, государь, откушать, такъ я тебѣ докажу, что и наряду работниковъ изъ губерніи не надобно, и работы твои неостановятся». «Хорошо», сказалъ монархъ: «поѣдемъ; что-то я отъ тебя услышу?» По приѣздѣ въ домъ Долгорукаго, на

Васильевскій островъ, и послѣ рюмки водки, Долгорукой такъ сказалъ: «Теперь, государь, война приходитъ къ окончанію; почти половина твоей арміи будетъ безъ дѣла; отправь-ка ихъ на работы и сверхъ жалованья давай заработанныя деньги, какъ работникамъ платятся; губерніи будутъ благословлять тебя, а солдаты, занятые дѣломъ, не избалуются». Государь согласился и далъ новый указъ.

Гардія, при Петрѣ I, имѣла плащи зеленые, по гербу Романовыхъ, а армія—синіе, національнаго цвѣта. Однажды Долгорукой, по недостатку синяго сукна, отпустилъ на полкъ князя Мещникова зеленое; тотъ, принявъ это за волю государя и отличіе, крайне удивился, когда на слѣдующій годъ снова отпустили синее; почему послалъ къ Долгорукому полковника спросить, для чего Долгорукой отпустилъ не такого колера. Полковникъ, посланный къ Долгорукому, былъ изъ выслужившихся и обязанъ своимъ возвышеніемъ ходатайству Мещникова. Не понявъ слова *колера*, онъ сказалъ: «Отчего ваше сіятельство отпустили на полкъ его свѣтлости сукна не такого *колибра*?»—«Что ты говоришь?»—спросилъ Долгорукой. «Не такого колibra», повторилъ полковникъ. «Глушь, братъ, ты!» сказалъ князь Яковъ: «да и тотъ таковъ же, кто тебя и въ полковники произвелъ», и съ тѣмъ его отпустилъ.

Узнавъ этотъ отвѣтъ, князь Мещниковъ не преминулъ излить свою желчь при первомъ удобномъ случаѣ, который вскоре представился при спускѣ корабля, построеннаго Мещниковымъ. Государь былъ очень веселъ и пировалъ у него. Мещниковъ подводилъ къ государю полковника, который, узнавъ на колѣни, приносить Петру жалобу на Долгорукаго, говоря, что онъ не его одного обругалъ, а сказалъ, что «дуракъ тотъ, кто тебя произвелъ въ полковники». Долгорукой сидѣлъ за особымъ столомъ, но адъютантъ его, Паумовъ, бывъ свидѣтелемъ этого, успѣлъ все передать князю. Выслушавъ жалобу, Петръ подошелъ прямо къ Долгорукому и съ гѣвомъ спросилъ: «Давно ли и я у тебя въ дураки поималъ?» Долгорукой всталъ и отвѣчалъ, что этотъ вопросъ удивляетъ его. «Да разнѣ ты не ска-

заять присланному отъ Меншикова полковнику, что онъ дуракъ, а также и тотъ, кто произвелъ его? А ктожь жадуешь въ полковники? Въдь, это я; слѣдовательно, и я у тебя дуракъ?» — «Нѣтъ, государь, этого ты на свой счетъ принять неможешь. Ты знаешь, какъ я тебя разумѣю; а сіе сказано мною о Меншиковѣ, который дурака этого, изъ подлости взявъ, довелъ, по дарованной ему отъ тебя власти, до подполковниковъ, а тамъ убѣдилъ тебя произвести его и въ полковники. Спроси, гдѣ онъ служилъ и чѣмъ отличался?» Затѣмъ Долгорукой пересказалъ государю требованіе Меншикова и разговоръ свой съ полковникомъ. Тогда государь сказалъ: «Хорошо дядя; и все сказанное тобою изслѣдую», и тутъ же приказалъ полковника посадить въ крѣпость.

На другой день утромъ къ Долгорукому прѣхалъ князь Меншиковъ, чтобы просить за полковника. «То-то и есть, князь», отвѣчалъ Долгорукой: «вадо-бы вамъ сначала со мною переговорить, а потомъ уже идти къ государю; а теперь и не буду имѣть случая ходатайствовать равнѣе спуска моего корабля. Работниковъ у меня маловато, да и достать ихъ нельзя». Тогда Меншиковъ предложилъ своихъ работниковъ, еще нераспущенныхъ, и чрезъ нѣсколько дней корабль былъ готовъ. Петръ I присутствовалъ при спускѣ каждаго корабля; ему обыкновенно сопутствовали государыни и знатныя особы, которыя потомъ вмѣстѣ съ ихъ величествами обѣдали у строителя корабля; такъ было и теперь. Послѣ стола государь былъ очень веселъ; взявъ подъ руку государыню, онъ подошелъ къ Долгорукому и съелъ съ ней подлѣ князя. «Дядя нашъ больше намъ другъ, нежели подданный; правда, мнѣ говоренная имъ, это доказываетъ; и ты должна его любить столько же, какъ и я», и, обратясь къ Долгорукому, сказалъ: «Проси, дядя, у меня что только угодно». — «Такъ прости же арестованнаго полковника, я больше ни о чемъ тебя не тружу».

Петръ I, похваливъ его великодушіе, тотчасъ же велѣлъ исполнить его просьбу.

По неизвѣстному доносу, вскорѣ послѣ вышеупомянутого

1716 года, учреждена была комиссія для изслѣдованія поступковъ Долгорукаго, которая, невзирая на всѣ старанія Меншикова, совершенно его оправдала. Тогда Петръ I-й въ присутствіи всей комиссіи со слезами обнялъ его и сказалъ: «Дядя! прости, но доносчика съ тобой будетъ судить Богъ, а выдать его не могу».

Полковникъ Блеклый имѣлъ въ Сенатѣ тяжбное дѣло съ богачемъ Зотовымъ, Долгорукой лично увѣрилъ Блеклаго, что онъ въ Сенатѣ долженъ его выиграть, потому что онъ правъ; но Сенатъ отказалъ Блеклому, и Долгорукой это рѣшеніе подписалъ. Узнавши это, Блеклый пришелъ къ Долгорукому, и тотъ сказалъ ему: «ты, братецъ, правъ, а Зотовъ виноватъ; проси государя», и самъ продиктовалъ Блеклому на Сенатъ прошеніе.

Въ то время комиссіи прошеній небыло, и всякій могъ прямо государю подавать на Сенатъ прошеніе.

Блеклый засталъ государя въ Адмиралтействѣ, съ топоромъ въ рукахъ. Замѣтя, что у Блеклаго бумага, государь сѣлъ на обрубокъ и, спросивъ, въ чемъ жалоба и на кого, прибавилъ: «А! Долгорукой подписалъ, такъ возьми обратно жалобу». «Государь», сказалъ Блеклый: «самъ князь Яковъ Федоровичъ Долгорукой мнѣ самъ ее правилъ, и, несмотря на то, что и онъ противъ меня рѣшилъ, а все находить мое дѣло правымъ». Это заставило государя взять жалобу. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: «хорошо, разсмотрю», и сейчасъ-же послалъ за Долгорукимъ. Лишь только вошелъ князь Яковъ, Петръ I-й спросилъ. «Кто виноватъ, Блеклый или Зотовъ?» — «Зотовъ, ваше величество». «Да какъ же ты подписалъ опредѣленіе, въ которомъ Блеклый обвиняется?» — «Сильная рука Зотова превозмогла», сказалъ Долгорукой. «Нынѣ наступили святки, а онъ и то брата моего, по злобѣ на него, уже опозилъ, то если-бы и я его обвинилъ, было-бы и мнѣ то же; а какъ ты, государь, обвинишь, не на кого сердится». Но государь не былъ доволенъ этимъ и, перерѣшивъ дѣло, наложилъ на всѣхъ виновныхъ штрафъ, а на Долгорукаго двойной.

Въ дѣлѣ князя Гагарина, князь Меншиковъ былъ на его

сторонѣ, и государыня чрезъ него принимала въ Гагаринѣ участіе; но боялись Долгорукаго. Тогда чрезъ деньги подкупили его управляющаго, который склонилъ князя Якова купить у Гагарина палатку за 1000 р., которая стоила 5000 руб.

Когда казнили Гагарина, то донесли на Долгорукаго, что онъ взялъ взятку. Долгорукой отвѣчали: «это неправда». «Отчего у тебя палатка Гагарина?», сказала ему Петръ. «Она куплена за 1000 р., я самъ и деньги платилъ». «Знаю», отвѣчалъ царь: «но она стоитъ 5000, а деньги, тобою заплаченныя, твоей управитель взялъ себѣ». Князь сознался, что онъ дурно поступилъ. Уличенный въ лихоимствѣ, управитель былъ сосланъ.

Задумавъ рыть Ладожскій каналъ, Петръ I въ Сенатѣ подлинсалъ указъ посылать для рытія онаго помѣщичьихъ крестьянъ Новгородской и С.-Петербургской губерній. На другой день пріѣхалъ въ Сенатъ Долгорукой и, узнавъ объ этомъ, сталъ спрашивать, и въ пылу спора разорвалъ указъ; въ самое это время входитъ Петръ I и видитъ смятеніе. Генераль-прокуроръ съ тронетомъ подаетъ ему подписанное имъ и разодранное Долгорукииъ опредѣленіе. Долгорукой опомнился, просилъ за дерзость свою прощенія и предложилъ вмѣсто крестьянъ посылать на работы пѣвниихъ шведовъ, на что Петръ и согласился.

Узнавъ, что Петру крайне нуженъ миллионъ рублей, голландцы, бывшіе въ Петербургѣ, предложили царю эту сумму съ тѣмъ, чтобы дать имъ на откупъ, на 16 лѣтъ, внутреннюю торговлю, увѣряя, что отъ этого Россіи не будетъ никакого вреда.

Долгорукой возсталъ противъ этого предложенія и доказалъ, что голландцы разорять государство и подорвать всю торговлю. Чтобы болѣе убѣдиться въ справедливости мнѣнія Долгорукаго, государь пригласилъ на свиданіе московскаго гостя Евреинова и прочихъ знаменитыхъ бунцовъ, и всѣ они подтвердили слова Долгорукаго, почему голландцамъ и было отказано.

Вслѣдъ за этимъ Долгорукой, прибывъ однажды въ Сенатъ и прочитавъ указъ, подписанный Петромъ, разорвалъ его на мелкія части. Сенаторы ужаснулись, встали и спрашивали его: знаетъ-ли онъ, что сдѣлалъ? «Знаю», отвѣчалъ Долгорукой съ жаромъ: «что я сдѣлалъ, и буду отвѣтствовать за сіе предъ Богомъ, государемъ и отечествомъ». Когда государь прибылъ и узналъ случившееся, то съ гнѣвомъ спросилъ Долгорукаго: «Что побудило тебя къ столь дерзкому поступку противу моей особы?» «Ни что иное», отвѣчалъ Долгорукой: «какъ ревность къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ. Не поставь мнѣ во зло, государь, ежели смѣю уповать на мудрость твою, и что ты собственную свою землю не хочешь такъ разорять, какъ король шведскій».

Петръ I обнялъ и разцѣловалъ Долгорукаго. «Хорошо, диди, но впередъ говори, но драть не должно». «Горячь, батюшка-государь!» «И за мною, дядя, тотъ-же грѣхъ, а потому впередъ остерегайся».

Было время, когда старшая линія Долгорукихъ была въ славу; въ Долгорукіе тогда въ ней заискивали; и не удивительно: она всегда сочувствовала и радостямъ, и горю прочихъ линій, чѣмъ тѣ ей никогда не платили и не платятъ. Князь Иковъ былъ старшей линіи, о которой мы теперь повѣствуемъ. Узнавъ, что князья Михайло и Василій Владиміровичи Долгорукіе (со вѣтъ другой, чѣмъ онъ линіи), впали въ подозрѣніе и взяты подъ стражу ⁽¹⁾, онъ, сочувствуя ихъ несчастію, написалъ нижеслѣдующее письмо къ государю, называя ихъ въ немъ даже родственниками:

«Премилосердный государь! скорѣе-бы я чаялъ отвратити землѣ челюсти своя и поглотити мя, нежелая, пришедши на западъ живота моего, власти во имя злодѣйскаго рода, яко-бы былъ съ стороны злодѣйства, понеже въ томъ утверждаюся Богомъ и чистою совѣстію, ибо непоколебимо весь мой

(1) По дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

родъ пребывать отъ пачала и до пынѣ, въ чемъ свидѣтельствують и дѣла.

«Первое съ пачала Богомъ даннымъ тебѣ державы зло-желающимъ, оное дѣло опровергнуто богомерзкимъ бунтомъ, въ которомъ родственники мои злую смерть приндали, и тѣло мертвое, духъ ихъ ругательски на части изсѣчено было и съ павозомъ сѣишецо, ни за что иное, токмо за благожеланіе и истинную вѣрность къ высокой вашего величества державѣ, и мы, я и весь три брата моихъ, еще въ незастылой крови сродниковъ нашихъ, по устрашася смерти, какъ было въ Троицкомъ монастырѣ, такъ и всегда, — противны злу были; не боясь, явно показали себя въ вѣрной службѣ вашего величества; не зирая на объявленчыя намъ за то казни и смерти, готовы всегда были умерети, и въ томъ намѣреніи прежде были и пынѣ пребываемъ и должны пребывать до смерти нашей и не токмо за дѣло, но и за слово души своя полагать всегда готовы, о чемъ свидѣтельствуюсь явно (1), ибо недавно, въ прошедшее время, въ поученіи цѣкоемъ явились не пристойныя слова, которыя, услышавъ, не устрашася и не разсуждая лица сильнаго (2) вѣнчится мнѣ за благо, утверждаемъ токмо единою правою совѣстію моею, принявъ дерзновеііе обличилъ и явно запротилъ, о чемъ вашему величеству извѣстно, за что мнѣ въ воздаяніе обѣцана лютая на колѣ смерть; и въ иныхъ во великихъ дѣлахъ какъ Богу, такъ и вашему величеству желаетъ явится въ правдѣ и въ вѣрности. Но все оное вышеупомянутое не есть предъ вашимъ величествомъ яко бы изаніяняя служба, по наша рабская должность и милость вашего величества, изливается на насъ токмо по единому милосердію. Пынѣ принужденъ я недостойнымъ монмъ вопломъ отягчить нашего величества дрожайшія ушеса. Пре-

(1) Это относится къ слѣдующему случаю: когда, во время правленія царени Софін, одинъ священникъ сталъ говорить возмутительную проповѣдь народу противъ Петра I, то Долгорукой, согнавъ его, вмѣстѣ него сказалъ сильную рѣчь — въ защиту Петра.

(2) То-есть царени Софін; она угрожала посадить Долгорукаго на колѣ.

клони, господи, ухо твое и услыши гласъ раба твоего, въ день зла моего вопіюща къ тебѣ!

«Вижу пылъ сродниковъ моихъ внадшихъ въ нѣкое прегрѣшеніе, и аще дѣлъ ихъ подлинно не вѣдаю, однако то вѣдаю: никогда они ни въ какихъ злохитрыхъ умыслахъ не были, чему и причины есть, понеже весь мой родъ ни чрезъ кого не имѣлъ себѣ происхожденія къ добру, токмо чрезъ единую вашего величества высокою милость, о ней же до нынѣ живемъ осмы. Развѣ явилась вина ихъ въ какихъ дерзновенныхъ словахъ, можетъ быть, неразумными безъ умыслу злаго словами предъ Богомъ и вашимъ величествомъ винны. Извѣстно вашему величеству оное дерзновенное состояніе и слабость не обузданнаго языка, который ниогда съ разумомъ не согласуется; ибо не только то не могъ удержать, что имѣлъ въ умѣ своемъ, но иногда и то, можетъ быть, не обузданный языкъ произносилъ, чего никогда и въ умѣ не имѣлъ, но, яко премилосердный государь, благоволи милостивому разсужденію предложить: ино есть дѣло злое, ино есть слово съ умысломъ и намѣреніемъ злымъ, а ино есть слово дерзновенное безъ умыслу, и хотя не безвинное, аще бы и въ меньшемъ изъ того погрѣшили и достойное мѣсти явились, обаче не такой, какой достойны злодѣи умысломъ винные, дабы оное за вину ихъ было имъ однимъ тяжело, а насъ бы, безвинныхъ, во время престарѣнія нашего, тѣ ихъ вины не сгубили, зане намъ собою всешароднаго обычая перемѣнить невозможно, понеже порокъ одного злодѣя виннаго приязняется и къ невиннымъ угодиникамъ. Того ради падая, яко неключивые раби молимъ: помилуй, премилосердный государь, да не снидемъ въ старости нашей во гробъ, во имани рода злодѣевъ, которое можетъ не только отнять доброе имя, но и безвременно вервь живота пресѣчь, и паки воюю со слезами: помилуй, премилосердный государь!

Вашего Величества

вѣрный рабъ

«князь Яковъ Долгорукой».

Письмо это, однако, не спасло их: они были сосланы, но чрез нѣсколько дѣтъ возвращены изъ ссылки. Первый умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, въ 1750 году, а второй — генералъ-фельдмаршаломъ, въ 1746 году.

Смерть царевича Петра Петровича, сына Петра I, отъ второй его супруги, такъ огорчила императора, что онъ заперся въ кабинетъ и трое сутокъ оставался безъ пищи, никого къ себѣ не допускалъ, даже и супругу свою, сколько она не стучалась въ дверь и не просила его. И безъ того уже убитая горемъ, государыня отъ этого еще болѣе приходила въ отчаяніе. Опасеніе лишиться супруга — заставило ее ночью послать за Долгорукимъ, зная его рѣшительный характеръ и любовь къ нему государя. Когда князь Долгорукой пріѣхалъ, государыня сообщила ему свой страхъ и отчаяніе и просила его совѣта.

«Лягъ, матушка, и успокойся, а завтра, Богъ милостивъ, все переменится», сказалъ князь, и уѣхалъ.

Пріѣхавъ домой, Долгорукой отъ имени государыни разослала всѣмъ сенаторамъ записки, что, дескать, она желаетъ чрезвычайнаго собранія въ Сенатъ.

Когда утромъ всѣ сенаторы съѣхались, Долгорукой объявилъ имъ, въ какомъ опасномъ положеніи государь и государыня, и просилъ ими же явиться во дворецъ и вывести изъ уединенія государя.

Тогда всѣ сенаторы отправились во дворецъ. Дойдя до двери той комнаты, въ которой заперся государь, Долгорукой постучался; но государь молчалъ; Долгорукой сталъ сильнѣе стучаться и просилъ отпереть, крича, что весь сенатъ пришелъ до его величества съ докладомъ о чрезвычайно-важномъ дѣлѣ.

Петръ I подошелъ къ дверямъ, но все еще ни слова не говорилъ; Долгорукой сталъ стучаться еще сильнѣе, крича, что дѣло не терпитъ отлагательства, и если государь не отпереть, — то они выломаютъ дверь, и онъ, продолжая упорствовать, можетъ лишиться престола.

Тогда государь отперъ дверь, и, выйдя из кабинета, весьма удивился, увидя весь Сенатъ. «Чего вамъ надо?» спросилъ онъ. «Странное твое отъ насъ удаленіе и бесполезная печаль твоя государству привели въ замѣшательство и, если ты не выйдешь изъ своего уединенія и еще далѣе отъ правленія будешь уклоняться, то государственные чины выпуждены будутъ избрать правителя вмѣсто тебя».

Государь, обѣщая сенаторамъ разсѣять свою печаль, тотчасъ съ ними пошелъ къ государынѣ, и, обнявъ ее съ нѣжностію, сказалъ: «Такъ и быть, Катенька, не станемъ больше роптать на то, что Богъ сдѣлалъ». Государь оставилъ всѣхъ сенаторовъ у себя обѣдать и, съ того времени, опять припаялся за дѣла.

Въ 1720 году у Долгорукаго открылась водяная, обнаружившаяся опухолью груди. Юля 24 князь скончался, не взирая на всѣ старанія врачей и самого императора. По увѣренію г. Постникова, внука Пшана Пвановича Постникова, который служилъ у князя Якова Федоровича, государь самъ прописывалъ рецепты. Гдѣ князь Яковъ Федоровичъ погребенъ—ни кто навѣрное не знаетъ; одни говорятъ: у Андрея Первозваннаго, но это опровергается крѣпостнымъ журналомъ, гдѣ сказано, что тѣло везено мимо крѣпости; другіе:—у Троицы, на Петербургской Сторонѣ. Князь Петръ Долгоруковъ думаетъ, что князь Яковъ Федоровичъ погребенъ въ лавръ. Бурное время Биропа и гоненія его на родъ Долгорукихъ поглотили много дорогаго для потомства. Князь Яковъ былъ женатъ два раза: первая супруга была Ульяна Паумова, отъ которой у князя Якова одна дочь, княжна Анна, супруга поручика Алоксѣя Петровича Шереметева: она скончалась 1746 г.; вторая супруга его была княжна Ирина Михайловна Черкасская, отъ которой онъ имѣлъ дочь, княжну Екатерину, которая была крестницею императрицы Екатерины I и скончалась въ малолѣтствѣ. Слѣдственно, ясно видно, что послѣ князя Якова не осталось мужскаго потомства; и такъ, князь Сергій Васильевичъ, недавно воспѣтый какимъ-то біографомъ, не есть

послѣдній потомокъ князя Якова; онъ даже не принадлежитъ къ этой линіи (1).

Князь Яковъ былъ высокаго роста, лицо имѣлъ полное, глаза черныя, носъ нѣсколько-сгорбленный, волосы темнорусые, станъ стройный; до смерти имѣлъ большого живота. Домъ князя Якова въ С.-Петербургѣ былъ на Васильевскомъ островѣ, въ 13 линіи, а въ Москвѣ — на Покровкѣ; уцѣлѣвши отъ пожара 1812 г., онъ до 1835 г. оставался безъ большихъ передѣлокъ; нынѣ принадлежитъ какому-то кушцу. Одно изъ имѣній князя Якова, село Яковлевка, перекупками перешло къ дѣду Твороговой, которая по сему задумала выводить свой родъ отъ старшей линіи князей Долгорукихъ. Еще замѣчательнѣе ея продѣлка при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. При учрежденіи государственныхъ имуществъ, при описяхъ казенныхъ имѣній открылось, что лѣсъ подъ Тулою принадлежалъ сенатору князю Якову Федоровичу Долгорукому. Какими-то судьбами, на него никто не предъявлялъ еще правъ; пошло дѣло въ Государственный Совѣтъ, и онъ нашелъ, что лѣсъ и населенная земля могли наследниками быть оставлены безъ управленія. Но такъ какъ не отыскано, были ли сдѣланы вызовы наследниковъ, то Совѣтъ присудилъ лѣсъ этотъ отдать тому, кто изъ потомковъ князя Якова окажется ближайшимъ наследникомъ. Изъ ближайшихъ наследниковъ никто объ этомъ не узналъ. Творогова, провѣдавъ объ этомъ и боясь публікаціи, явилась въ Министерство, представила наследственный раздѣлъ отъ отца о селѣ Яковлевкѣ, что оно перекуплено, представляя и то, что село это было князя Якова, и предложила уступить казнѣ за 100 тысячъ рублей ассиг. этотъ миллионный лѣсъ; дѣло такъ и кончилось. Министерство, видя дешевищну, перестало много разспрашивать; а той пужно было, чтобы Долгорукіе, Шереметевы и Черкасскіе не узнали-бы. Прошло цѣлыхъ

(1) Князь Яковъ, какъ честная личность, ярко рисуетъ въ эпоху царствованія Петра I. Честность его — вошла въ поговорку. См. о немъ въ приложеніи.
Прим. К. В. Д.

10 лѣтъ прежде, чѣмъ эта продѣлка Твороговой стала известна прямымъ наследникамъ князя Якова.

Кресло Якова Долгорукаго подарено Твороговою князю Василию Васильевичу Долгорукову, т. е. Долгорукому 3 линии. — Подлинный портретъ въ миниатюрѣ, въ медальонѣ, находится у князя Алексѣя Владиміровича, ⁽¹⁾ а также печатный портретъ того времени, грубо-гравированный. Портретъ маслянными красками (большой овальный) былъ у Голенищевой — Кутузовой, Елены Ивановны, урожденной княжны Долгорукой, но куда онъ послѣ смерти ея вмѣстѣ съ прочими фамильными портретами дѣлся — неизвѣстно.

Князь Лука Фѣдоровичъ вступилъ на службу стольникомъ, пожалованъ былъ воеводою съ назначеніемъ въ казанскій разрядъ; въ 1691 году переведенъ въ Кіевъ, оттуда въ 1693 году, въ Астрахань, въ 1697 г. въ городъ Сѣвскъ, а въ 1703 г. назначенъ былъ судьей Казанскаго приказа. О бытности его въ казанскомъ приказѣ свидѣлствуетъ иманной указъ, отъ 12 декабря 1706 г. (Тома II стр. 358 общ. Соб. Законовъ). Изъ этого приказа князь Лука Фѣдоровичъ уволенъ въ 1708 г.; гдѣ послѣ былъ и когда именно скончался — не извѣстно; можно только сказать, что онъ умеръ въ Москвѣ до 1725 г., оставивъ двухъ сыновей: князя Василя Лукича и князя Александра Лукича.

Князь Василій Лукичъ, въ 1673 г., вступилъ въ службу стольникомъ, въ 1687 г. назначенъ въ свиту посольства въ Парижъ и Испанію, состоящимъ при князѣ Яковѣ Фѣдоровичѣ. Но при выѣздѣ князя Якова изъ Парижа, ему велѣно было остаться тамъ, для изученія языковъ и наукъ. Здѣсь его связъ съ одною придворною дамою и потомъ вниманіе самой королевы — дали ему случай сблизиться съ Лудовикомъ XIV, королемъ французскимъ, который самъ невольно увлекся благородною наружностію, блистательнымъ умомъ и рѣдкими способностями этого молодого князя, которому, при прощаніи, пожаловалъ на память

(1) Одною изъ составителей настоящей книги.

портретъ свой. Современники говорятъ, что во Франціи ни одна особа не могла устоять противъ него, если онъ обращалъ на нее вниманіе. Мужья и всѣ вообще мужчины невольно послѣ первыхъ свиданій привязывались къ нему. По возвращенію въ Россію, участвовалъ въ обоихъ Азовскихъ походахъ, а въ 1697 г. назначенъ товарищемъ отцу своему, воеводѣ города Сѣвска, гдѣ и находился до 1700 г. Въ 1700 г. онъ назначенъ состоять при посольствѣ другаго дяди своего, Григорія Федоровича, отправленнаго въ Варшаву. Въ 1701 г. князь Василій Лукичъ былъ свидѣтелемъ свиданія короля Польскаго съ царемъ въ Бирзинѣ, потомъ возвратился въ Варшаву и былъ на этомъ посту до возвращенія дяди своего князя Григорія Федоровича. Послѣ мира Алт-Ранштадтскаго онъ былъ пожалованъ компанійнымъ стольникомъ, намѣстникомъ Бѣлозерскимъ и потомъ—чрезвычайнымъ посланникомъ въ Данію.

Въ 1715 г. князь Василій Лукичъ, за успѣшное посольство, былъ награжденъ отъ Петра I чиномъ тайнаго совѣтника. Въ грамотѣ короля датскаго къ Петру I Долгорукой осыпанъ лестными похвалами. Въ 1720 году, онъ назначенъ посломъ во Францію, съ цѣлю склонить эту державу быть посредницей въ мирѣ между Россією и Швецією, и присутствовалъ при коронованіи Лудовика XV.

По указу Петра I, Василію Лукичу Долгорукому, возвратившемуся въ Россію, велѣно вмѣстѣ съ вызваннымъ изъ Берлина посланникомъ графомъ Головинымъ, пріѣхать въ одинъ и тотъ же день въ С. Петербургъ, гдѣ Петръ I съ Сенатомъ, генералитетомъ и со всѣмъ дворомъ встрѣтилъ заставою Долгорукаго и Головина, и, посадивъ ихъ въ золотую карету, цугомъ запряженную, велѣлъ ихъ везти по главной улицѣ къ дворцу въ сопровожденіи гвардіи; по пріѣздѣ куда, пожаловалъ обоихъ въ сенаторы.

1724 г. 7-го іюня онъ былъ посланъ въ Варшаву; того-жь года 10 сентября вернулся въ С. Петербургъ, въ день свадьбы царевны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. 1725 г., мая 21 дня, пожалованъ въ дѣйствительные тайные

совѣтнику и посланъ сына въ Варшаву. Единственный сынъ его, князь Федоръ Васильевичъ, известный своими несчастіями и постоянствомъ въ любви, своимъ высокимъ благородствомъ и дружбою съ Сапѣгою, все время находился за границей и уже въ царствованіе Екатерины I-й, вызванный (какъ увидимъ въ III періодѣ) отцемъ, прибылъ въ Россію.

Князь Александръ Лукичъ вступилъ въ службу столяникомъ; пожалованъ въ 1710 году капитаномъ, въ 1715 году майоромъ; въ 1724 году полковникомъ, съ назначеніемъ командиромъ Тверскаго драгунскаго полка; онъ имѣлъ сына князя Якова Александровича и дочерей княжну Аграфену, супругу Алексѣя Федоровича Шереметева, и княжну Марію, погребенную въ Москвѣ, въ Дошекомъ Монастырѣ, гдѣ день рожденія показанъ 1713, а кончина 1786 — годовъ.

Князь Борисъ Федоровичъ, герой и министръ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, прославилъ себя побѣдами надъ татарами, а при Алексѣѣ Михайловичѣ въ думѣ составилъ, по высочайшей волѣ, уложеніе о управленіи государствомъ, дѣйствовавшее во все время царствованія Петра I. Онъ былъ такъ любимъ и уважаемъ иностранцами, жившими тогда въ Москвѣ, что еще при жизни его, съ высочайшаго соизволенія, ими воздвигнуть былъ ему монументъ въ Китай-городѣ на любимомъ мѣстѣ; онъ, по преданію, стоялъ лѣвѣ монумента Минина и Пожарскаго и правѣ знафота Пугачевскаго.

Изъ всѣхъ Долгорукихъ царевна Софья Алексѣевна уважала только его, да князя Якова Федоровича. Она даже дозволяла ему прямо выражать свое мнѣніе о Голицынѣ, и онъ совѣтывалъ ей выдти замужъ и оставить правленіе. «Не лучше ли», говорилъ онъ: «быть супругою принца крови, чѣмъ изъ чужихъ дѣла мѣшаться?» «Ну, хорошо! поставлю тебя вмѣсто Голицына», сказала Софья. — «Не прочь бы отъ чести», отвѣчалъ Долгорукой: «и любить, ваше величество, можно, но вы мѣшаетесь въ правленіе; рано или поздно, и мнѣ и вамъ придется поклониться, и потому не могу согласиться, ваше величество. Оставьте правленіе; я головой вамъ ручаюсь, что

Петръ Алексѣвичъ васъ оставитъ въ покоѣ и дозволитъ вамъ распорядиться какъ вамъ угодно».

Долгорукой умеръ отъ яда, поднесеннаго ему въ винѣ на обѣдѣ царевны, по приказанію князя Голицына. Единственная дочь его, княжна Анна, была за Васильемъ Федоровичемъ Салтыковымъ, братомъ царицы Прасковьи Федоровны и роднымъ дядею императрицы Анны.

Князь Григорій Федоровичъ родился въ 1656 г.; въ 1670 г. вступилъ въ службу стольникомъ, безъ особаго значенія и отличія; участвовалъ въ обоихъ Азовскихъ походахъ, послѣ которыхъ пожалованъ въ комнатные стольники. Въ 1698 г. онъ назначенъ намѣстникомъ Ростовскимъ, а въ 1700 г. генералъ-адъютантомъ его величества; того же года былъ посланъ въ Варшаву. Въ 1701 г., послѣ свиданія короля съ царемъ въ Бирзэвѣ, при чемъ онъ находился, князь Григорій оставленъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при польскомъ дворѣ. Король Августъ, при всемъ желаніи своемъ соединиться съ Россіею, не могъ этого сдѣлать, не имѣя достаточныхъ силъ даже два мѣсяца противостоять шведскимъ войскамъ; нанятая же войска короля Саксонскаго не только не принесли ему ни какой пользы, но еще раздражили умы поляковъ и самихъ ихъ возстановили противъ короля. Тутъ послѣ дѣлать было нечего. Король шведскій, Карлъ XII, занявъ Варшаву, объявилъ Августа отрѣшеннымъ отъ престола, а на мѣсто его возвелъ Станислава Лещинскаго въ Варшавѣ, и короновалъ его. На сторонѣ Лещинскаго были двѣ сильныя партіи: гетмана князя Любомірскаго и примаса Радзівевскаго. Долгорукой, удаливъ въ Сендоміръ, составилъ партію въ пользу законнаго короля, и, несмотря на силы шведовъ и вѣтежскій духъ поляковъ, успѣлъ-бы поддержать Августа, если-бы могъ преодолѣть его малодушіе. Августъ ни на что не рѣшался; къ тому же, договоръ Алтъ-Ранштадскій, по коему поляки выдали представителя русскаго государя, генералъ-лейтенанта Паткуля, заставилъ Долгорукаго возвра-

тятся въ Россію. Вслѣдствіе измѣны Мазепы, Долгорукой былъ посланъ въ Малороссію съ слѣдующею грамотою.

«1708 г. Ноября 1 дня.

«Божію споспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и прочая. Наше царское величество объявляетъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ войска Запорожскаго:

«Полковникамъ, есауламъ, сотникамъ, атаманамъ и всей полковой старшинѣ и всему войску и народу, къ избранію новаго Гетмана, по указамъ нашего царскаго величества, съ вхавшимся, что понеже бывший гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свою къ намъ, великому государю, при крестномъ цѣлованіи присягу, измѣнилъ намъ, великому государю, безъ всякой давиной ему къ тому причинѣ, и переѣхалъ къ королю шведскому, въ такомъ намѣреніи проклятомъ, дабы Малороссійскій край отдать въ порабощеніе еретикамъ, шведамъ и подъ иго полякамъ; о чемъ, какъ мы, великій государь, извѣстились, учинилъ у него съ королемъ шведскимъ и отъ него выбраннымъ на короленство польское Лещинскимъ договоръ. Того ради мы, великій государь, наше царское величество, яко государь и оборонитель всея Малыя, Россіи и народа сего, милосердуя о васъ, вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, намѣрепы высокою особою своею всѣми силами васъ и весь народъ малороссійскій оборонять войсками своими великороссійскими. И дабы опередить сіе злое намѣреніе, того богоотступнаго измѣнника Мазепы, и ко исполненію онаго и Малороссійскаго краю до разоревія, церкви же святыя до оскверненія, и превращенія въ римскую вѣру и унию—не допустить: того ради послали отъ насъ, великаго государя, нашего царскаго величества, во всѣ полки наши указы за подписаніемъ собственныя руки и печати нашея, дабы съѣзжались на избраніе новаго гетмана, вольными голосами, по правиламъ и вольностямъ нашимъ, и уповаемъ, что вы, вѣрные наши подданные, разсуждая цѣлость отчизны своей и показуя намъ, великому го-

сударю, вѣрность по тѣмъ указамъ немедленно ко избранію новаго гетмана приступите, и единого изъ вѣрныхъ знатныхъ и искусныхъ особъ, вольными голосами, по правамъ своимъ, на гетманство немедленно избѣрите; понеже вышшій случай ускороеніе того дѣла требуетъ, дабы единодушно противъ общаго непріятеля, короля шведскаго, стать, и онаго войска, которыя уже отъ нашихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ ббльшею частію побито и голодомъ и хладомъ померло, и до копечнаго разоренія привести, и того измѣнника Мазепа прелести и замыслы пресѣчь и упредить, и тако свою отчизну отъ всякихъ опасностей и разоренія избавить и освободить. А мы, великій государь, наше царское величество, обѣщаемъ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, тому вольными голосами новоизбранному гетману, такожъ и генеральной старшинѣ, полковникамъ и ссауламъ, сотникамъ и всей полковой старшинѣ и всему войску запорожскому, нашимъ царскаго величества словомъ, всѣ вольности права и привилегіи, которыя вы отъ времени принятія блаженныя и достохвальныя памяти отца нашего великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, подъ свою высокодержавную руку, гетмана Богдана Хмельницкаго съ войскомъ запорожскимъ и сопсѣмъ малороссійскимъ народомъ припязи и потомъ при нашемъ царскаго величества государствованіи гетманы и всѣ войска имѣли свято ненарушимо и цѣло содержать; а васъ, вѣрныхъ своихъ подданныхъ, отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять, и весь малороссійскій народъ въ непремѣнной своей милости содержать, въ чемъ—бы вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, на нашу царскаго величества милость быти благопадежнымъ. А на сіе избраніе новаго гетмана послали къ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, отъ насъ, великаго государя, министръ нашъ, князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгорукой.

Не взирая на то, что большинство желало вручить булаву полковнику Черниговскаго полка, Павлу Леонтьевичу Полубаткѣ, Долгорукой, боясь его ума и твердости и духа, онас-

ныхъ въ то время для Россіи въ чловѣкѣ, занимающимъ санъ гетмана, склонилъ малороссійскихъ казаковъ выбрать гетманомъ полковника Стародубскаго полка, Ивана Ильича Скоропадскаго, который, при всей храбрости, былъ чловѣкъ слабый и нерышительный. Онъ былъ утвержденъ Петромъ I, который, выразивъ въ письмѣ къ Долгорукому свое благоволеніе, назначилъ его начальникомъ части войска, съ которымъ князь, за двѣ недѣли до полтавской битвы, 1709 г. 14 іюня, напалъ на обозъ шведскій и, разбивъ генерала Крузе, гналъ его до мѣстечка Жуки, гдѣ была главная квартира Карла; того же года 27 іюня, Долгорукой участвовалъ въ полтавскомъ сраженіи, а 7-го іюля получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и нѣсколько деревень. Въ томъ же году, сопровождая Петра I, князь былъ свидѣтелемъ его свиданія, въ Торунѣ, съ королемъ Августомъ и въ Маріенвердерѣ — съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ I, а 7 Октября получилъ андреевскую ленту и снова пошелъ посланникомъ въ Варшаву. Здѣсь онъ первый настоялъ у польскаго сейма роспускъ войскъ и подтвержденіе прежнихъ договоровъ 1686 и 1704 годовъ. Въ 1711 году онъ убѣдилъ польско-саксонскаго министра дѣйствовать союзными войсками противъ шведско-германскаго союза. Въ 1712 г. князь былъ отозванъ въ Петербургъ, и вмѣсто него дѣлами посольства правилъ—сначала князь Александръ Лукничъ Долгорукой, а потомъ Дашковъ. Впоследствии опять князь Григорій Федоровичъ возвратился къ своему посту, и въ 1717 г. потребовалъ для Бѣлорусской православной епархіи привилегій въ огражденіе притѣсненій католиковъ и униатовъ; но чрезъ то приобрѣлъ много враговъ, что вынудило его просить объ отозваніи изъ Варшавы. Виняя его просьбѣ, Петръ I сдѣлалъ его сенаторомъ, а сына его, князя Сергія Григорьевича, назначилъ вмѣсто него.

Князь Григорій Федоровичъ скончался скоростипжно, 13 Августа 1723 г., 66 лѣтъ отъ роду. Преданіе говоритъ, что будто-бы онъ былъ отравленъ въ Петербургѣ католиками. Онъ погребенъ въ Невской лаврѣ. Государь самъ провожалъ гробъ

его и плакалъ, когда опускали въ землю. Отъ супруги своей, княгини Марш Ивановны Голицыной, онъ имѣлъ дѣтей : князей Алексѣя, Ивана, Сергѣя и Александра, и княжну Александру Григорьевну, супругу Салтыкова.

Князь Алексѣй Григорьевичъ всупилъ во флотъ 1709 г. и получилъ чинъ капитана отъ Петра I. Въ 1713 году онъ былъ посланъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а въ 1723 году Петръ I назначилъ его президентомъ главнаго магистрата. Отъ супруги своей, княжны Прасковьи Юрьевны Хилковой, онъ имѣлъ дѣтей : князей Ивана, Николая и Александра Александровичей, и княжесъ — Екатерину и Анну Алексѣевей.

Князь Иванъ Алексѣевичъ родился въ 1708 г.; записанъ въ службу въ 1716 году, при посольствѣ дѣда своего; считаясь въ гвардіи, въ преображенскомъ полку поручикомъ, онъ воспитывался въ Варшавѣ при отцѣ до 1720 г., а съ 1723 г. былъ назначенъ къ нему, по особымъ порученіямъ.

Князь Николай Алексѣевичъ родился въ 1713 г., а въ 1724 г. записанъ въ службу при дворѣ.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ родился въ 1716 г., а 1720 г. былъ записанъ во флотъ и 1724 г. получилъ отъ Петра I чинъ мичмана. Князь Александръ Алексѣевичъ родился 1718 года.

Князь Иванъ Григорьевичъ вступилъ въ службу въ гвардію, участвовалъ, при рождественникахъ, во второмъ Азовскомъ походѣ; въ 1717 г. пожалованъ стольникомъ, въ 1720 г. поручикомъ, въ 1722 г. подполковникомъ и въ 1724 г. — полковникомъ.

Князь Сергій Григорьевичъ службу свою началъ при посольствѣ во Франціи, откуда переведенъ былъ въ посольство въ Австрію, а потомъ—въ Англію. Въ 1721 г. онъ назначенъ посломъ въ Варшаву, вмѣсто отца своего. Отъ супруги своей, княгини Марфы Петровны, урожденной баронессы Шафировой, имѣлъ сыновей : князей Николая, Василия, Петра и Григорія, и дочь княжну Анну, супругу князя Алексѣя Сергѣевича Голицына.

Князь Александръ Григорьевичъ службу началъ во флотѣ; въ 1724 г. былъ флота капитаномъ.

Второй періодъ нашей родословной намъ, по настоящему, должно-бы окончить смертію дѣтей князя Федора Федоровича, умершихъ не задолго до смерти Петра I; но, желая обнаружить лбеду и клевету, заводимую сочишителями различныхъ статей о родѣ Долгорукихъ, мы окончили II-й періодъ смертію Петра I, или, вѣрнѣе сказать, 1725 г., чтобы яено можно было видѣть, къ какимъ отлнціяхъ и чинамъ Долгорукіе остались послѣ его смерти.

Періодъ третій.

Отъ 1725 г., или отъ смерти Петра I, до 1762 г., или до воцаренія Екатерины II.

При вступленіи на престолъ Екатерины I, издавъ былъ, 28 Января 1725 г., въ С. Петербургѣ, слѣдующій манифестъ:
«1725 года 28 Января. С. Петербургъ. Вѣдомо да будетъ всѣмъ, что по волѣ Всемогущаго Господа Бога, всепресвѣтѣйшій, державнѣйшій Петръ Великій императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отецъ отчества, государь всемилостивѣйшій, чрезъ двѣнадцатидневную жестокою болѣзнь отъ сего временнаго житія въ вѣчное блаженство отъиде и о наследствіи престола Россійскаго не только единымъ его императорскаго величества блаженной и вѣчной достойной памяти манифестомъ, Февраля 5 дня прошлаго 1722 года, въ народъ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины государства Россійскаго, дабы быть наследникомъ тому, кто по волѣ императорской будетъ набранъ. А понеже въ 1724 году удостоилъ короною и помазаніемъ любезнѣйшую свою супругу, великую государыню нашу императрицу Екатерину Алексѣвну, за ся къ Россійскому государству мужественные труды, какъ о томъ

довольно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ 1723 года, Ноября 15 числа; того для :

Святѣйшій Правительствующій Синодъ,
Высокоправительствующій Сенатъ и Генералитетъ,

Согласно приказали : во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, дабы все, какъ духовнаго, такъ воинственнаго и гражданскаго всякаго чина и достоинства люди о томъ въдали и ей всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ Всероссийской вѣрно служили. На подлинномъ подписано Сена- томъ, Синодомъ и Генералитетомъ въ три столбца. Изъ подписавшихся въ числѣ генералитета, князь Василій Лукичъ Долгорукой подиисался генераль-лейтенантомъ и майоромъ гвардіи.

Изъ сего манифеста видно, что Екатерина I взошла на престолъ не по духовному завѣщанію Петра I, а — по избранію ея, но не народомъ, а чинами государственными, вопреки права: ибо корование ея, въ званіе супруги Петра I, еще не давало ей права на Россійскій престолъ, тѣмъ болѣе, что были наследники Петра Великаго — великій князь и царицы. Въ день брака царицы Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, 1723 г. 21 Мая, Екатерина I пожаловала князя Василія Лукича Долгорукаго въ дѣйствительные тайные совѣтники и затѣмъ отравила его на короткое время въ Варшаву, по домогательству Меншикова на курляндскій престолъ; но курляндское дворянство, подъ предлогомъ, что князь Меншиковъ православнаго вѣроисповѣданія, а по ихъ закону — глава ихъ правленія долженъ быть лютеранинъ, — отказало князю Меншикову въ его домогательствѣ.

«Премилосердая Государыня !

«Обрати око Твое на заслуги родственника моего князя Василія Владиміровича, который доселѣ служитъ полковникомъ, возрати ему все лишенное, еще оклеветанъ быть предъ ли-

цемъ супруга твоего, неимѣвшего даже для кормленія, ибо все отпято бысть.

Вашего Величества, Милосердая Государыня,
вѣрный рабъ
«Князь Василій княжъ Лукить Долгорукой».

Вслѣдствіе этого ходатайства, 4 Октября того же года, возвратили ему изъ отписанныхъ родовыхъ деревень его тѣ, которыя еще не были розданы; а 10 Октября былъ пожалованъ чинномъ генераль-майора. Въ то же время императрица Екатерина I пожаловала князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, поручика гвардіи, въ камеръ-юнкеры и назначила ко двору великаго князя Петра Алексѣевича; а посла князя Сергія Григорьевича отозвала изъ Варшавы.

Князь Василій Лукить привезъ сына своего, князя Федора Васильевича, вернушагося изъ-за границы, къ князю Василію Владиміровичу, человѣку уже испытанному превратности судьбы; и тотъ сказалъ ему: «Зачѣмъ ты вернуся, любезный другъ? Неужели и это сердце», продолжалъ онъ съ кроткою улыбкою: «должно перестать биться для радости, любви и счастья? Неужели тебя соблазнило поприще славы? Имя, которое ты носишь, еще заранѣе вызываетъ тебя на бурное море и приведетъ тебя къ скаламъ и подводнымъ камнямъ».

По вторникамъ у князя Василія Лукича обыкновенно бывали гости, и князь Василій Владиміровичъ всегда бывалъ у него въ эти дни. При первомъ посѣщеніи, князь Василій Владиміровичъ взялъ за руку князя Федора Васильевича и, отвѣдя его въ сторону, сказалъ: «Ты видишь здѣсь всѣхъ вольможъ твоего отечества; а тамъ (указывая на Мепшикова) — самаго сильнаго между всѣми; но повѣрь, что звѣзда, блестящая на груди его, покрываетъ заботами отягченное сердце, а легкая лента стоила ему нѣсколько лѣтъ тревожныхъ ночей; но смотря на то, что онъ кажется счастливымъ и веселымъ, онъ не имѣетъ спокойнаго сна; онъ рабъ — честолюбія и корысти».

Вечеромъ, когда остались один Долгорукіе, князь Василій

Лукичъ обратилъ вниманіе своего сына, князя Федора, на фамиліные портреты: «Вотъ твои предки; начиная съ великаго князя Юрія Долгорукаго, всѣ они честно выполнили свои обязанности; сначала какъ владѣтели, а потомъ какъ подданные, они были вѣрны своему назначенію, полезны ближнимъ, царю и церкви».

При этихъ словахъ, князь Василій Владиміровичъ, нахмурилъ брови, сказалъ: «Лукичъ! укажи своему сыну того, который между всѣми Долгорукими только одинъ былъ счастливъ, только одинъ жилъ и умеръ спокойно, не испытавъ превратностей счастья; посмотри на него: онъ жилъ уединенно въ своихъ помѣстьяхъ».

— Поди тебѣ, Владимірычъ, сердито сказалъ Лукичъ: — напѣвать всѣмъ несчастіе, посмотри на свой портретъ: чай, къ нему и жезлъ фельдмаршальскій не лишній—бы былъ; отчего этого не желать и другимъ?»

— Тому нѣсколько лѣтъ, Лукичъ, отвѣчалъ князь Василій Владиміровичъ, какъ я съ братомъ оставилъ Москву; насъ привезли однажды къ хижинѣ бѣднаго крестьянина для ночлега. Крестьянинъ сидѣлъ подлѣ своей жены и любовался дѣтми, которыя около него играли. Тутъ пришелъ его братъ, только-что пріѣхавшій изъ столицы, и сталъ рассказывать о страшномъ происшествіи — о смерти великаго князя Алексѣя Петровича. Нашъ хозяинъ поблѣднѣлъ; онъ и жена его съ трепетомъ прижали къ груди дѣтей своихъ. Тогда я сказалъ брату на-ухо: «Этотъ человекъ можетъ быть сунругомъ, отцомъ и братомъ, но великіе и сильные на землѣ — никогда!» А когда они узнали, что и мы были по сему дѣлу изъ числа изгнанниковъ, то съ видомъ сожалѣнія сказали намъ: «Конечно, если-бы вы получили свободу, то никогда уже не пристали-бы ко двору». Мой отвѣтъ былъ: «Никогда нога моя не ступитъ опять на это опасное мѣсто». Но ты меня, Лукичъ, съ государыней вынудили нарушить клятву, такъ позволь хоть сыну исполнить ее за меня

Тутъ, обнявъ князя Федора, онъ всталъ и, прощаясь,

сказалъ: «Падалъ я въ пропасть несчастія и, избавишчися изъ нея, хотѣлъ въ уединеніи умереть спокойно, но судьба неволью опять вызвала ко двору и, Богъ-вѣсть, на добро-ли!»

Не взирая на желанію Лукича сдѣлать изъ сына придворнаго человѣка, не взирая на угрозы, на всѣ лестныя предложенія, князь Федоръ добивался одного — увѣхать изъ Петербурга.

Разъ на обѣдѣ у князя Ивана Григорьевича, когда были и прочіе Долгорукіе, князь Федоръ Васильевичъ сказалъ: «И не могу смотрѣть на то, что здѣсь представляется глазамъ моимъ: я не рожденъ изгибаться горбомъ предъ вельможей изъ мужиковъ и, въ ту же самую пору, питать къ нему скрытную ненависть; я желалъ-бы лучше рубиться. Нельзя уже намъ всзвыситься надъ Меншиковымъ, и я сирашиваю васъ, не такъ же ли и мы-бы поступили, еслибъ были на его мѣстѣ?»

— Не думаю, мой другъ, отвѣчалъ князь Василій Владиміровичъ: — но такъ-какъ ты хочешь рубиться, то я за тебя берусь хлопотать.

На слѣдующій же день князь Федоръ получилъ повелѣніе ѣхать на Кавказъ и состоять волонтеромъ при генералѣ Матюшкинѣ. Меншиковъ радъ былъ просьбѣ: онъ всегда искалъ случая выжить Долгорукихъ изъ столицы; вотъ почему желаніе князя Федорова такъ скоро исполнилось.

Генералъ Матюшкинъ былъ человѣкъ добрый; онъ съ радостію принялъ къ себѣ молодаго, хорошо-воспитаннаго князя.

На девятый день его прибытія въ главную квартиру, на нашъ передовой отрядъ напало до 8 тысячъ горцевъ. Собрать, по приказанію генерала, боковые и задніе пикеты наши, состоящіе изъ драгунъ, Долгорукой кинулся съ этою горстью въ тылъ непріятелю, который, не взирая на значительное большинство силъ, отъ этого печальнаго нападенія обратился въ бѣгство. Тутъ подошли другія наши войска, и на другой день заняли городъ Тархи, столицу шамхала Тарховскаго. Генералъ Матюшкинъ послалъ Долгорукаго къ императрицѣ съ донесе-

вѣтъ, вопреки его желанію и намѣренію не возвращаться въ Петербургъ. Проѣхавъ Москву и приближаясь къ Петербургу, онъ обогналъ два экипажа, ѣхавшіе почти такъ же скоро, какъ и онъ; въ полдень подѣхалъ онъ къ одному мосту, который былъ затопленъ водою, разлившейся отъ прорваннойся выше плотины; недалеко стояла хижина. Долгорукой приказалъ остановиться и потребовалъ жокаго, который—бы указалъ, гдѣ можно проѣхать затопленный мостъ. Но крестьянинъ и жена его объявили, что надо или ждать, или вернуться: другой дороги нѣтъ, но что вода къ утру уйдетъ; тутъ подѣхали упомянутые экипажи; въ одномъ, заграничной работы, сидѣли дамы, въ другомъ ихъ люди, которымъ, повидимому, была эта сторона знакома; и они тоже совѣтовали дожидаться утра, когда вода сбудетъ.

Три дамы вышли изъ экипажа; лица ихъ были закрыты покрывалами; впрочемъ, по дорожнымъ шубамъ, Долгорукой заключилъ, что онѣ знатныя особы. Онѣ выскзъ съ Долгорукимъ хотѣли войти въ хижину, но, отворивъ дверь, почувствовали тяжелый запахъ. Тогда одинъ изъ людей, бывшихъ съ дамами, закричалъ на крестьянина: «Сейчасъ слыпи другую избу, или я тебя палкою!» и поднялъ ее на него; дамы испугались, вскрикнули; но Долгорукой удержалъ дерзкаго; онѣ поблагодарили его.

Утращенный крестьянинъ, стоялъ, между—тѣмъ, съ униженнымъ и покорнымъ видомъ. Чтобы ободрить крестьянина, дамы подарили женѣ его платокъ, а малюткамъ дали по золотому рублю. Тутъ крестьянинъ оживился и сказалъ, что въ лѣсу есть двѣ незацятныя избы съ мебелью, построенныя для охотниковъ, господъ его, и что у него отъ нихъ ключъ.

Долгорукой предложилъ дамамъ сѣсть въ экипажъ, доѣхать туда, а самъ поѣхалъ впередъ, выбралъ ту избу, въ которой были каминъ и мебель, и велѣлъ своему слугѣ разложить огонь въ каминъ и приготовить чай, а когда чай былъ готовъ, то просилъ дамъ, сидѣвшихъ пока въ экипажѣ, войти. Тутъ онѣ, поблагодаривъ Долгорукаго, стали снимать шубы;

одна изъ нихъ, которую звали Марія, подошла къ камню и сняла съ себя капотъ. Красота ея произвела на Долгорукаго сильное впечатлѣніе. Вотъ подлинное его письмо къ его другу, молодому графу Салевъ:

«Я стоялъ, какъ-будто окаменѣлый, передъ симъ ангеломъ... видѣлъ я прекрасныя лица, но никогда еще такого, никогда еще такихъ глазъ, въ которыхъ-бы горѣлъ кроткій огонь всѣхъ добродѣтелей.

«И шилъ съ нею изъ одного стакана попеременно, а изъ другого ея мать съ другой. Не ребенокъ-ли я, что упоминаю о такой малости! Однакожь, съ-тѣхъ-поръ я у себя дома изъ другого — чаю не пью...

«Мы начали говорить съ большой откровенностью, и она въ каждомъ словѣ столько обнаруживала ума и образованности, что невольно спросилъ я: «Кто былъ вашимъ воспитателемъ?» — «Мать наша», отвѣчала она и обняла ее ижно. Тогда и бросился на колѣни передъ матерью и цаловалъ у нея руки. «Вы шутите», съ усмѣшкою сказала сія почтенная дама, стараясь тѣмъ скрыть свои слезы.

Пожелавъ имъ покойно отдохнуть, Долгорукой ушелъ въ другую избу. Всячески старался онъ узнать ихъ фамилію, но напрасно: прислуга ни за какія деньги не соглашалась исполнить его желаніе, говоря, что барыни строго заказали.

Въ это время человекъ Долгорукаго съ крестьяниномъ доложили, что по лѣсу идетъ свистъ въ родѣ сигналовъ и что крестьянинъ, идя къ себѣ домой, издали замѣтилъ подозрительныхъ людей, и потому вернулся предостеречь ихъ.

Тогда Долгорукой велѣлъ безъ шума свезти всѣ экипажи въ одно мѣсто и снова запретъ лошадей и поодаль въ четырехъ мѣстахъ разложить огни. Осмотрѣвъ потомъ свое ружье и свои два пистолета, а также оба ружья прислуги путешественницъ, онъ роздалъ ихъ людямъ, которыхъ всего было шестеро, считая въ томъ числѣ ямщика, оставленнаго имъ при экипажахъ, и крестьянина, которому онъ далъ водки и поставилъ съ топоромъ у дверей дома, гдѣ помѣщались дамы;

четыремъ же слугамъ приказано было стоять дозоромъ, по одному съ каждой стороны, и дано имъ — двумъ по ружью, а двоимъ по пистолету. Какъ ни тихо все это дѣлалось, но дамы все-же замѣтили тревогу и велѣли своей служанкѣ, Авдотѣ, попросить къ нимъ Долгорукаго. Долгорукой думалъ увидѣть сцену, исполненную смятенія и страха, но—ошибся. Дѣвицы были только нѣсколько блѣды, а мать почти съ равнодушіемъ спросила, что замѣчено въ лѣсу и какія имъ приняты мѣры. Долгорукой рассказалъ все, что имъ сдѣлано; дѣвицы успокоились и мать, поблагодаривъ его, просила его не оставлять ихъ однихъ, и потомъ, высылала его почти каждые полчаса осматривать людей, чтобъ не заснули. Между-тѣмъ, Долгорукой рассказалъ имъ куда, откуда и зачѣмъ ѣдетъ, и потомъ, по просьбѣ ихъ, о дѣлѣ, въ комъ участвовалъ. Такъ протекло время до утра. Жена крестьянина дала знать, что вода сбывла и что двѣ тройки уже по мосту изъ Питера проѣхали; тѣ хотѣли еще часа два отдохнуть, только мать и Марія проводили его до повозки; потомъ Марія выбѣжала на дорогу и, въ знакъ прощанья, махала своимъ зеленымъ вуалемъ до-тѣхъ-поръ, пока Долгорукой скрылся изъ вида. У заставы Долгорукой переодѣлся и, узнавъ, что государыня у Меншикова празднуетъ день рожденія, поѣхалъ прямо туда.

Долгорукаго тотчасъ же, по докладу, допустили къ государынѣ; онъ вручилъ ей депешу отъ своего генерала, и когда она прочла нѣсколько строкъ, въ глазахъ ея заблестала радость. «Ты былъ», сказала она: «въ числѣ героевъ, какъ пишетъ генералъ, такъ поздравляю тебя поручикомъ гвардіи. Расскажи же мнѣ, какъ все было».

Долгорукой исполнилъ ее желаніе; она повела его въ залу, остановила тапцы и сама велѣла бить литаврамъ, положила руку на плечо Долгорукаго, подозвала къ себѣ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и сказала: «Вотъ герой вашей фамиліи; благодари за меня его отца, Лукича», и, обратясь къ Меншикову, продолжала: «Какой счастливый цѣлѣбный день! Ты долженъ благодарить Долгорукаго; онъ ирѣхалъ кстати:

по милости его, день празднуемаго у тебя рожденія обратился въ торжественный день побѣды».

Подали вино; государыня чокулась съ княземъ Федоромъ и, отхлебнувъ, подала свой бокалъ князю Василю Владиміровичу Долгорукому, сказавши: «Шей за славу русскаго оружія!»

Принужденную веселость при этомъ случаѣ и очевидную грусть Мешникова приписали зависти; но онъ происходилъ, вѣроятно, оттого, что онъ давно не видалъ писемъ отъ своего семейства и что оно не пріѣхало ко дню его рожденія; онъ думалъ, что кто-нибудь изъ членовъ его пли захворалъ, или умеръ.

Мешниковъ казался какимъ-то неловкимъ, взоръ его безпрестанно обращался къ дверямъ и онъ то и дѣло начиналъ говорить и не договаривалъ. Федору Долгорукому стало его жаль, и когда онъ, отъ князя Василя Владиміровича, узналъ причину грусти, то сказалъ: «Вы все и отецъ мой называете его самымъ честолюбивымъ человекомъ, но теперь сами видите, что онъ болѣе отецъ, нежели вельможа». Владиміровичъ усмѣхнулся презрительно и отвѣчалъ: «Онъ царевича Алексѣя Петровича для своихъ будущихъ видовъ погубилъ и готовъ погубить весь міръ, если онъ противиться будетъ его замысламъ и планамъ». — «Чего жъ вы отъ него хотите?» — «Мы хотимъ», отвѣчалъ Владиміровичъ: «чтобъ онъ былъ справедливъ, не грабилъ казны и не примѣрялъ на себя мономаховой шапки».

Тутъ изъ ближайшей комнаты слышался шумъ. Мешниковъ побѣдился; начали суетиться, растворились двери, и, вмѣстѣ съ императрицей, вошла Марія съ матерью. Вотъ что Федоръ Долгорукой на другой день писалъ Сашѣ:

«И долженъ былъ держаться за камень, чтобы не упасть; тутъ я только узналъ, что Марія, милая Марія, была дочь врага нашей фамиліи; мнѣ казалось, что все на меня обрушилось; я лишился памяти; общее смятеніе спасло меня и дало время опомниться».

«Видите, князь», сказала государыня, обратясь къ Мешникову: «каковъ нынѣшній день: одинъ вѣстиникъ радости слы-

дуютъ за другимъ! Гдѣ же мой Долгорукой? и, подозвавъ князя Федора Васильевича Долгорукаго, сказала: «Какъ герольдъ моей храброй арміи, сиречь справедливость требуетъ, чтобы ты вмѣстѣ съ Марією открыли прерванный балъ».

Марія бросила на Долгорукаго веселый взглядъ, улыбулась и покрасилась.

Государыня продолжала: «Мой поручикъ пріѣхалъ вѣстникомъ отъ моей побѣдоносной арміи»; на что княгиня Меншикова отиѣчала: «Мы, ваше величество, уже съ нимъ знакомы; прекрасный, благороднѣйшій молодой человекъ». Музыка прервала дальнѣйшее объясненіе; государыня сама подала руку Маріи — Долгорукому, ихъ руки задрожали и тѣмъ крѣпче сжали другъ друга.

Марія была еще въ дорожномъ платьѣ и держала въ рукѣ прежнюю зеленую вуаль, ту самую, которой махала, прощаясь съ Долгорукинымъ. Она только-что скинула шубу, потому, что въ ту самую минуту, когда она съ матерью вышла изъ дорожнаго экипажа, государыня встрѣтила ихъ въ переднихъ комнатахъ и, не смотря на всѣ извиненія, вывела ихъ, какъ мы видѣли, къ гостямъ.

Долгорукой, обнявъ рукою стая княжны Маріи, летѣлъ съ нею по залѣ; вѣжкая, легкая рука ея лежала въ его рукѣ и огненный взоръ ея былъ устремленъ на него. Долгорукой позабылъ все; ему казалось, что онъ носится съ богинею въ пространство другаго міра. Въ пылу страсти и разгоряченнаго воображенія, онъ сказалъ: «Марія, я твой, ты моя!» Она бросила на него пламенный взоръ, приблизилась и упала на руки Долгорукаго, крѣпко держа его руку. Ихъ сейчасъ окружили: княгиня, мать ея, государыня и другіе. Первая, кинувъ пристальный взглядъ на Долгорукаго, сказала: «Тебѣ дурию, Марія?» Марія, сдѣлавъ усміе, произнесла тономъ голосомъ: «Ничего, мама», и, пожавъ руку Долгорукаго, лишилась чувствъ и, какъ мертвая, охладѣла; приближались два доктора: но Марія уже успѣла придти въ себя и просила у государыни извиненія. «Ваше величество, позвольте ей съ дороги отдох-

нуть», сказала княгиня Меншикова: «и удалиться», на что императрица отвѣчала: «Да, да вы устали: и ей, и вамъ надобенъ покой; я васъ болѣе не удерживаю». «И сейчасъ вернусь, ваше величество», отвѣчала княгиня. Марія, поцаловавъ руку у государыни, обратилась къ Долгорукому съ томнымъ пламеннымъ взглядомъ, и съ улыбкою тихо сказала: «Доброй ночи вамъ, князь». Потомъ она удалилась. Зеленую вуаль Долгорукой спряталъ; на другой день написалъ письмо княгинѣ Меншиковой, она прочла его съ видомъ замѣшательства, прочла другой разъ, въ третій и прослезилась, потомъ дрожащею рукою подала его дочери и сказала: «Пусть проститъ мнѣ отецъ твой; я хоть на этотъ разъ хочу быть матерью, а не княгиней Меншикой». Княгиня прочла его и, скрививъ внутреннее волненіе, спокойно сложила письмо, подала его обратно матери и, вставъ, хотѣла идти. «Я сейчасъ буду отвѣчать Долгорукому», сказала княгиня. «Для того-то, мама, и хотѣла васъ оставить». «Но ты ничего мнѣ не сказала», возразила ей мать. «Долгорукіе и Меншиковы не премиримые враги, а Федоръ и Марія другъ друга любятъ, чтожъ я вамъ буду говорить?» «Но останешься-ли ты довольна моимъ рѣшеніемъ!» — «Рѣшеніе это зависитъ только отъ Бога; вы знаете батюшку; рѣшеніе-же ваше будетъ для меня свято».

«Но если я только велю молчать?» «Тогда мы замочимъ — и умремъ съ Федоромъ!» прибавила она унылымъ голосомъ.

Въ день святой Екатерины, 24 Октября, императрица произвела князя Василия Владиміровича Долгорукаго въ генерал-лейтенанты, князя Ивана Григорьевича въ генерал-майоры, капитана гвардіи князя Николая Алексѣевича въ камеръ-юнкеры, а князя Алексѣя Алексѣевича, за компанію за грашницу, въ лейтенанты.

Князь Федоръ удалился отъ двора и отъ службы, вопреки совѣта родственниковъ и настоянія отца его, и жилъ одной мечтою о своей любви. Съѣтъ не понималъ, какъ человекъ, будучи такъ облаканъ государыней и имѣя столь сильныя связи, — не пользуется ими. При дворѣ были Меншиковы,

Долгорукіе, Федора небыло; напрасно взоръ Маріи постоянно искалъ его, она сдѣлалась скучна и задумчива.

Однажды княгиня до окончанія придворнаго бала уѣхала съ дочерью, извиняясь государынѣ слабостію здоровья дочери своей Маріи. Когда она сѣла въ карету, княгиня сказала: «И охотно-бы пожертвовала всѣми милостями и всѣмъ имѣніемъ, которое императрица пожаловала намъ, если-бы, вмѣсто этого Марія, она сдѣлала тебя счастливой; но какъ мнѣ ей доложить? Отецъ вашъ тогда пожертвуетъ мною; меня, пожалуй, постригутъ и я лишусь васъ».

Пріѣхавъ домой, княгиня сказала: «Ты, мой другъ Саша, иди къ себѣ, а мнѣ съ Маріею есть кой-о-чемъ поговорить». И, войдя въ кабинетъ, она отворила дверь въ боковую комнату, изъ которой вышелъ Федоръ Долгорукой и пагъ къ ея ногамъ.

«Встайте, князь; я давно въ душѣ назвала васъ сыномъ; доказательство тому то, что вы здѣсь, чего я не должна-бы была дѣлать, потому что, Богъ знаетъ, приведетъ-ли судьба, при всемъ моемъ расположеніи къ вамъ и любви моей дочери, назвать васъ сыномъ». Черезъ полчаса княгиня сказала Долгорукому: «Не требуйте болѣе того, чего ни я, ни дочь моя не въ силахъ исполнить, будьте довольны малымъ; можетъ быть, судьба сжалится надъ обоими вами и дастъ вамъ съ Маріею больше. Прощайте; скоро отецъ вернется; вы должны насъ оставить». Долгорукой опять кинулся къ ея колѣнамъ; она благословила его; Марія кинулась цаловать мать свою; Долгорукой удалился.

1726 года, Февраля 8 дня, императрица обратила вниманіе на долговременную службу князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и пожаловала его сенаторомъ; того же дня, она учредила верховной тайный совѣтъ.

13 Февраля того же года, по прозку Меншикова, именнымъ указомъ велѣно Синоду именоваться просто святѣйшимъ безъ слова правительствующій, а Сенату — Высокимъ, вмѣсто правительствующаго.

Меншиковъ, замѣта въ государыни такое расположеніе къ князю Василю Владиміровичу, уговорилъ ея послать его главнокомандующимъ на Кавказъ.

На прощальномъ обѣдѣ князя Василя Владиміровича, Лукичъ сталъ жаловаться на сына, что онъ ничего нехочетъ дѣлать и ищетъ значенія къ свѣтъ. «Батюшка, я не люблю двора», отвѣчалъ князь Ѳедоръ. «Тѣмъ лучше, молодой человекъ,» перебилъ Владиміровичъ: «я назначенъ на Кавказъ; ты поѣдешь со мной». «Я не поѣду», отвѣчалъ князь Ѳедоръ съ твердостью: «что я не трусь — это я доказалъ».

«Императрица велитъ тебѣ ѣхать». «Императрица можетъ послать меня въ Сибирь, а на Кавказъ не поѣду».

«Да что же у тебя за планъ, Ѳедоръ?» «Мой планъ помирить горностаевъ съ бобромъ и взять себѣ купцу».

«Ого!...» Тогда Владиміровичъ сказалъ: «Оставь его, Лукичъ; видишь, онъ затѣваетъ миры, онъ мечтаетъ, онъ не разувѣритъ его».

Сенаторъ князь Алексѣй Григорьевичъ, 1727 г. 29 Іюля, получилъ орденъ Александра Невскаго. Ѳедоръ Долгорукой, по волю княгини Меньшиковой, болѣе двухъ мѣсяцевъ не видалъ Марію; онъ жилъ въ деревнѣ подъ Петербургомъ. Княжна Марія скучала и съ ветеринаремъ желала видѣть друга князя Ѳедора, графа Салтыга, чтобъ узнать отъ него что-либо о князѣ Ѳедорѣ.

Въ Петергофѣ былъ дагъ праздникъ при дворѣ; на немъ была всѣ знатныя особы и посланники; весь садъ былъ иллюминаванъ.

Графъ Салтыга, ангажировавши Марію, умѣлъ ловкимъ образомъ послѣ танца отдѣлать ея отъ прочихъ и именемъ Ѳедора уговорилъ ея скрыться въ аллеяхъ; когда они удалились отъ дворца, то онъ свисткомъ подалъ сигналъ, и вдругъ 10 гайдуковъ, какъ будто изъ-подъ земли, явились передъ нимъ. Салтыга приказалъ имъ занять всѣ ходы и выходы къ этому мѣсту; одинъ изъ молодыхъ гайдуковъ кинулся въ объятія Маріи: это былъ — Ѳедоръ Долгорукой. Вскорѣ къ нимъ

подошелъ Сапѣга и взялъ княжну за руку, потому что кто-то былъ не далеко отъ нихъ; гайдуки, по его приказанію, слѣдовали за нимъ поодаль; княжна съ спутниками своими углубилась въ чащу; гайдуки снова заняли свои мѣста, и Марія опять была въ объятіяхъ Долгорукаго.

Наконцѣ, Сапѣга сказалъ: «Нѣтъ стоитъ здѣсь близко, и въ такомъ мѣстѣ, что никто не знаетъ; она отъ меня снабжена нужнымъ числомъ матросовъ и припасами; чрезъ 20 минутъ ты и Марія будете за Кропштадтомъ, въ открытомъ морѣ, а до разсвѣта вы скроетесь изъ виду. Васъ спустятъ въ Данцигъ, а оттуда вы проберетесь въ Швейцарію. Тамъ въ уединеніи и неизвѣстности вы будете счастливы идали отъ всѣхъ бурь. Въ этой карманной книжкѣ вокселя и паспорта для васъ; не бойтесь: за васъ все обдумано, всѣ мѣры приняты. То, что я вамъ совѣтую, есть единственное средство». Тутъ Сапѣга взялъ обоихъ за руки и привелъ къ морю, гдѣ ожидала у берега лодка для перевоза ихъ на Нѣту. Вдругъ княжна остановилась. «Не мѣшкайте, княжна, сказалъ Сапѣга: будьте мужественны въ рѣшительную минуту, васъ ожидаетъ полнѣйшее счастье».

Княжна приказалась къ Федору и сказала: «Я готова съ тобой броситься въ пропасть; но какъ могу я оставить маменьку?» — «Марія», сказалъ Федоръ: «мигъ твое спокойствіе дороже моего счастья».

«Благородное сердце», сказалъ Сапѣга: «но вы, женщины, всегда будете женщинами!» И, съ этими словами, выхватя изъ рукъ Федора трепетную княжну, молча возвратился съ нею во дворецъ. На другой день княжна писала къ Долгорукому, между прочимъ, слѣдующее:

«Когда я рассказала маменькѣ о вчерашнемъ случай, то она сказала нѣчто весьма похожее на ея согласіе и прибавила: «Марія, онъ тебя любить болѣе чѣмъ ты».

Въ 1726 году, 5 Сентября, государыня, согласно представленію Мешникова, послала отца князя Федора, князя Василія Лукича, посломъ въ Стокгольмъ.

Удаливъ двухъ самыхъ вліятельныхъ Долгорукихъ изъ Петербурга, Меншиковъ сталъ еще сильнѣе и началъ еще самовластнѣе распорядиться казною, дѣлалъ грубости герцогинѣ Гольштейнской, которая отъ этого должна была удалиться.

Въ это время къ Меншикову пріѣхалъ другъ его, Брукенталь; онъ принадлежитъ къ рѣдкимъ людямъ. Еще въ молодости подружился онъ съ княземъ Меншиковымъ; тѣсная дружба ихъ не прерывалась и тогда, когда Меншиковъ быстро вознесся на самую высокую степень знатности. Брукенталь всегда выхвалялъ счастье покойной частной жизни, надъ которою Меншиковъ смѣялся. Меншиковъ сямъ говаривалъ: «Брукенталь одинъ меня любитъ, потому что самъ не ничто возвыситься».

Не видя успѣха въ своихъ совѣтахъ, Брукенталь удалился изъ Россіи и постригся въ монахи въ Данцигѣ. Теперь, послѣ долговременной разлуки, онъ пріѣхалъ повидаться съ своимъ другомъ.

Княгиня Меншикова и Марія прибѣгли къ помощи Брукенталю и, рассказавъ ему все подробно, просили его содѣйствія. Выслушавъ все, онъ сказалъ: «Я вижу, что я никогда никого такъ не любилъ, какъ любить васъ княжна Федора Долгорукой; а потому берусь быть вашимъ ходатаемъ; хотя князь никогда не послѣдуетъ моему совѣту, если онъ противорѣчитъ его плану; но я вижу въ этомъ союзъ его пользу». Брукенталь нашелъ князя одного, въ положеніи самомъ задумчивомъ. «Ты считаешь себя счастливымъ, а между тѣмъ, всегда въ тревожномъ состояніи; такъ не лучше-ли помириться тебѣ съ врагами своими; напримѣръ, начать съ Долгорукихъ?» — «Не думаю, чтобы можно было помириться съ Долгорукими. Я и они ищутъ славы». «Пусть такъ, ты и они ищите славы, такъ пользуйтесь вѣстемъ».

«Дочь твоя Марія любитъ одного Долгорукаго, вы все были-бы счастливы, если-бы ты...» — «Дочь моя, Марія, любить Долгорукаго!» прервалъ Меншиковъ: «какого именно?» «Сына посла князя Василія Лукича». «Гмъ! отъ него

Долгорукіе очень много ожидали; да и первый шагъ его былъ хорошъ, побѣда на Кавказѣ, самъ молодець видный, лепечеть на многихъ языкахъ! Теперь понимаю, для чего онъ вдругъ пропалъ, оставилъ Долгорукихъ и живетъ въ уединеніи: онъ хочетъ явиться опять на сцену не иначе, какъ мужемъ Мещиновой! Плашъ не дурной. Прекрасно: влюбленная дочка, мать, которая помогаетъ ей, и услужливый другъ, который превращается въ страичаго; думаютъ Богъ знаетъ, куда завести отца.

«Потъ, читай сокровенныя тайны мои, цѣль моей жизни, родившаяся еще тогда, когда я отца возстановилъ противъ сына!» Онъ подалъ Брукенталю пачку бумагъ. (1)

Брукенталь прочиталъ одну за другою бумаги, потомъ сказалъ: «Ты ни когда не былъ великимъ и не будешь; тотъ, кто жертвуетъ всѣмъ и всѣми, тотъ, для котораго ничего нѣтъ священнаго, для достиженія своего мнимаго величія, тотъ низкій человекъ».

«Ты смѣешься, Брукенталь! Государыня хирѣетъ, кто же не будетъ дѣлать, если можно сдѣлать?»

«Послушай, Мещиновъ, ты все строишь да строишь, а не думаешь, крѣпки-ли корни того дуба, на которомъ ты устраиваешь гнѣздо. Одна буря, одинъ сильный порывъ вѣтра — и все пропало».

Тебя ненавидятъ вельможи, ненавидитъ вся царская фамилія; ты дѣлишься доходами съ государствомъ, пользуясь доверенностію государыни; вѣнь свои неумѣстные планы; дочь твою любить Долгорукаго, отдай ее за него. Лучше, если ты такъ могучъ, жени сына на царевнѣ, тогда Долгорукіе будутъ тебя поддерживать.» — «Нельзя, Брукенталь, я дѣло уже началъ у Европейскихъ дворовъ; ты читалъ все; Австріи и Польшѣ я обѣщаль уступить земли, если они меня поддержать. Императрица тоже дала свое согласіе».

Брукенталь все передалъ княгинѣ и Маріи; вѣздъ за нимъ вошелъ самъ Мещиновъ и, кинувъ грозный взглядъ на нихъ

(1) Это почеркнуто изъ записокъ графа Спѣлки.

сказалъ: «Марія, я все знаю, и не хочу знать, только прощу оставить твои шалости, въ противномъ случаѣ Долгорукой пропала, а съ тобой, матушка, справлюсь. (Обращаясь къ женѣ.) Ты, дочь Меншикова, готова быть женою великаго князя, а не князька изъ враговъ».

«Батюшка, я буду повиноваться, только-бъ матушка и Долгорукой были въ великой опасности; но берегитесь, батюшка, въ противномъ случаѣ я на все рѣшусь!» — «Что мнѣ до твоихъ амуровъ? была-бы на тебѣ корона; но помни, что отъ твоего благоразумія зависитъ жизнь и счастье Долгорукаго».

Послѣ этого княгиня Меншикова сама вошла въ сношеніе съ Сапѣгою, и съ общаго согласія сдѣланъ былъ планъ побѣга; убѣдили Марію, что это единственное средство.

Чтобъ отклонить себя отъ подозрѣнія, молодой графъ Сапѣга уѣхалъ въ Тверь, предварительно устроить все для побѣга.

Планъ былъ слѣдующій:

На берегу Невы, въ саду у Мошкова стояла мраморная статуя Умирающей боецѣ, къ которому всегда расчищались дорожки. Марія должна была придти туда къ калиткѣ въ назначенный часъ; позади калитки должны были ожидать крестьянскія саши, съ переодѣтымъ въ крестьянина Федоромъ Долгорукимъ и съ крестьянскимъ верхнимъ платьемъ для Маріи. Оттуда Федоръ повалитъ-бы съ нею за заставу, тамъ они пересѣли-бы въ экипажъ, и съ билетами на имя поляковъ Грабовскихъ проѣхали до Варшавы, а оттуда въ Швейцарію.

Такъ какъ со стороны княгини и Маріи нельзя было впередъ назначить для побѣга удобнаго дня, то положено было съ утра у извѣстнаго окна вывѣсить черный платокъ въ случаѣ задержки, красный — въ случаѣ исполненія. Крестьянина окликъ былъ: «Шу моя!» Отзывъ княжны: «великій!». Мать сдѣлалась парочко больна и все время проводила съ Бруксенталемъ, который ничего не зналъ. Но напрасно три дня сряду красный платокъ висѣлъ и княжна выходила осведомляться: ни крестьянина ни никого не было видно. Напрасно кричала она: «великій!» — Она только простузилась и занемогла. Тогда кня-

гиня выдоровѣла. Въ это время прѣхалъ Сапѣга и сказалъ, что онъ ждалъ ихъ въ Новгородѣ и, не дождавшись, вернулся узнать, что случилось. Долгорукой вышелъ со двора въ тотъ день, который назначенъ былъ къ побѣгу, и пропалъ. Книгиня задилась слезами, а княжна упала въ обморокъ. Когда первый моментъ испуга прошелъ, княжна спросила, гдѣ Долгорукой.

Сапѣга съ матерью полагали, что, вѣрно, Меншиковъ узналъ планъ Долгорукаго и посадилъ его въ крѣпость, или «спустилъ»... Такъ тогда выражалось, когда кто, по приказу Меншикова, попадалъ безъ вѣдома и возврата.

На другой день княжна рѣшилась прямо идти къ отцу. Какъ только онъ вернулся изъ дворца, она вошла къ нему съ покойнымъ видомъ и сказала: «Долгорукой арестованъ?» Меншиковъ пристально поглядѣлъ ей въ глаза, но княжна не смутилась и продолжала: «Вы знаете, батюшка, на что я отважусь, если онъ за меня пострадаетъ!»

«За тебя, Марія? Однако, видно, не должно шутить твоею страстью. Кажется, недѣли съ двѣ арестованъ какой-то молодой офицеръ. Не знаю, твой-ли это рыцарь, но когда онъ выбралъ тебя защитницей, то, конечно, должно-быть твой. Но я все-же, право, не знаю, въ чемъ онъ виноватъ?» — «Ни въ чемъ болѣе, батюшка, какъ только въ любви ко мнѣ». «Но государыня за это не велѣла-бы посадить его въ крѣпость!» Меншиковъ пожималъ.

Взошелъ адъютантъ.

«Чего вашей свѣтлости угодно?»

«Ничего узнать я», сказалъ Меншиковъ съ видомъ суровымъ: «что сынъ посла Лукича, князь Федоръ Долгорукой, арестованъ на твоемъ дежурствѣ; для чего ты не рапортовалъ мнѣ объ этомъ?» «Рапортъ лежитъ здѣсь на столѣ съ того же дня», отвѣчалъ адъютантъ: «вѣроятно, ваша свѣтлость его просмотрѣли».

«Быть-можетъ; но разскажи, что онъ напроказилъ?»

«Императрица, изъ рапорта Преображенскаго полка, счи-

тала князя Федора Долгорукаго на Кавказъ, состоящимъ при генераль-аншефѣ князѣ Долгорукомъ, а между прочимъ, на вопросъ его сіятельству о немъ, узнала что князя Федора Васильевича тамъ нѣтъ. Тогда императрица пригласила сенатора князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и отъ него узнала, что этотъ молодой князь не хочетъ ни служить, ни на Кавказъ ѣхать, а живетъ праздно въ деревнѣ подь Петербургомъ. Императрица сказала тогда: «Хочу у молодого упрямца вступить мѣсто отца,» и послала привести Долгорукаго изъ деревни, но тамъ его не нашли; онъ сказывался больнымъ, и человекъ его розыгрывалъ роль больного князя. Наконецъ, князя нашли здѣсь у Невы, живущаго у дровосѣка съ крестьянскимъ билетомъ и въ платьѣ крестьянина. — «Такъ вотъ за что», сказалъ Меншиковъ и, взглянувъ на дочь, прибавилъ: «Такъ это и въ самомъ дѣлѣ любовныя шалости!» Княжна покраснѣла и вышла.

Государыня Екатерина I-я скончалась въ 1727 г., 6 Мая въ 9 часовъ по полудни; по ея завѣщанію, великій князь Петръ Алексѣевичъ провозглашенъ императоромъ Петромъ II, подь опекою Меншикова, а княжна Марія—его вѣстою. 13 лѣтняго императора Меншиковъ перевезъ на Васильевскій островъ въ свой домъ, себя ввелъ въ календарь съ царскими особами, произвелъ себя въ генералиссимусы. Закрывъ присутствіе верховнаго совѣта, онъ сталъ именемъ малолѣтняго императора почти самодержавно управлять государствомъ.

Велѣдъ затѣмъ, въ 1727 года, изданъ былъ манифестъ отъ имени Петра II, которымъ объявлялось о заговорѣ, конемъ умышленно нарушить волю покойной императрицы и воспрепятствовать браку императора съ дочерью свѣтлѣйшаго князя Меншикова, за что симъ манифестомъ Толстыхъ и проч. велѣно сослать въ Сибирь. Меншиковъ не пощадилъ даже сестры своей, которая ползала у ногъ его, прося себя и мужу помилованіе; въ томъ же манифестѣ камеръ-юнкеръ гвардіи поручикъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой объявленъ въ числѣ этихъ злоумышленниковъ, за что ему мани-

фестомъ назначена отставка отъ двора и переводъ въ армію ниже чиномъ.

Но князь Иванъ, бывшій несотлачно при императорѣ, показалъ его величеству печатный манифестъ. Тогда юный государь, не взирая на свои лѣта, попросилъ къ себѣ Меншикова и твердо объявилъ: «Чтобы князя Ивана оставили; а если его тронуть, или изъ полка выключать, то я уйду отъ тебя къ сестрѣ и твоей дочери не хочу», прибавилъ императоръ.

Вотъ истинная причина, по которой манифестъ этотъ относительно Долгорукаго остался неисполненнымъ.

Между тѣмъ, князь Федоръ, за день до смерти императрицы, былъ съ курьеромъ отпращенъ на Кавказъ прямо изъ крѣпости. Но, узнавъ о смерти государыни, онъ ушелъ съ дороги въ Петербургъ, и когда послѣ обрученія стали поздравлять невесту императора, княжну Марію Меншикову, то онъ въ числѣ прочихъ подошелъ по уставоленной формѣ и, прикладываясь къ рукъ, тихо сказалъ: «Въроломная!» Княжна ушла въ обморокъ.

Разумѣется, никто не зналъ истинной причины того, исключая матери и отца ея, да Сапѣги.

Когда княжна опомнилась, то Долгорукаго уже не было. Но адъютантъ неосторожно доложилъ Меншикову, сидѣвшему рядомъ съ дочерью, что Долгорукой арестовали. Хотя разговоръ былъ шонотомъ, княжна все-же раслышала слѣдующія слова изъ отвѣта своего отца: «Хорошо, молчи! бойся смерти», и тотчасъ-же пошла, въ чемъ дѣло; а потому, когда императоръ завляся лакомствами, а Меншиковъ съѣлъ подалъ играть въ карты, княжна Марія, ускользнувъ изъ комнаты, пошла искать адъютанта, и, найдя его одного въ боковой комнатѣ, сказала: «Вы арестовали Долгорукаго?»

«Такъ вашему высочеству уже извѣстно?»... сказалъ испуганный адъютантъ.

«Куда вы его отпавили, въ Кропштадтъ или на Кавказъ?»

Еще болѣе пораженный адъютантъ сказалъ, заминаясь: «Нѣтъ... ваше высочество... его свѣтлость не приказалъ»...

«Молчать!» перебила его княжна, топнувши ногою: «я вамъ приказываю говорить!»

«Въ Шлиссельбургъ, ваше высочество!» Черезъ 10 минутъ будьте готовы, я на васъ буду ждать у зеленого навильона въ саду; смотрите, я на васъ полагаюсь; бойтесь измѣнить вашей будущей императрицѣ, и, съ сими словами, Марія исчезла. Въбжавъ въ кабинетъ отца, княжна написала слѣдующую записку къ Долгорукому: (подлинная записка находится въ рукахъ автора этой книги) (1).

«Успокойся, Федоръ! рука императора! а сердце, бѣдное сердце, вѣчно останется твоимъ!»

«Марія»

Черезъ 10 минутъ она была у навильона; тройка и адъютантъ ждали ее.

«Вы исполняли приказаніе своего начальника, отца моего, теперь исполните приказаніе невесты вашего государя: догоните арестанта Долгорукаго, передайте ему эту записку, и безъ письменнаго его руки отвѣта не смѣйте явиться обратно ко мнѣ».

«Боюсь вашего родителя, ваше высочество».

«Меня-ли не слушаете?» перебила его княжна строгимъ голосомъ: «а если-бъ я приказала арестовать отца моего, то вы-бы арестовали меня вмѣсто него?»

«Могу-ли приказаніе ваше объявить его свѣтлости?»

«Коль скоро я получу чрезъ васъ отвѣтъ на эту записку, то можете доложить самому императору». Тутъ адъютантъ поклонился и сказалъ: «Приказаніе вашего высочества будетъ исполнено».

На другой день княжна получила отвѣтъ:

«И спокоенъ и не сомнѣваюсь болѣе; спокоенъ, если-бы хотя теперь повели меня на эшафотъ».

«Федоръ»

Р. С. «Офицеръ сѣвшитъ; прости!»

(1) Т. е. князя Алексѣя Владиміровича.

Меншиковъ узналъ обо всемъ, но взыскать съ кого-бы ни было боялся и только адъютанта перенелъ въ полкъ, впрочемъ съ производствомъ въ слѣдующій чинъ. Что же касается Долгорукаго, то, чтобы дать видъ законной мѣры его ареста, отдалъ по гвардіи приказъ, что князь Федоръ Долгорукой посаженъ въ крѣпость за то, что онъ, вопреки высочайшей воли, самовольно вернулся съ дороги. — 1727 года 21 Іюня отецъ его, князь Василій Лукичъ, возвратился въ Петербургъ.

Считая себя достигшимъ своей цѣли — высшей власти, Меншиковъ пересталъ быть осторожнымъ. Домъ свой назвалъ онъ императорскимъ дворцомъ, и себя окружилъ нидерландскимъ полкомъ. Между тѣмъ, невѣста императора, страдая страстію къ Долгорукому, не только не гармонировала съ императоромъ, но и мало съ нимъ занималась. — Сынъ Меншикова, нравившійся сначала царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, на бракъ съ которою было уже тайное согласіе первенствующаго члена Синода, Феофана Прокоповича, но не имѣвшій къ ней ни малѣйшей склонности, вмѣсто того, чтобы заниматься ею, являлся только разыгрывать заученныя роли. Все это было зародыши распадѣнія сооруженнаго Меншиковымъ зданія; чуть связи его ослабли, и оно само по себѣ должно было рухнуть и подавить своего соорудителя. — Князь Иванъ Алексѣевичъ спалъ всегда въ одной спальнѣ съ императоромъ; но, несмотря на это, если княжна Марія, или кто-либо изъ домашнихъ Меншикова, спрашивали его, что государь дѣлаетъ, онъ всегда отвѣчалъ, низко поклонившись, что онъ бываетъ у его величества тогда только, когда его государь самъ позоветъ, или по обязанности службы.

Меншиковъ откладывалъ коронованіе государя до брака, а Петръ II, напротивъ, желалъ короноваться. Между тѣмъ царевны переменяли свой тонъ съ невѣстою императора, а Петръ II охладѣлъ къ ней съ того дня, какъ Меншиковъ вилъ себѣ деньги, подаренныя императоромъ Елизаветѣ Петровнѣ. Наконецъ, запрещеніе допускать къ императору народъ окончательно вооружило всѣхъ противъ временщика.

Въ это время, въ концѣ августа, сдѣлался пожаръ на Невѣ. Магазины и нѣсколько кораблей ночью загорѣлись. Долгорукіе разбудили императора, и онъ первый разъ явился среди народа, какъ-бы молодой орелъ, пробовавшій свои крылья. Государь былъ встрѣченъ съ восторгомъ и громкимъ: ура! самъ лично, съ княземъ Иваномъ, кидался во всѣ опасности, дѣлалъ распоряженія и безпрестанно кричалъ: «Спасайте народъ, а товаръ я не жалю, я за все заплачу».

Только къ концу пожара прибылъ удивленный Меншиковъ и сталъ было говорить: «Вашему величеству лучше-бы отправиться». — «Ваша свѣтлость», перебилъ императоръ, «будете мнѣ отвѣчать, если мои повелѣнія не будутъ въ точности исполняться». Съ этого дня государь сталъ дѣйствовать самостоятельно и часто, не говоря ни слова Меншикову, ѣздилъ на охоту.

Въ началѣ Сентября Меншиковъ, пробывъ два дня въ Ораниенбаумѣ, возвратился 4 Сентября въ Петербургъ.

Императоръ, бывшій въ это время на охотѣ, прислалъ слѣдующій указъ:

«1727 года Сентября 6-го дня. Нашему верховному тайному совѣту.

«Понеже мы намѣрены немедленно въ С. Петербургъ возвратиться и по возвращеніи нашемъ стоять на лѣтнемъ нашемъ дворѣ, того ради о томъ нашему верховному тайному совѣту чрезъ сіе объявляемъ, чтобы оный нашъ лѣтній домъ немедленно къ пріѣзду нашему былъ изготовленъ и отъ гвардіи нашей къ оному приставить караулъ пристойный, какъ мы о томъ изустно приказали нашему генераль-лейтенанту и майору отъ гвардіи Семену Салтыкову. И понеже мы также desireмъ, для лучшаго отправления всѣхъ государственныхъ дѣлъ и лучшей пользы вѣрноподанныхъ нашихъ, сами въ верховномъ нашемъ тайномъ совѣтѣ присутствовать, и для того потребно дабы оный совѣтъ всегда отправлялся при боку нашемъ, того ради извольте въ томъ же нашемъ лѣтнемъ дворѣ занять одну палату, въ которой-бы по пріѣздѣ нашемъ оный совѣтъ отправляемъ быть могъ».

Не взирая на этотъ указъ, ослаблявшій власть его, князь Меншиковъ осмѣлился самъ отдавать повелѣнiя и, вопреки совѣта Брукентала, не перевезъ вещей императора въ лѣтнiй дворецъ. Въмѣсто того, чтобы покориться, онъ, надѣясь на свой нингерманландскiй полкъ, удвоилъ у себя караулъ и послалъ по городу патрули отъ этого полка.

7-го Сентября, очень рано утромъ, къ Меншикову вбѣгаетъ его адъютантъ и дрожащимъ голосомъ говорить: «Государь въ лѣтнемъ дворцѣ, гвардiя вся подъ ружьемъ; ей приказано ни отъ кого не принимать приказанiй, кромѣ отъ государя и генераль-лейтенанта Салтыкова». Меншиковъ вскочилъ съ кровати и, бѣгая по комнатамъ, кричалъ: «Какъ! гдѣ? что такое?»

Затѣмъ все его семейство поднялось на ноги.

Въ 9 часовъ, безъ доклада вошелъ къ нему съ гордою миною гвардейскiй офицеръ и, поклонясь почтительно княжнѣ Марiи, обратясь къ Меншикову, сказалъ: «Ваша свѣтлость, его величество приказали мнѣ перевезти ихъ вещи въ лѣтнiй дворецъ» — Отъ кого повелѣнiе? спросилъ съ негодованiемъ Меншиковъ. «Отъ самого государя», отвѣчалъ офицеръ гордо и сухо.

— «Государь малолѣтенъ и управлять самъ еще не можетъ; я вамъ въ своемъ дворцѣ распоряжаться не дамъ; я самъ выполняю, что слѣдуетъ; прощайте, офицеръ». Потомъ Меншиковъ приказалъ вещи государя, его невесты и даже сына своего перевозить въ лѣтнiй дворецъ.

Друзья его (около 20 человекъ), незавище еще хорошенько въ чемъ дѣло, но видя, что его штаты перевозятся тоже въ лѣтнiй дворецъ, собравшись къ нему, усѣлись молча; адъютанты стояли работливо, а Меншиковъ ходилъ взадъ и впередъ.

Тутъ входятъ прежнiй офицеръ и объявляетъ, что государь не только его и его семейства вещи запрещаетъ перевозить въ лѣтнiй дворецъ, но даже запрещаетъ самому ему являться туда. Тогда только Меншиковъ понялъ опасность; онъ

закрывъ лицо руками, и когда открылъ его, то уже ни гостей, ни адъютантовъ не было, остался только дежурный да Брукенталь, и вбѣжали жена и дочери. Меншиковъ въ изступленіи закричалъ : «Офицеровъ моего подка». Гвардейскій офицеръ поклонился и поспѣшилъ удалиться.

Офицеръ этотъ каждый разъ передавалъ видѣнное и слышанное прямо государю ; тутъ не надо было никакихъ перетолкованій и явно, что поступки князя Меншикова клонились къ желанію прибѣгнуть къ силѣ для удержанія за собой власти. Едва къ вечеру Брукенталь съ Марією и княгиней уговорили Меншикова снять караулы и распустить свой полкъ, отославъ его съ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Салтыкову. — Самъ же Брукенталь, боясь пострадать за Меншикова, поспѣшилъ скорѣе уѣхать изъ Россіи.

Настало 8 сентября ; дворецъ Меншикова обратился въ пустой замокъ, всѣ караулы сняты, ни одного экипажа у подъѣзда. Въ этотъ день изданъ слѣдующій указъ :

Нашему верховному тайному совѣту.

«Понеже мы всемилостивѣйше намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ верховномъ тайномъ совѣтѣ присутствовать, «всѣмъ указамъ отиравленнымъ быть за подписаніемъ собственныя ваши руки и верховнаго тайнаго совѣта, того ради повелѣли дабы никакихъ указовъ или писемъ о какихъ бы дѣлахъ оныя были, которые отъ князя Меншикова, или отъ кого-бъ иного партикулярно писаны или отиравлены будутъ, «не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять подѣ опасеніемъ «нашего гнѣва; и о семъ публиковать всенародно во всемъ «государствѣ и въ войскѣ. Изъ Сената 1728 г. Сентября «8 дня».

Въ этотъ же день, въ 12 часовъ, во время семейнаго завтрака, вошелъ къ князю Меншикову генералъ-лейтенантъ Салтыковъ ; семейство приняло его почтительно, но князь Меншиковъ даже не привсталъ. Салтыковъ обвинилъ князя Меншикову, что ему запрещается выѣзживать въ государственныя дѣла и что пока не представитъ отчетовъ въ слѣдующихъ

пунктахъ, изложенныхъ въ подаваемыхъ бумагахъ, до тѣхъ поръ считается подъ домашнимъ арестомъ. «Я вамъ совѣтую, князь, прибавилъ Салтыковъ, перестать своевольствовать и дать отчетъ, и именемъ государя обещаю, что вамъ ничего худого не будетъ. А вамъ, княгиня, совѣтую найти случай видѣть государя, и уговорить вашего мужа быть покорнымъ; да не худо-бы было помириться съ Долгорукими; князь Иванъ Алексѣевичъ этому готовъ содѣйствовать». «Съ Долгорукими! никогда!» гнѣвно закричалъ князь Меншиковъ.

Салтыковъ удалился.

Въ пунктахъ, переданныхъ ему при бумагѣ, главное требовалось: 1) представить объясненіе о доходахъ солянаго сбора, которые Меншиковъ бралъ себѣ; 2) о манифестѣ, которымъ объявлялось о вымышленномъ заговорѣ и мнимомъ участіи въ немъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго; и 3) объ арестѣ князя Федора Васильевича.

Княгиня, слѣдуя совѣту Салтыкова, поѣхала во дворецъ, но ее не допустили. Она просила позвать князя Ивана Алексѣевича, но онъ съ императоромъ былъ у обѣдни; тогда она поѣхала къ сенатору князю Алексѣю Григорьевичу; онъ очень ласково ее принялъ, сказалъ ей, что ему уже известна любовь Долгорукаго къ ея дочери, что Долгорукіе готовы все сдѣлать, что могутъ; что государь главное требуетъ возвращенія доходовъ съ солянаго сбора и покорности отъ ея мужа; совѣтовалъ ей поѣхать къ царевнамъ, а относительно арестованія князя Федора совѣтовалъ написать извинительное письмо отцу его Лукичу, говоря, что этотъ одинъ изъ всѣхъ Долгорукихъ идетъ противъ всякаго мира.

Княгиня поѣхала къ царевнамъ, но онѣ ее приняли холодно и сказали, что какъ мужъ ея силой хотѣлъ дѣйствовать противъ брата ихъ, то онѣ не могутъ взяться ходатайствовать за него.

За тѣмъ вышелъ указъ.

«Нашему тайному Совѣту.

«Указали мы конторы солянаго сбора вѣдать по прежнему

«камеръ—коллегіи, а денегъ того сбора ни на какіе расходы «безъ указа нашего верховнаго тайнаго совѣта не держать». «1727 года Сентября 11 дня».

«Петръ II».

Такъ какъ Меншиковъ, ни отчетовъ, ни отвѣта не давалъ, то снова присланъ былъ генералъ—лейтенантъ Салтыковъ, объявить частное рѣшеніе государя слѣдующаго содержанія:

Князю Меншикову добровольно постричься въ монахи, избравъ монастырь вѣдъ С.—Петербурга и Москвы; возвратитъ всѣ доходы, неправильно собѣ имъ присвоенныя, и всѣ тѣ имѣнія, которыя онъ приобрѣлъ со дня смерти Петра I. Сыну и семейству его пользоваться остальнымъ имѣніемъ, и семь лѣтъ жить, до указа, безвыездно въ Имбургъ, или имъ избранномъ мѣстѣ.

Меншиковъ, прочитавъ это рѣшеніе, взялъ перо и написалъ на цѣпъ: «Государь обязанъ мнѣ короною, безъ моего старанія она не была бы на главѣ его; уничтожая дѣйствія Екатерины I, уничтожаетъ и себя».

Послѣ этого ему форменнымъ указомъ велено выѣхать въ дальнія деревни и жить тамъ до указа.

Лукичъ, видя въ сынѣ сильнаго ходатая за Меншиковыхъ, съ радостію согласился на его просьбу отправить его путешествовать въ Швейцарію, думая, вѣроятно, тѣмъ излѣчить его любовь. Но Федоръ, съ помощію Салтъги, съ своимъ паспортомъ отправилъ за границу одного поляка, а самъ досталъ билетъ, на имя купца Попова, и кинулся по слѣдамъ Меншиковыхъ.

Меншикову слѣдовало немедленно и скромно выѣхать; но онъ собрался нѣсколько дней. Это безинокнло государя и каждое утро и вечеръ онъ спрашивалъ: уѣхалъ—ли Меншиковъ. Нѣкоторые считали это со стороны Меншикова новымъ упрямствомъ и явнымъ ослушаніемъ противъ воли царской. Салтыковъ же и Лукичъ этого боялись; они думали, что Меншиковъ затѣваетъ какіе—нибудь замыслы, почему, по предположенію Салтыкова, все это время у дворца были удвоены

караулы; гвардія стояла ночью подъ ружьемъ; а всѣ штабъ-офицеры, и нѣкоторые преданныя Меншикову оберъ-офицеры бывшаго его полка были арестованы.

Наконецъ, Меншиковъ, въ золотыхъ каретахъ и имѣя около 100 подводъ и экипажей, выѣхалъ при большомъ стеченіи народа; болѣе часу пробирались сквозь толпу до заставы, среди возгласовъ негодованія, громко изъясляемаго многими. Было, однако, много и такихъ, которые, видя золотыя кареты и думая, что Меншиковъ прощенъ, кричали: ура! Все это было донесено государю, а можетъ-быть, и перетолковано въ дурную сторону, такъ что Петръ II вскорѣ послалъ офицера съ конвоемъ, чтобы догнать Меншиковыхъ и, пересадя въ повозки, отправить все семейство въ Березовъ, оставя ему только самое необходимое; но какъ враги Меншикова были не изъ копияховъ курляндскихъ, то офицеру дана была самая снисходительная инструкція, такъ что въ числѣ необходимыхъ вещей у Меншикова остались всѣ деньги и онъ, по пріѣздѣ въ Березовъ, живя на свободѣ, могъ на свой счетъ выстроить тамъ церковь. Слѣдуя за Меншиковыми подъ именемъ купца Попова, Федоръ Долгорукой всячески облегчалъ имъ трудности путешествія. Не смотря на это, княгиня была не утѣшна, и дорогою отъ слезъ ослѣпла.

Кончивъ первую эпоху III періода паденіемъ князя Меншикова,—приступимъ къ эпохѣ могущества Долгорукихъ, за тѣмъ — временамъ Бироцовскимъ и послѣдующимъ.

Приступая къ второй эпохѣ III періода, мы считаемъ за нужное обратить предварительно вниманіе на то, въ какихъ должностяхъ и чинахъ застала эта эпоха Долгорукихъ. Князь Алексій Григорьевичъ, охуленный и названный безталантнымъ покойнымъ Г. Фурмацомъ, и который, по словамъ его, будто-бы вовсе не за заслуги получалъ чины отъ Петра II, былъ, какъ мы видѣли выше, еще Петромъ I пожалованъ званіемъ губернатора и президента главнаго магистрата, должностью почти соотвѣтствующею должности министра финансовъ, и въ копей онъ состоялъ довольно долго, до смерти императора. Отъ

императрицы Екатерины I онъ получилъ званіе сенатора, отъ временника Меншикова орденъ Александра Новскаго. Князь Василій Лукичъ, какъ видно изъ подписи его на приведенномъ выше манифестѣ, дослужился при Петрѣ I до чина генераль-лейтенанта, а отъ Екатерины получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Князь Иванъ Григорьевичъ Петромъ-же I произведенъ въ генераль-майоры.

Князь Иванъ Алексѣевичъ при Петрѣ I получилъ чинъ поручика, а отъ Екатерины I — званіе камеръ-юнкера.

Князь Николай Алексѣевичъ тоже былъ камеръ-юнкеромъ.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ былъ лейтенантомъ.

Князь Александръ Григорьевичъ — флота капитаномъ.

Князь Сергій Григорьевичъ былъ посломъ въ Варшавѣ.

Князь Василій Владиміровичъ — генераль-аншефомъ.

Князь Михайло Васильевичъ — губернаторомъ Сибири.

Всѣ дѣйствія къ сверженію Меншикова принисываютъ Долгорукиму, тогда какъ въ сверженіи его принимали не меньшее участіе и другія фамиліи. Мы нарочно приведемъ здѣсь почти всѣ уцѣлѣвшіе указы Петра II, пусть обратятъ на нихъ вниманіе, и скажутъ намъ: приносятся ли они безчестію царствованію Петра II и что въ нихъ противъ Бога и пользы народа русскаго?

Верховный тайный совѣтъ состоялъ, по сверженію Меншикова, изъ: канцлера графа Головина, человѣка умнаго, но фальшиваго, не любившаго обнаруживать своего мнѣнія и исполнителя старшагося уничтожать то, на что публично, изъ какой-то уступчивости, изъявлялъ свое согласіе.

Барона Остермана, человѣка ума государственнаго, но плута пресестественнаго, который изъ видовъ своей пользы на все рѣшался, не имѣя ничего святаго, когда дѣло шло о достиженіи своей цѣли (1).

(1) Последнее качество — обнаруживаетъ въ Остерманѣ высокій умъ и замѣчательную энергію въ характерѣ. Чтобы достигъ какой-бы ни было

Князя Дмитрія Михайловича Голицына, челоѣвка государ-
ственного, съ новыми европейскими понятіями.

И, наконецъ, князя Василія Лукича Долгорукаго, котораго
мы уже знаемъ.

Царскій императорскій домъ состоялъ :

Изъ императора Петра II, бабки ого величества, по паде-
ніи Меншикова освобожденной изъ суроваго заточенія, вдов-
ствующей царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной, которая
выбрала собѣ въ жительство Москву.

Царевны Натальи Алексѣевны, главной покровительницы
Остермана, имѣвшей болѣе всѣхъ вліянія на императора и со-
хранившей его до смерти своей, послѣдовавшей въ 1728
году.

Царевны Елизаветы Петровны, преданной тогда еще одной
набожности, чѣмъ она очень наскучила императору, который
поэтому съ нею рѣдко видѣлся.

Такъ-какъ Меншиковъ самовольно присвоилъ себѣ право
Адмиралтействъ-коллегіи (пыль совѣтъ адмиралтейства) произ-
водить во флотѣ въ чины до капитана и, сверхъ того, посылалъ
за границу военные корабли для своихъ торговыхъ оборотовъ,
которыми, среди величія своего, еще при Петрѣ I занимался,
то 1727 г. 16-го Сентября воспослѣдовалъ указъ изъ верховна-
го тайнаго совѣта, коимъ возвращались права Адмиралтействъ-
коллегіи производить до капитанскаго чина; а о высшихъ чи-
нахъ вѣдно докладывать верховному тайному совѣту. Этимъ
же указомъ запрещалось военные корабли посылать куда-либо
безъ указа.

18 Сентября 1727 г. данъ былъ ямливной указъ, состоявшій-
ся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, о перемѣнѣ старыхъ денегъ,
о запрещеніи чеканить гривенники и объ отобраніи у Менши-
кова 40,000 р. серебряными гривенниками, буде уже выданы
ему по прежнимъ указамъ; монетною конторою по прежисму

цѣли — хорошей-ли, дурной — не слѣдуетъ останавливаться ни передъ
какими средствами: иначе недостижимо ничто.

Примѣч. К. В. Д.

управлять вѣвно Московскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Алексѣю Пашевеу, да статскому совѣтнику Платону Мусину-Пушкину, да бергъ-коллегіи совѣтнику Василію Татищеву, а Алексѣя Волкова, исполнителя воли Меншикова, отъ этой конторы уволить.

Сентября того же числа данъ другой именной указъ, состоявшійся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, о скорѣйшемъ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ и объ учрежденіи въ Ингерманландскомъ уѣздѣ воеводскаго суда. Такъ-какъ оказалось по изслѣдованію, что всѣ дворцовые доходы существовавшихъ тогда въ Лифляндіи мызъ и таможи Меншиковъ бралъ себѣ, то 19 сентября выданъ указъ верховнаго тайнаго совѣта, прямо отъ него, чтобы вѣдѣніе таможеннаго сбора, пополнилъ съ Лифляндской таможни и дохода съ дворцовыхъ мызъ, по прежнему, подчинить камеръ-коллегіи.

20 Сентября въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялся именной указъ о непріятіи болгарскихъ людей и крестьянъ по ихъ желанію въ солдаты, матросы и не въ какія другія службы, безъ воли ихъ господъ. Въ тотъ же день выданы были слѣдующіе указы верховнаго тайнаго совѣта :

1) О пошлинахъ съ товаровъ, идущихъ изъ Астрахани въ Хиву и Бухару.

2) О свободномъ дозволеніи отыскивать и обрабатывать руды.

3) О вольной продажѣ табаку.

4) О подачѣ прошеній русскому купечеству въ камеръ-коллегію, а иностранному на русскихъ — въ Магистратъ.

27 Сентября, о предосторожностяхъ противъ повальной болѣзни въ Астрахани.

28 Сентября императоръ, не присутствовавшій въ этотъ день въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, велѣлъ, если будутъ бумаги для подписи, привести ихъ послѣ обѣда къ нему. Разбирая принесенныя бумаги, онъ, взявъ перо и не прочитавъ дѣло, а только заголовокъ: рѣшеніе о приговорѣ къ смертной казни убійцы Семена Иванова Стремешнаго, сталъ подписывать. Князь

Иванъ Алексѣевичъ, бывшій при этомъ, схватилъ императора за руку; тотъ вскочилъ и закричалъ: «Больно, Ваня, ты дурчишься!»—«Я чай тому, что ты, государь, сталъ подписывать, не читая дѣла: больше будетъ, когда голову снимать будутъ, а ты, государь, хочешь подписать, не читая!» — «Да этотъ докладъ всѣ подписали согласно.»—«Да хоти-бы родной твой отецъ подписалъ, а ты теперь—государь, и за каждый волосъ, напрасно и неправильно снятый съ подданнаго, Богу отвѣчать будешь!» Петръ II разцѣловалъ князя Ивана и, зачеркнувъ начатое, подписалъ: «Въ ссылку вмѣсто смерти. Петръ II».

«Ну такъ что-ли?» — «Ну, это еще можно,» сказалъ князь Иванъ, прочитавъ: «но если ты, государь, всегда возьмешь за правило не читать, а смлгчать не читая, то поднесутъ тебѣ меморію парочко, кого не слѣдуетъ наказывать вовсе, а ты только смягчишь.»—«Усталъ, Ваня!» сказалъ государь: «въ другой разъ тебя послушаюсь.»

Вотъ еще два указа:

29-го Сентября, верховнаго тайнаго совѣта, объ отдачѣ казенной скатертиной фабрики въ аренду.

2 Октября данъ именной изъ верховнаго тайнаго совѣта:

«Указали мы должность полиціймейстерской канцеляріи и принадлежащія къ тому указы разсмотрѣть Сенату немедленно, и ежели въ чемъ происходятъ народныя тягости и напрасныя убытки, о томъ со мнѣіемъ доносить въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, не упуская времени, дабы тѣмъ не допустить до большаго отягченія, а Московской полиціи быть въ Дирекціи Московскаго Генералъ-Губернатора князя Ромодановскаго со товарищами, которымъ такожде должность полиціи и указы немедленно разсмотрѣть противъ вышеннаго-жъ и со мнѣіемъ доносить въ нашемъ-же верховномъ тайномъ совѣтѣ.»

«Петръ II».

Вообще, не долгое царствование Петра II ознаменовалось многими благими реформами... Оно представляетъ изъ себя

рѣзкій контрастъ — временамъ бироновскимъ, когда народъ русскій страдалъ подъ игомъ корыстолюбиваго временщика!..

12 Октября, въ день окончательнаго разграниченія нашихъ владѣній въ Азіи, причѣмъ: границею съ Китаемъ назначена рѣка Амуръ, князя Алексѣя Григорьевича императоръ пожаловалъ кавалеромъ Андрея Первозваннаго.

3 Февраля 1728 г. князя Алексѣя Григорьевича сдѣлалъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта, а 11-го Февраля князя Ивана Алексѣевича — оберъ-каммергеромъ и андреевскимъ кавалеромъ.

10 Февраля изъ верховнаго тайнаго совѣта обнародованъ указъ: объ освобожденіи отставныхъ военныхъ офицеровъ отъ обязанности ежегодно являться на смотръ въ военную коллегію.

Впослѣдствіи Бирономъ были уничтожены всѣ указы и манифесты Петра II, изданные съ паденія Мещикова по 26 Февраля, и даже церемоніаль короновація, не только подлинный, но даже, гдѣ можно было, и перепечатанные. 25 Февраля, въ день короновація, императоръ пожаловалъ князя Василія Владиміровича генераль-фельдмаршаломъ, князя Ивана Алексѣевича генераль-анщесомъ, князя Сергія Григорьевича назначилъ посломъ въ Варшаву, князя Николая Алексѣевича каммергеромъ, князя Алексѣя Алексѣевича флота капитаномъ.

Всѣ уцѣлѣвшіе въ полномъ собраніи законовъ указы этой эпохи доказываютъ, что Россія не назадъ шла, а впередъ! Напримѣръ, слѣдующіе, 1728 года, указы верховнаго тайнаго совѣта: 28 Мая, о заведеніи особаго капитала за границею, съ цѣлію поддержать вексельный курсъ и увеличить чрезъ это сбытъ русскійскихъ товаровъ за границею.

31 Мая (именной), объ освобожденіи отъ пошлинъ и акциза съ вывезенныхъ изъ Франціи на русскій фрегатъ русскіими купцами товаровъ, для поощренія (какъ сказано въ указѣ) новаго сего торговаго.

Іюня третьяго дня (именной), о штатѣ инженернаго корпуса

и инженерной школы, которыхъ при Петръ I не было, но инженерной ротъ (основанной Петромъ I). Въ тотъ-же день данъ указъ: о посылкѣ въ Курскую губернію, для отыскиванія рудъ.

Іюня 9 дня (именовой), о назначеніи пенсій (которыхъ до тѣхъ-поръ не давали) вдовамъ умершихъ иностранцевъ въ російской службѣ.

10 Іюня прибылъ съ Кавказа генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ, вызванный императоромъ ко двору, въ Москву.

14 Іюня заключенъ генеральный контрактъ Китая съ Россією.

Кромѣ-того, были указы отъ 15 Августа, 31 Сентября и 12 Февраля 1729 г. Относительно послѣдняго указа, — мы считаемъ излишнимъ замѣтить, что отобраніе вотчинъ отъ монастырей, въ царствованіе Еватеринны II и императора Николая, — большая ошибка.

Всѣ монастырскіе крестьяне были богаты, а перешедши въ казну, сдѣлались бѣдны. Это иначе и не могло быть: монастырь былъ самъ хозяинъ своего добра, а приказные люди — иеминики. По исторіи видно, что монастыри, въ голодные годы, кормили губерніи, или, вѣрнѣе, не они, а крестьяне ихъ. Отошедши-же отъ монастырей, крестьяне не только не могли другихъ кормить, но и сами не разъ одоужались казнѣ; земли же, гдѣ была записка (ибо всѣ монастырскіе крестьяне были пахатные), опустѣли. Лавра Опочаевская получала съ крестьянъ 25 т руб. сер. въ годъ; а когда ихъ отобрали, то министерство государственныхъ имуществъ пѣсколько разъ, съ этихъ же крестьянъ, трети не въ силахъ было получить, и лавра задолжала, и крестьяне обѣднѣли.

11 Марта данъ указъ о сбереженіи лѣсовъ.

Апрѣля 6 князь Михайло Владиміровичъ Долгорукой пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ верховнаго тайнаго совѣта. Изъ этого видно, что онъ по службѣ былъ младше князя Алексѣя Григорьевича и только въ Апрѣлѣ 1729 г. сталъ участвовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Мая 5 указъ (именной), воспрещающій строго допускать всякому и какую бы ни было монополію по лѣсной части.

Мая 12, положеніе верховнаго тайнаго совѣта объ улучшеніи содержанія колодниковъ, объявленное дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосилцевымъ.

Мая 16, изданъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, уставъ вексельный, на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ.

24 Іюня (именной), коимъ дозволено, русскимъ природнымъ купцамъ, строить корабли безъ платежа пошлины.

25 Іюня (именной), о невзятіи подушныхъ съ крестьянъ.

9/20 Сентября 1729 г. заключенъ очень выгодный трактатъ съ Персією, а въ Октябрѣ высочайше утверждены докладъ верховнаго тайнаго совѣта объ учрежденіи комиссіи для улучшенія положенія арміи.

Любя охоту, государь посѣщалъ дачи села Горенки, и иногда заѣзжалъ и къ самому князю Алексѣю Григорьевичу, при чемъ обратилъ вниманіе на красоту его дочери, княжны Екатерины Алексѣевны, которая была равнодушна къ секретарю австрійскаго посольства, графу Милезио. Въ нее-же страстно былъ влюбленъ князь Юрій Юрьевичъ, Долгорукой-же (другой линіи), бывший впоследствии супругомъ сестры ее. Княжна-же ненавидѣла его. Съ 8 Сентября государь, проживъ въ селѣ у князя 9 недѣль, вошелъ къ нему въ одно утро и объявилъ ему о своей любви къ его дочери. Князь сейчас-же хотѣлъ представить его величеству дочь свою, но государь остановилъ его и самъ пошелъ прямо къ княжнѣ

(изъ записокъ князя Алексѣя Алексѣевича, третьяго брата ея) и, пайдя ея въ саду, признался ей въ любви и объявилъ ей, что хочетъ на ней жениться. «Ваше величество», отвѣчала княжна: «сколько-бы не была велика честь мнѣ, вами, государь, дѣлаемая, но никогда не рѣшуся для возвышенія рода своего нарушить долгъ вѣрноподавшаго. Всякая, на моемъ мѣстѣ, пала-бы къ ногамъ вашего величества съ благодарностію, но я думаю, что та, которую удостоиваетъ государь трона своего, должна крѣпко подумать напередъ, можетъ-ли она сдѣлать своего государя счастливымъ».

Государь увѣрялъ ея, что это самое дѣлаетъ ея достойною трона; но она выпросила позволеніе подумать до 1 Ноября.

Вся родня опрокинулась на княжну: мать, отецъ, а богѣ всѣхъ князь Василій Лукичъ.

Не смотря на это, она послѣ 1 Ноября опять выпросила у императора позволеніе подумать, и только 9 Ноября дала свое согласіе.

Между-тѣмъ, изъ тѣхъ же записокъ, князя Алексѣя Алексѣевича, приведемъ ея разговоръ 7 Ноября съ генераломъ Салтыковымъ. «Неужели вы откажете императору, между тѣмъ есть человекъ, этой жертвы ожидающій?» «Жертвы!» прервала княжна: «да кто-жъ ея отъ меня можетъ требовать? Кажется, я себя никогда такъ не вела, чтобы кто-нибудь могъ отъ меня требовать жертвы? Если кто и замѣчалъ, что я неравнодушна была къ нѣкоторымъ, то въ этомъ могли и ошибиться, и почему доселѣ моей руки не искали?» «Не рѣшались... думали», отвѣчалъ Салтыковъ, «а теперь ожидаютъ». «Слишкомъ много чести, чтобы русская княгиня пожертвовала для того, который не рѣшался и думалъ, т. е., какъ пѣмецъ, не любилъ, а рассчитывалъ. Этакое человека я любить не могу и это самое меня заставляетъ рѣшиться на то, на что бы я не рѣшилась».

19 Ноября объявлено публично о предстоящемъ бракѣ императора, съ княжною Екатериною Алексѣевною Долгорукою; ей данъ титулъ ея высочества, отцу ея, братьямъ и князю Василю Владиміровичу пожалованъ титулъ свѣтлости; князь

Иванъ Григорьевичъ пожалованъ въ тайные совѣтники; князь Александръ Григорьевичъ и Алексѣй Алексѣевичъ—въ контръ-адмиралы.

Имълинымъ указомъ Святѣйшему Синоду велѣно на экте-нія поминать: «благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя императора, Петра Алексѣевича, и цевѣсту его, благовѣрную государыню княжну Екатерину Алексѣевну, бабуку его, благочестивую государыню царицу Евдокію Ѳеодоровну» и проч.

Наканунѣ обрученія Петра II съ Екатериною Долгорукой, на вечерѣ (до прихода императора), князь Василій Владиміровичъ, подойдя къ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сказалъ: «Ваше высочество, и такъ вы скоро будете нашею повелительницею... Пусть говорятъ наши родственники, что хотятъ, «но вы никогда не забывайте, какъ много пережить даже и «одну часть сдѣлать можетъ! Наслаждайтесь скромно своимъ «счастьемъ и помните, что съ завтрашняго дня вы не принадлежите большоу нашей фамиліи. Подданные государя будутъ «ваши родственники, а не мы, которые вашу фамилію носимъ. «И такъ», прибавилъ онъ, «вспомните о той, которая невинно «страдаетъ». «Понимаю васъ, дядюшка», сказала княжна: «я съ вами согласна и предала себя воли Божіей и моему «государю; на счетъ—же княжны Мешиковой я уже просила «и мнѣ государь далъ слово, что день брака моего будетъ ея «возвращеніемъ».

30 Поября совершилось обрученіе. Въмѣсто описанія его, представляемъ подлинное объявленіе о немъ въ современныхъ вѣдомостяхъ, отысканное княземъ Петромъ Долгорукимъ.

1729 г. № 79 С. Петербургскихъ вѣдомостей. «Москва, 1 «Декабря. Вчерашняго дня, то есть, въ праздникъ святаго «Андрея Первозваннаго, заступника Россійскаго Государства, «отправлялось публично торжествованіе Высочайшаго обрученія Его Императорскаго Величества, Всемилоствѣйшаго Государя нашего съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Принцессою Екатериною Алексѣевною, Его Святлости князя Алексѣя

«Григорьевича Долгорукаго Его Императорскаго Величества
«дѣйствительнаго тайнаго штатскаго министра, также и
«гофмейстера ордена Святаго Андрея Первозваннаго и протчая,
«дщерью Принцессою, въ Императорскомъ ѣздѣи дождѣ, при
«присутствіи Ея Величества вдовствующей царицы, принцессъ
«Императорской фамиліи, также и всѣхъ протчихъ какъ
«здѣшнихъ, такъ и иностранныхъ высокихъ знатныхъ особъ
«мужскаго и женскаго пола, зѣло преславно, и при вышаленіи
«съ валовъ трехъ разъ».

СУПЛЕМЕНТЬ

(въ Воскресенье 14 Декабря 1729 .)

РЕЛЯЦІЯ.

«О высокомъ Его Императорскаго Величества обрученіи,
«князь образомъ оное 30 Ноября сего 1729 года въ Москвѣ
«счастливо совершилось.

«Какъ Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій
«нашъ Государь, всемилостивѣйше соблаговолилъ соизволилъ
«всевысочайше посприятное свое намѣреніе къ настоящему Его
«Величества сочетанію законнаго брака, съ Ея Высочествомъ
«принцессою Его Свѣтлости князя Алексѣя Григорьевича Долго-
«рукаго, Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго тай-
«наго штатскаго министра, гофмейстера и кавалера ордена
«Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, среднею дочерью
«Екатериною Алексѣевною, чрезъ дѣйствительнаго тайнаго
«штатскаго министра, государственнаго вице-канцлера, оберъ-
«гофмейстера и кавалера ордена Святаго Апостола Андрея

«Первованнаго его превосходительства господина барона фонъ-
«Остермана во всевысочайше къ тому нарочно призвапомъ
«верховномъ тайномъ совѣтѣ, 19 дня Ноября, о чемъ объя-
«вить повелѣлъ, также 21 дня того-же мѣсяца, всемъ здѣсь
«обрѣтающимся иностраннымъ министрамъ чрезъ оберъ-цере-
«моніймейстера и объявлена и онымъ также къ пожеланной
«ради отдавiя Его Величеству поздравительныхъ комплемен-
«товъ аудіенціи 24 день назначенъ былъ, то введены оныя
«министры въ назначенное время не токмо къ Его Император-
«скому Величеству, но также по ихъ возжеланію къ Ея
«Высочеству принцессѣ Невѣстѣ до аудіенціи ради поздравле-
«нiя Ея Высочества также, какъ настоящимъ сочетаніемъ
«законнаго брака, такъ и днемъ тезаименитства, понеже опос
«Ея Высочества тезаименитство въ день же праздника Святыя
«Великомученицы Екатерины въ Головинскихъ палатахъ тор-
«жествована, въ которыхъ Ея Высочество нынѣ жить изволитъ,
«которые потомъ также къ вечеру на асамблею и балъ
«званы, и при томъ въ презрядномъ убранствѣ явились.

«Но понеже 30 день Ноября, то есть день праздника
«Святаго Апостола Андрея Первованнаго, къ торжествуванію
«публичнаго Его Императорскаго Величества обрученiя назна-
«ченъ, и за день до того къ сему торжествуванію отъ импе-
«раторскаго гофмаршала господина Шепелева Ея Величество
«вдовствующая государыня царица Его Императорскаго Вели-
«чества бибки, Ихъ Высочества: царевна Елизавета Петровна,
«Герцогиня Мекленбургская Екатерина Юанновна, и царевна
«Параскева Юанновна, Ея Высококоияжеская свѣтлость при-
«цесса Мекленбургская, отъ нѣкотораго изъ императорскихъ
«каморъ-юнкеровъ, а принцессы Долгоруковой фамиліи и
«ближніе высокіе свойственники съ отцовой и матерной-сто-
«роны, ради провожденiя Ея Высочества принцессу-невѣсту
«изъ Головинныхъ палатъ во дворецъ отъ ихъ собственнаго
«шталмейстера, также и всѣ знатныя особы, какъ здѣшніе
«такъ и иностранныя мужскаго и женскаго пола, въ 3 часу
«по-полудни обыкновеннымъ образомъ званы были, то повѣ

«дны дамы въ апартamente, по правую сторону большаго «зала, а каналерамъ показаны были переднія палаты, предъ «апартamenteмъ Его Императорскаго Величества.

«Назначенная къ сему торжественно больша залъ въ «домъ Его Императорскаго Величества была слѣдующимъ обра- «зомъ убрана. Посреди оной залы посланъ былъ великій Пер- «сидскій шелковый коверъ, на котораго верхомъ концъ золо- «тою парчею покрытый столъ поставленъ былъ, а на ономъ «златое блюдо, на которомъ святой крестъ съ двумя золоты- «ми тарелки лежали, а на оныхъ надъ обручательными пер- «стнями благословенная молитва прочтена быть имѣла. Предъ «стимъ столомъ и надъ онымъ ковромъ держали 6 генераль- «маіоровъ на серебряныхъ шестикахъ препрядный изъ се- «ребриной парчи золотомъ богато вышитой багдахинъ, подъ «которымъ Его Императорскаго Величества обрученіе отпра- «вляться имѣло. Генералы-маіоры, помянутый багдахинъ дер- «жащіе, были слѣдующіе: князь Барятинскій, фонъ Венедигеръ, «Бибиковъ, Измаиловъ, Кейстеръ и оберъ-комендантъ Москов- «скій Еропкинъ. По правую сторону посланъ былъ также «долгий шелковый коверъ, на которомъ Его Императорскаго «Величества кресло стояло, а въ прочемъ ни какой другой «стулъ на ономъ поставленъ не былъ, но лѣвую сторону «посланъ былъ такой же коверъ, на которомъ два зеленыя «золотыя позументами украшенныя кресла рядомъ, и еще 4 «такіе же стула, но однакоже мало уступя, поставлены были. «Первые два кресла были поставлены Ея Величеству Госуда- «рыни вдовствующей царицы, Его Императорскаго Величества «бабки и Ея Императорскому Высочеству Принцессъ, Его «Императорскаго Величества невѣсты; а другіе 4 стула поста- «влены были ихъ Высочествамъ царицы Елизаветъ Петровны, «герцогини Мекленбургской, царицы Параскевы Иоановны, и «Ея Высокоблагородной Свѣтлости Принцессъ Мекленбургской. За «сими стулами поставлено было нѣсколько дюжины стульевъ «Ея Высочества государыни невѣсты матеръ, Ея Высочества

«сестрѣ и прочимъ Ея Высочества свойственницамъ ихъ свѣтлости, Принцессамъ, также и прочимъ дамамъ.

«И какъ почти всѣ при дворѣ собралися, поѣхалъ Его Императорскаго Величества оберъ-каммергеръ, Ея Высочества государыни невесты братъ, Его свѣтлость, яко къ сему торжественно Его Императорскаго Величества Высокоучрежденный главный комиссаръ, съ Его Императорскаго Величества каммергерами, во многихъ Императорскихъ каретахъ, «и съ многими Его Императорскаго Величеству служителями, «въ Головинскія палаты, гдѣ ихъ свѣтлости принцессы Долгорукихъ фамилія собралася, ради провожденія Ея Высочества государыни невесты къ настоящему торжественно.

«По прибытіи туда Его Свѣтлости господина оберъ-каммергера, изволилъ Его Свѣтлость изъ кареты выйти; потомъ пошелъ Его Свѣтлость въ верхъ и объявилъ причину того, «чего ради Его Свѣтлость туда прислалъ, просилъ Ея Высочество принцессу, чтобы Ея Высочество съ нимъ ѣхать «изволила, и повелъ Ея Высочество къ каретѣ и посадилъ ее «въ оную; послѣ того пошелъ Его Свѣтлость къ своей каретѣ, «а потомъ отправилось шестіе слѣдующимъ образомъ:

«1. Двѣ Императорскія кареты, въ 6 лошадей заложенные, «въ которыхъ каммергеры сидѣли.

«2. Императорская карета Его Свѣтлости оберъ-каммергеру, «въ 6 лошадей заложенная, въ которой Его Свѣтлость одинъ «сидѣлъ.

«3. Четыре Императорскіе скорохода.

«4. Два придворные фуріера верхами.

«5. Императорскій Штабмейстеръ Кошеновъ одинъ верхомъ.

«6. Ея Высочества гренадерская гвардія верхами.

«7. Четыре Императорскіе почталіона.

«8. Карета 6 лошадьми запряженная, въ которой Ея Императорское Высочество, а напротивъ Ея Высочества Ея Свѣтлость государыня мать и сестра Ея Высочества сидѣть «изволили. Напередъ оной кареты стояли четыре Император-

«скіе нажи, назади ѣхалъ камеръ-пажъ, а при каретѣ шли 6 «Императорскихъ гайдуковъ и лакей, всѣ въ преизрядной «ливрѣ».

«3. За оною каретою слѣдовали другія придворныя кареты «съ принцессами отъ Долгоруковой фамилии, такъ что ближнія «своиственницы первыми были.

«10. Дамы Ея Высочества, до гофштата Ея Высочества «принадлежавшія.

«11. А напослѣдокъ порожнія кареты.

«Сіе шествіе отправлялось чрезъ Салтыковъ мость, по боль- «шой улицѣ пѣмецкой слободы ко Двору.

«Какъ Ея Высочество съ слѣдующей при семь свитою ко «Двору приблизится изволила, пошли гофъ-маршалъ и оберъ- «церемоніймейстеръ, оба съ своими штатами при провожденіи «Императорскихъ придворныхъ кавалеровъ въ апартаментъ «дамамъ назначенный, и просили Ея Высочество вдовствующую «Государыню царицу, Ихъ Высочествъ принцессъ Император- «ской фамиліи и прочихъ дамъ, дабы оныя въ залу къ обру- «ченію назначенную итти изволили, и какъ сіе учинено, и «оныя въ оной залѣ на свои мѣста сѣсть изволили, пошли оныя «такую же церемонію по большой лѣстницѣ внизъ, ради «встрѣченія и введенія Ея Высочества невѣсту въ верхъ.

«Его Свѣтлость господишъ оберъ-каммергеръ вышелъ Ея «Высочество изъ кареты и вель Ея за руку въ верхъ, кото- «рой караулъ ружьемъ честь отдалъ, но безъ барабаннаго «боя.

«Какъ скоро Ея Высочество въ залу вступить изволила, «начали на преизрядной музыкѣ играть, во время котораго «игранія Ея Высочество государыня невѣста на свое мѣсто «сѣсть изволила, а между тѣмъ оберъ-каммергеръ, каммергеры «и придворные кавалеры при предводеніи гофмаршала и оберъ- «церемоніймейстера въ ту палату, гдѣ Императорское Величе- «ство быть изволилъ, пошли ради приведенія Его Величества «также въ залу, ко обрученію Его Величества назначенную. «Его Императорское Величество провождали ихъ свѣтлости :

« князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, оберъ-каммергеръ, генералъ-фельдмаршалъ князь Долгорукій и другіе знатные изъ себѣ фамиліи, также и ихъ превосходительства государственный канцлеръ и вице-канцлеръ съ прочими знатыми особами. Его Величество изволилъ въ залу при играни на трубахъ и битіи на литаврахъ вступить.

« Какъ Его Величество въ оную залу вступить и къ своему мѣсту принтти изволилъ, перестали на музыкѣ играть, и церемонія началась слѣдующимъ образомъ отправляться:

« Его Свѣтлость господинъ оберъ-каммергеръ вель Ея Высочество Государыню невѣсту, потомъ изволилъ Его Императорское Величество по правую сторону Ея Высочества подъ балдахномъ стать, а при Его Величествѣ присутствовалъ Его Императорскаго Величества оберъ-гофмейстеръ, его превосходительство господинъ баронъ фонъ-Остерманъ. Потомъ сію церемонію отправляющій архіепископъ Новгородскій, по прочтеніи молитвы къ тому пришелъ, на каждую золотую тарелку перстни обручающихся какъ Его Императорскаго Величества, такъ и Ея Высочества государыни невѣсты положилъ, пакн за столъ пошелъ надъ помянутыми перстнями по обыкновению греческой церкви благословенную молитву читалъ, пакн предъ столъ вышелъ, перемѣненные перстни подалъ, а потомъ еще стихи пѣли и нѣкоторыя молитвы читали. Послѣ того изволили Его Императорское Величество изъ-подъ балдахна на свое Высочайшее мѣсто, а Ея Высочество государыни невѣста на свое же мѣсто пакн пойти и публичнаго поздравленія при играни на трубахъ и битіи на литаврахъ также и при выналеніи трехъ разъ изъ нушекъ съ валовъ отданы.

« Потомъ изволилъ Его Императорское Величество Ея Высочество Государыню невѣсту, за руку взявъ, въ свою палату при провозденіи Ея Величества государыни царицы своей бабки, ихъ Величествъ принцессъ отъ императорской фамиліи и Ея Высочества высокихъ свойственниковъ повести, откуда къ сожженію фейерверка сигналъ данъ и оный фейерверкъ зажженъ былъ, который такъ какъ и презрѣдныя иллюми-

«нація въ замкѣ и виѣ онаго во многихъ тысячахъ лампадъ разныхъ цвѣтовъ презрѣдно горѣли.

«По томъ фейерверкѣ начать балъ въ большой залѣ, при которомъ и Ея величество Государыня царица ради показанія своего искренно-сердечнаго обрадованія также присутствовать изволила, а между тѣмъ, при разныхъ столахъ нѣкоторые по соизволенію кушали, нѣкоторые же играютъ забавлялись.

«По окончаніи онаго бала, который не такъ долго, какъ въ протчемъ бывасть, продолжался, отвезена Ея Высочество съ большимъ штатомъ, какъ Ея Высочество привезена; а именно въ каретѣ 8 лошадьми заложеными съ 6 вершниками, 5 пажами, 8 гайдуками, 8 кавалергардами верхами; а при Ея Высочествѣ никто въ каретѣ не сѣлъ. При проѣздѣ Ея Высочества мимо замковаго караула били въ барабанъ, а назадъ изволила Ея Высочество съ прежнею свитою ѣхать, чѣмъ сей весьма пріятный вечеръ счастливо препровождень».

Въ день святой Екатерины Петръ II возложилъ на княжну орденъ святой Екатерины 1 степени большого креста, осыпанный брилліантами.

Когда князь Василій Владиміровичъ возвращался съ оброченія домой, то его догналъ верховой, подалъ ему конвертъ и скрылся.

Дома князь распечаталъ его и нашелъ записку слѣдующаго содержанія:

«Ваша Свѣтлость!»

«Дѣѣ державы, недовольныя союзомъ съ Долгорукими, ассигновали милліонъ рублей, жертвою могутъ быть и оба. «Остерегите князя Ивана... на счетъ императора для счастья той, для которой я нарушилъ долгъ свой. Всякія принятія открыто предосторожности и породятъ предосторожности и скрытыя средства съ другой стороны».

Письмо было написано женскою рукою и безъ подписи.

Князь Василій Владиміровичъ долго вертѣлъ письмо въ рукахъ, не зная, что предпринять.

Деньги — всегда деньги; не даромъ намъ поэтъ Пушкинъ сказалъ :

«Все куплю, сказала злато!...»

На другой день онъ говорилъ съ княземъ Иваномъ о письмѣ, но какія приняты были мѣры — неизвѣстно; только изъ записокъ князя Алексѣя Алексѣевича видно, что онъ послѣ смерти императора припомнилъ конецъ разговора, прежде ему непонятнаго. Вотъ какъ все было :

Когда на третій день, послѣ смерти императора, князь Алексѣй Алексѣевичъ вернулся изъ рожи и узналъ, что у нихъ князь Василій Владиміровичъ, то пошелъ туда, гдѣ были отецъ его, князь Василій Владиміровичъ, и князь Иванъ.

Когда князь Алексѣй Алексѣевичъ входилъ, братъ его говорилъ: «Нанарили вы съ батюшкой кашки» — «То-то, Ваня», отвѣчалъ князь Василій Владиміровичъ: «ненадо-бы тебѣ до брака сестры заводить невѣсты, куда сѣвшилъ! а орла прозѣвалъ». «Да я никогда не отлучаюсь», отвѣчалъ на это князь Иванъ: «безъ того, чтобы Остермана не было». — «Захотѣлъ ты на кого положиться! онъ и плакалъ и рыдалъ, а теперь притворился хворымъ, все изъ видовъ».

18 Января получено было согласіе шведскаго двора на бракъ княжны Елены Долгорукой, сестры невѣсты государя, съ шведскимъ принцемъ.

Свадьба императора назначена была 19 Января 1730 года.

Алексѣю Григорьевичу пожаловано 20 тысячъ дворовъ крестьянъ.

20 Декабря выданъ именной указъ верховнаго тайнаго совѣта объ увольненіи въ отпускъ ежегодно $\frac{1}{3}$ служащихъ дворянъ, имѣющихъ крестьянъ, для домашняго хозяйства и исправленія нуждъ. Этотъ указъ понудило издать разстройство большей части имѣній, ибо съ Петра I всѣ должны были служить безъ отставокъ почти, а между-тѣмъ, управители имѣній грабили и разоряли ихъ безъ господъ.

Между-тѣмъ, при дворѣ былъ праздникъ за праздникомъ.

25 Декабря было обрученіе князя Ивана Алексѣевича съ дочерью покойнаго генералъ-фельдмаршала Шереметева, Натальей Борисовной, въ присутствіи императора и всей императорской фамилии, иностранныхъ министровъ; по высочайшему повелѣнію, обрученіе совершалъ епископъ съ двумя архимандритами; перстень князя Ивана Алексѣевича стоилъ 12 тысячъ руб. серебромъ, а перстень его невѣсты 6 тысячъ руб. серебромъ.

5 Января 1720 г. князя Ивана государь назначилъ начальникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семіопскаго полковъ, пожаловавъ его въ майоры гвардіи. Въ день Крещенія, 6 Января, князь Иванъ первый разъ командовалъ гвардіей, выстроенной на льду. Въ 4 часа государь прибылъ съ невѣстою въ саняхъ, стоя за нею на запяткахъ; ихъ сопровождали свита и кавалергарды.

Въ тотъ же день вечеромъ императоръ пожаловался на головную боль; на другой день открылась у него оспа, а 17 Января всякая надежда на выздоровленіе исчезла...

Преданіе говоритъ, что Петръ II подписалъ завѣщаніе, въ коемъ оставлялъ престолъ невѣстѣ своей. 19 Января, въ день, назначенный для брака его, юный монархъ, въ 2 часу пополудни, скончался. къ горести всѣхъ, на рукахъ князя Ивана и Остермана.

Потерявъ друга и благодѣтеля своего, князь Иванъ, убитый горестію, отравился домой почти въ безпамятствѣ. Дворецъ нанюхенъ былъ сановниками, которымъ князь Василій Лукичъ съ княземъ Василиемъ Владиміровичемъ и княземъ Головиннымъ объявили плачевную вѣсть, назначивъ съѣздъ ко двору чиновъ не ранѣе 9 часовъ утра.

Между-тѣмъ, собрался верховный тайный совѣтъ, исключая Остермана, который не явился.

Когда заняли мѣста по старшинству, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Канцлеръ графъ Головинъ, князь Дмитрій Михайловичъ

Голицынъ, князь Василій Лукичъ Долгорукой, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой — то, по предложенію князя Василія Лукича, съ общаго согласія, пригласили двухъ генераль-фельд-маршаловъ для совѣстнаго присутствія: князя Василія Владиміровича и князя Михайла Михайловича Голицына. Когда тѣ вошли, Головиниъ сказалъ, что хотя Голицынъ старше Долгорукаго по службѣ, но Долгорукой, какъ подполковникъ Преображенскаго полка, старше подполковника Семюповскаго полка.

На это Долгорукой сказалъ, что теперь не время спорить о старшинствѣ и уступилъ мѣсто Голицыну, который хотѣлъ сѣсть первымъ послѣ Головина, чему всѣ члены воспротивились, напомиа ему, что онъ не членъ совѣта, а только приглашенный совѣтомъ.

Когда кашдерь спросилъ, кого возвести на престолъ, то князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой всталъ и предъявилъ завѣщаніе (такъ гласитъ преданіе), подписанное Петромъ II въ пользу невѣсты государя. Тогда князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ сталъ оспаривать подлинность завѣщанія; Долгорукой, въ доказательство его подлинности, приводилъ свидѣтелей: Остермана, духовника, князя Василія Лукича и прот., до 10 человекъ присутствовавшихъ при подписаніи, въ томъ числѣ и доктора.

Князь Василія Лукичъ привсталъ и сказалъ: «Это уже слишкомъ дерзко — оспаривать то, что въ нашихъ глазахъ случилось; можно представить всѣхъ свидѣтелей, да и руку императора мы знаемъ».

Тогда князь Михайло Михайловичъ Голицынъ сказалъ: «Что рука императора — въ томъ спорить нечего; но завѣщаніе тогда-бы дѣйствовало, когда-бы княжна была коронована; а обрученіе не есть вѣчаніе на царство», и что онъ весь свой Семюповскій полкъ въ штыки подыметъ.

Тогда князь Василія Владиміровичъ привсталъ, просилъ остановить споръ и сказалъ: «Ни когда Долгорукие не допустятъ между усобной брани между народомъ русскимъ, ради своего возвеличенія».

Послѣ этого князь Алексѣй Григорьевичъ положилъ завѣщаніе въ карманъ.

Головиннѣ повторилъ: «Кого возвести на престолъ?»

Князь Алексѣй Григорьевичъ сказалъ: «Такъ исполнить завѣщаніе Екатерины I.»

На что князь Василій Владиміровичъ сказалъ: «Надо намъ ѣхать за море, когда у насъ царица Евдокія Феодоровна здравствуетъ.»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Вотъ уже хотите монастырь возвести на престолъ.»

Тогда князь Василій Лукичъ, забывъ, что время и лѣта измѣняютъ человѣка, и вспомя только минутную благосклонность, нѣкогда оказанную ему въ Митавѣ, предложилъ избрать вдовствующую герцогиню курляндскую, говоря, что по отцѣ царь Іоаннъ, старшемъ братъ Петра I, ей слѣдуетъ; если осиринять духовную, такъ осиринять и всѣ, и выбрать по старшинству.

Тутъ князь Алексѣй Григорьевичъ сказалъ: «А Биронъ ей насъ всѣхъ и Россію разоритъ и погубитъ.»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Надо ограничить власть царскую.» — «Да», прибавилъ князь Василій Лукичъ: «и Бирона въ Россію не впускать.»

Графъ Головиннѣ сказалъ: «Этого у насъ нельзя.»

Князь Василій Владиміровичъ: «Какъ это можно!»

Князь Михайло Владиміровичъ: «Сегодня вы его не увидите, а завтра онъ пріѣдетъ; а вы по дорожкѣ поѣдете, выбирать такъ выбирать безъ условій.»

Князь Михайло Михайловичъ: «Мы выберемъ, мы и можемъ при выборѣ дѣлать и должныя условія.»

Графъ Головиннѣ: «Не пригласить-ли Прокоповича?»

Князь Дмитрій Михайловичъ: «Вотъ еще! она къ намъ!»

Князь Алексѣй Григорьевичъ сказалъ: «Ограничивать Анну Іоанновну нельзя; она все уничтожитъ, ибо она имѣетъ полное право себя считать не по выбору императрицей, а по праву старшинства отца своего. Въ такомъ случаѣ одно сред-

ство: выбрать царицу Евдокію; она подишетъ условія, она набожна, не уничтожить, а послѣ нея, согласно духовному завѣщанію Екатерины I, вынестъ принца, малолѣтняго герцога голштейнскаго, царствовавшаго потомъ подъ именемъ Петра III, крестить и воспитать его здѣсь, а когда умретъ царица, то правленіе достанется ему же ограниченнымъ.»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Скорѣе согласится съ княземъ Лукичемъ!»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Вдовствующая герцогиня, по дальшему разстоянію отъ столицы, скорѣй подишетъ условія.» Послѣ долгихъ споровъ и преній верховный тайный совѣтъ положилъ:

I. Учредить правленію монархическое, ограниченное слѣдующей хартіей:

1) Управлять государствомъ съ согласія Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ коемъ царствующей особѣ председательствовать и всѣ дѣла рѣшать по большинству голосовъ.

2) Безъ согласія этого совѣта не объявлять войны, не заключать мира.

3) Безъ совѣта не налагать податей.

4) Не раздавать государственныхъ должностей безъ совѣта.

5) Не казнить дворянъ безъ опредѣленія совѣта.

6) Не отписывать частныхъ имѣній въ казну и казенныхъ не раздавать частнымъ людямъ безъ совѣта.

7) Не вступать въ бракъ безъ согласія совѣта.

8) Не назначать себѣ преемниковъ безъ совѣта.

II. Предложить вдовствующей герцогинѣ курляндской взойти на престолъ, буде она согласна подписать и принять эту хартію Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Это постановленіе послано было, съ княземъ Васильемъ Лукичемъ, на домъ для подписанія Остерману; но тотъ отказался читать, будто по болѣзни глазъ, а когда Лукичъ прочелъ ему, то тотъ вдругъ застоналъ, жалуюсь на подагрическую ложную боль рукъ, и не подписалъ.

Въ 9 часовъ собраю духовенство, сенать и генералитетъ во дворець.

Слѣдовало бы совѣту объявить свое постановленіе, и до полученія согласія Анны Іоанновны—учредить временное правленіе.

Но совѣтъ поступилъ иначе; отчего и палъ. Онъ просто послалъ канцлера Головина объявить объ избраніи на всероссійскій престолъ Анны Іоанновны; а между-тѣмъ, преосвященному приказано было, до полученія отъ нея отвѣта, на эктениі поминать о здравіи усоннаго императора, тогда какъ вся Москва знала о его кончинѣ. Это породило толки, волненіе, преувеличенные слухи, какъ это, обыкновенно, бываетъ въ такихъ случаяхъ.

Въ этотъ же день изъ Москвы въ Митаву отправились депутаты: отъ Совѣта—князь Василій Лукичъ; отъ Сената (надо замѣтить *отъ имени Сената*, тогда какъ онъ въ сужденіяхъ не участвовалъ),—князь Михайло Михайловичъ Голицынъ и отъ дворянства (которое тоже не могло посылать; посылалъ совѣтъ) — генералъ-маіоръ Михайло Ивановичъ Леонтьевъ.

Это ложное посольство рѣшительно имѣло видъ заговора. Если Совѣтъ рѣшился выбрать самъ собой, безъ приглашенія духовенства, Сената и дворянства, то ему слѣдовало и посылать только отъ себя, а это посольство явно обнаруживало то, что совѣтъ самъ сознавалъ: что онъ безъ Сената и дворянства не имѣлъ права сдѣлать выбора.

Составились двѣ партіи: одна партія хотѣла возстановить самодержавіе; ею руководилъ Остерманъ и тайно держался канцлеръ Головинъ, для чего зять его, Ягужинскій, послалъ къ Аннѣ Іоанновнѣ своего адъютанта, Сумарокова, сказать, чтобы она непремѣнно согласилась на всѣ условія; что стоитъ только ей пріѣхать, такъ все будетъ готово къ возстановленію самодержавія; за что онъ чуть-чуть не потерялъ головы на плахѣ, ибо члены верховнаго тайнаго совѣта узнали объ этомъ. Впрочемъ, Анна Іоанновна, еще до прибытія Сумарокова, все уже знала, чрезъ агента своего, барона Левенвальда. Другая

партія, предводимая княземъ Каптемиромъ, хотѣла, чтобы хартія была пересмотрѣна депутатами, съ каждой фамиліи по два лица; — и въ то время, какъ получено было совѣтомъ согласіе Анны Іоанновны, князь Каптемиръ лично явился и подалъ верховному тайному совѣту очень дѣльную просьбу о допущеніи пересмотра хартіи особому комитету, по два лица изъ каждой фамиліи.

Князь Алексѣй Григорьевичъ боялся, что во время пересмотра хартіи явится Биронъ; а Головинны, имѣя въ виду возстановить самодержавіе, сложили товарищей отказать Каптемиру въ просьбѣ, объявля, что какъ согласіе уже получено, то безъ императрицы сдѣлать этого нельзя, и съ просьбой о пересмотрѣ хартіи надо обратиться къ ней самой.

Въ это самое время князь Алексѣй Григорьевичъ получилъ за себя и сына, пожалованные имъ одновременно по 20 т. руб. сер. указомъ еще 1729 г. 24 Ноябри. Этого не слѣдовало-бы дѣлать: хотя ему деньги эти и пожалованы были, но онъ, какъ членъ совѣта, зналъ, что государь умеръ, а отъ новой императрицы не было еще согласія, и потому брать ихъ не надо было; тѣмъ болѣе, что и князь Иванъ этого не хотѣлъ.

Въ это время Анна Іоанновна прибыла въ село Всесвятское (10 Февраля), гдѣ ей члены верховнаго тайнаго совѣта и генералитетъ представлялись. При этомъ она сказала князю Ивану Алексѣевичу: «Вы — любимецъ покойнаго императора, очень рада васъ видѣть, но извините: я васъ и вашего фельдмаршала оставляю при себѣ, и вмѣсто васъ, изъ Преображенскій полкъ назначаю генерала Салтыкова».

11 Февраля государыня получила отъ княжны Екатерины Алексѣевны прошеніе «словомъ и дѣломъ» на Долгорукихъ, что они ее до сихъ поръ именуютъ высочествомъ и на актеціи поминаютъ, которымъ княжна просила государыню имъ это запретить.

12 Февраля погребли императора, и князь Алексѣй Гри-

горьевичъ съ этого дня не присутствовалъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, а уѣхалъ въ свое село Горенки.

15 того же мѣсяца императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Москву. Это былъ послѣдній день, въ который князь Иванъ командовалъ гвардією; на другой день, съ согласія верховнаго тайнаго совѣта, генералъ-лейтенантъ Салтыковъ назначенъ подполковникомъ Преображенскаго полка.

Всѣ дѣйствія императрицы были по совѣту Остермана, который чрезъ жену свою съ ней переписывался.

Князь Василій Лукинъ помѣстился во дворцѣ, возлѣ кампаты императрицы, и никого не допускалъ говорить съ нею наединѣ, даже августѣйшихъ сестеръ ея величества. Такое тягостное положеніе выудило-бы хоть кого на рѣшительныя мѣры и родило въ императрицѣ неприязнь къ Долгорукимъ.

20 Февраля она видѣлась съ княжною Екатериною Алексѣевною, въ присутствіи Лукина.

Княжна кинулась цѣловать руку императрицы, та отняла ее и поцѣловала княжну въ плечо.

«Ваше высочество, я получила ваше письмо, но вамъ ближе было обратиться въ верховный тайный совѣтъ: ибо титулъ вамъ данъ покойнымъ императоромъ и имъ же васъ велико было почитать на эктениі». Княжна въ слезахъ просила ея покровительства.

«Такъ поѣзжайте, княжна, въ Митаву; я вамъ тамъ дамъ жениха; дѣло все забудется и вы будете счастливы».

«Ваше величество! мнѣ ли думать о женихѣ, когда я такъ недавно потеряла моего государя и благодѣтеля?» «Эта мѣра единственная умная со стороны вашей, она доказала бы вамъ ваше истинное желаніе угодить намъ и предать все забвенію».

Княжна не согласилась, императрица простилась съ нею; такъ они и разстались.

Надо тутъ объяснить, что со дня смерти императора штатъ невѣсты его самъ разбрелся; но она нѣсколько времени еще жила въ Головинскомъ дворцѣ и караулъ стоялъ. Наканунѣ погребенія она перѣехала къ отцу въ домъ, но всѣ ея назы

вали «ся высочествомъ» — Верховный тайный совѣтъ, а духовенство изъ недоумѣнія, не имѣя отмѣны, поминали ее послѣ всѣхъ.

24 Февраля верховнымъ тайнымъ совѣтомъ былъ назначенъ во дворцѣ объединенный столъ, но никто не явился.

Въ этотъ день преображенскій полкъ былъ въ караулѣ. Салтыковъ, по инструкціи Остермана, удвоилъ вездѣ караулы и имѣлъ ружья заряженныя.

Князь Черкасской, прикидываясь принадлежащимъ партіи, желавшей пересмотра хартіи, взялъ сочиненное княземъ Кантемиромъ прошеніе, имѣя у себя за пазухой другое, сочиненное Остерманомъ, въ которомъ заключалась просьба принять самодержавіе, уничтожить верховный тайный совѣтъ и учредить, вмѣсто высокаго, правительствующій сенатъ.

Партія Кантемира вовсе не знала, что партія Остермана желаетъ самодержавія; руководимая князьями Черкасскимъ и Барятинскимъ, она присоединилась къ Остермановской, состоявшей изъ 300 бѣдныхъ, безимѣстныхъ дворянъ и дѣтей дворянскихъ, руководимыхъ графомъ Матвѣевымъ. Соединившись, обѣ партіи отпразднели въ Успенскій соборъ службу молебень.

Изъ собора онѣ прямо отпразднели во дворецъ, гдѣ ожидалъ ихъ Салтыковъ.

Въ этотъ день во дворецъ изъ Долгорукихъ только и были: князь Василій Лукичъ да князь Михайло Владиміровичъ.

Видя явившуюся денутацію, члены верховнаго тайнаго совѣта поняли угрожающую имъ опасность и ужаснулись, а князь Дмитрій Голицынъ сказалъ: «Господа, ширь изготовленъ, закуска подана, но гости не явились; чувствую, что бѣда обрушится на моей головѣ, но я старъ, и тѣ, которые переживутъ меня, будутъ горько плакать».

Когда Салтыковъ ввелъ въ залу приходившихъ, императрица вышла. Князь Черкасской подалъ ей прошеніе, сочиненное Кантемиромъ; дойдя до словъ: «просить выбрать по два члена изъ каждой фамиліи для пересмотра условій», она нахмури-

лась; тогда князь Черкаской, выпувъ нѣ-запазухи другое прошеніе подалъ ея императрицѣ, которая громко прочла его; послѣ чего графъ Матвѣевъ именемъ всего дворянства просилъ ее исполнить прошеніе и принять самодержавіе. Обманъ поразилъ всѣхъ; государыня обратилась къ Матвѣеву и спросила:

«Развѣ условія, предложенныя мнѣ въ Митавѣ, не были изъявленіемъ желанія всѣхъ сословій?» «Нѣтъ, государыня», отвѣчалъ Матвѣевъ: «верховный тайный совѣтъ дѣйствовалъ вопреки желанія всѣхъ сословій».

Члены верховнаго тайнаго совѣта молчали, вмѣсто того, чтобы говорить какъ слѣдовало-бы. Государыня приказала принести актъ. Членамъ совѣта самимъ-бы слѣдовало принести его, а они допустили князя Черкаскаго пойти въ совѣтъ, сломать замокъ и принести актъ.

Салтыковъ взялъ его отъ Черкаскаго — началъ читать по пунктамъ. Государыня послѣ каждаго спрашивала: «Согласны-ли?» и толпа изъ 300 человекъ ревла: «Нѣтъ!» По прочтеніи, Салтыковъ разорвалъ актъ въ мелкіе куски, а государыня, объявивъ, что принимаетъ самодержавіе, обратилась къ князю Василью Лукичу и сказала: «Такъ ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ?»

Въ этотъ же день послали Бирону каммергерскій ключъ и Александровскую ленту, съ просьбою пріѣхать въ Россію.

Какъ скоро Биронъ прибылъ въ Москву, началось гоненіе на Долгорукихъ.

Десятилѣтнее правленіе Анны Иоанновны, съ 1730 г. по 1741 г. представляетъ двѣ противоположныя картины: съ одной стороны, извѣтъ, оно ознаменовано непрерывными побѣдами. По смерти Августа II, короля польскаго, русскія войска вступили въ сердце Польши и возвели на престолъ, подъ именемъ Августа III, законнаго наследника престола, сына умершаго короля, изъ Польши изгнавъ Станислава Лещинскаго, котораго поддерживала Франція. Затѣмъ мы видимъ побѣды надъ турками въ Крыму и въ Молдавіи—взятіе Очакова.

Съ другой стороны, внутри и при дворѣ, государство сильно страдало отъ злобнаго времешника Бирона, разорявшаго Россію своимъ корыстолюбіемъ, угнетавшаго всѣхъ своимъ необузданнымъ сомовлстіемъ. пытки, казни были безпрерывныя, но однимъ подозрѣніемъ или доносамъ, и, болышею частію, безъ вѣдѣнія государыни; только клеветы Бирона были ограждаемы отъ нихъ.

За невзысканіе податей, онъ вынисывалъ земскихъ чиновниковъ и, раздѣвъ ихъ на морозѣ, обливалъ холодною водою, пока они не обращались въ ледяную статую. Этому извергу рода человеческого удалось даже по смерти императрицы захватить кормило правленія въ свои руки.

Времешникъ этотъ, происхожденіемъ курляндскій конохъ, за котораго, до прибытія его въ Россію, ни одна курляндская фамилія не отдала-бы своей дочери, поднялъ на Долгорукихъ гоненіе.

По прибытіи его въ Москву, объявлено было, что если кто имѣеть жалобу на Долгорукихъ, то приносилъ-бы таковую. Друзей же Долгорукихъ Биронъ, кого ласкою, а кого пыткою, лично сталъ обо всемъ вышывывать.

Того же 1730 г. Апрѣля 8 дня инявнымъ указомъ назначены.

Князь Василій Лукичъ губернаторомъ въ Сибирь, князь Михайло Владиміровичъ губернаторомъ въ Астрахань, князь Иванъ Григорьевичъ воеводою въ Вологду.

Но такъ-какъ никто съ жалобами не являлся, то, по ходатайству Бирона, наряжена была слѣдственная коммисія, состоящая изъ него самого, Салтыкова и князя Черкаскаго. Остерманъ отъ этой коммисіи отказался. Преданіе говоритъ, что онъ лично представлялъ государынѣ и въ присутствіи ея спорилъ съ Бирономъ, что Долгорукихъ, удалъ отъ двора, слѣдуетъ оставить въ покоѣ. Даже официально извѣстно, что онъ не принялъ и формально отказался отъ имѣнія, отписаннаго отъ Долгорукихъ, изъ коого часть ему была пожалована. Прошеніе его до-сихъ-поръ сохранилось.

Князя Алексея Григорьевича и сына его князя Пвана Алексеевича обвиняли въ незаконномъ полученіи вышеупомянутыхъ 10 тысячъ рубль и, сверхъ того, требовали отъ нихъ возрата всѣхъ пожалованныхъ невестъ брилліантовъ и уплаты всѣхъ денегъ, употребленныхъ по волю покойнаго императора, на обрученіе издержанныхъ и, со дня обрученія, на бывшіи штатъ княжны, тоже утвержденный покойнымъ императоромъ. Всѣ эти издержки признаны были за лихоимство.

Мѣжду-тѣмъ, Шереметевы не откладывали брака сестры своей съ княземъ Пваномъ Алексеевичемъ, но, вида неизмѣнное намѣреніе ея, принуждены были согласиться. Это еще болѣе озлобило Бирона и усилило зависть и опасенія враговъ Долгорукихъ. Старшій братъ Натальи Борисовны Шереметевой, въ домъ котораго она жила, былъ боленъ; другой ея братъ, жившій въ другомъ домѣ, лежалъ въ оспѣ, а прочая родня и всѣ пріатели Шереметевыхъ отступились отъ нея; никто даже не хотѣлъ ѣхать проводить невесту въ церковь. Наконецъ, двѣ вдовы-старушки, ея свойственницы, согласились проводить ее къ вѣнцу. Надо было ѣхать за 15 верстъ отъ Москвы въ деревню, гдѣ жило семейство Долгорукихъ со дня вѣзда Анны Иоанновны въ Москву. Какая разница была между обрученіемъ и свадьбою! тамъ всѣ кричали: «Ахъ какъ она счастлива!» а тутъ всѣ провожали со слезами. Наталья Борисовна пріѣхала заплаканная, въ сопровожденіи двухъ вдовъ въ одной каретѣ, но Долгорукіе были всѣ, исключая фельд-маршала; пріѣхало еще изъ Москвы нѣсколько особъ, посланныхъ Бирономъ; и въ числѣ ихъ былъ какой то крекетъ его Николай Федосеевичъ Мясоѣдовъ.

Вѣпчаніе совершено было въ домовой церкви, послѣ этого былъ обѣдъ. Когда вышли за здоровье молодыхъ, матери и отца жениха, фамиліи Шереметевыхъ и за благоденствіе Россіи и, быть можетъ, заговорили-бы свободно, то Мясоѣдовъ, какъ будто сироста, сказалъ: «и забыли, ваши свѣтлости, здоровье главной хозяйки, и за царицу не выкушали.» На что князь Пванъ Алексеевичъ сказалъ: «Будетъ ли это государы-

нѣ пріятно?» а князь Алексѣй Григорьевичъ прибавилъ: «Что мы, Долгорукіе, ей здоровья желаемъ, это доказываетъ то, что мы ее выбрали, иначе—бы ей какъ ушей своихъ не видать престола».

Князь Николай Алексѣевичъ перебилъ его и сказалъ: «Не прикажете-ли пить еще здоровье его иѣмецкаго высочества (такъ Бирона тогда звали)?»

За что княжна Екатерина Алексѣевна вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Владиміровичемъ крикнули на князя Николая: «Молчи, Николай!» а послѣдній прибавилъ: «ѣтъ пирога съ грибами, а держи языкъ за зубами».

Биронъ, разумѣется, все узналъ, и еще, быть можетъ съ прибавленіями, потому что на другой же день онъ, между прочимъ, писалъ къ Салтыкову: «Угощу же я ихъ свадебною конфектою».

На третій день, когда молодые собрались было ѣхать съ визитами, пріѣхалъ секретарь сената, объявилъ указъ князю Алексѣю Григорьевичу, отъ 9 Апрѣля 1730 г., чтобы съ сыновьями и дочерьми, и брать его Сергій Григорьевичъ съ семействомъ, ѣхали въ дальнія деревни и жили тамъ до указа. На сборы ихъ всего назначено было три дня. Князю Григорью Алексѣевичу для жительства назначено было село Никольское, его вотчина Пензенской губерши.

Не взирая на это, князь Иванъ Алексѣевичъ, по просьбѣ своей супруги, поѣхалъ съ нею дѣлать визиты; но они у князя Сергія Григорьевича застали уже всѣхъ Долгорукихъ, съѣхавшихся и уже собиравшихся въ дорогу, и тѣ дали молодымъ совѣтъ ѣхать домой да собираться. Съ этой минуты Долгорукіе другъ друга не видали.

Когда молодые вернулись, у нихъ всѣ укладывались; всякой думалъ о себѣ. Князь Иванъ Алексѣевичъ отдалъ все на волю жены своей, а та, по неопытности, не взирая на то, что золовки ее очень много съ собой брали брилліантовъ, золота и серебра, но карманамъ, напротивъ, все отослала къ брату своему,

даже всё шубы мужа, оставя ему крымскій тулупъ, да себѣ простую шубу и два черныя платья, такъ-какъ въ это время носили трауръ по Петрѣ II, да одну золотую табакерку отпусти.

Изъ присланныхъ ей на дорогу братомъ ея, Шереметевымъ, 1000 р. сер., она взяла 400, а остальныя съ вещами отослала брату обратно.

9-го Апрѣля 1730 г. князя Алексѣя Григорьевича велѣно послать воеводою по назначенію сепата.

1730 г. 14-го Апрѣля указомъ, а затѣмъ манифестомъ велѣно :

Князя Василія Лукича, по лишеніи всѣхъ чиновъ и орденовъ, содержать въ дальней его деревнѣ подъ карауломъ и послать его туда съ офицеромъ и командою. И со всѣхъ лицъ семействъ князей Алексѣя и Сергѣя Григорьевичей снять ордена и чины.

Затѣмъ мы выищемъ подлинныя слова княгини Наталіи Борисовны изъ ея записокъ, чтобъ опровергнуть выдумки Фурмана :

«И такъ, мы, собравшись, поѣхали; съ нами было собственннхъ людей 10 человекъ да лошадей его любимыхъ «верховыхъ пять. И дорогою уже узнала, что я на своемъ «конѣ ѣду, а не на общемъ; ѣдемъ въ незнакомое мѣсто, и «путь, въ самый разливъ въ Апрѣль мѣсяцъ, гдѣ всё дуга «шотоплелетъ вода и маленькіе разливы бывають озерами; а «ѣхать до той деревни, гдѣ намъ жить, восемьсотъ верстъ. «Изъ моей родни никто ко мнѣ не поѣхалъ проститься, или «не смѣли, или не хотѣли — Богъ то разсудить; а только «со мной поѣхали моя мадамъ, которая за маленькой за мной «ходила, иноземка, да дѣвка, которая при мнѣ жила: я и «тѣхъ была рада. Мнѣ какъ ни было тяжело, однако принуж- «дена духъ свой стѣснять и скрывать свою горестъ для милого «мужа; ему и такъ тяжело, что самъ страждетъ, при томъ «же и меня видить, что его ради погибаю. Я въ радости не «участица была, а въ горести мнѣ товарищъ да еще всѣмъ

«меньшая, надобно всякому угодить. И надѣялась на свой справъ, что и всякому услужу. И такъ, куда мы прѣдемъ на стагъ, пондемъ закунать свию, овесь лошадамъ; стала уже си и въ экономію входить; вижу, что денегъ много идетъ; смужъ мой пойдетъ смотрѣть, какъ лошадамъ кормъ задаютъ, си я съ нимъ, отъ скуки что было дѣлать? Да эти лошади справо и стояли того, чтобъ за ними смотрѣть; ни прежде, си послѣ такихъ красавицъ не видала; когда-бъ я была жи-«вописецъ, не устыдилась-бы ихъ портреты написать.

«Дняосто переть отъ города какъ отъѣхали, первой «провинціальный городъ; тутъ случилось намъ обѣдать, вдругъ «явился капитанъ гвардіи, объявляетъ намъ указъ: велѣно-де «съ васъ кавалеріи снять, въ столицъ, знать, стыдился такъ «безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой! ка-«кое это ихъ правосудіе! мы отдали тотчасъ съ радостію, «чтобъ ихъ споконтъ, думали, они тѣмъ будутъ довольны, «что обруганы и сосланы: нѣтъ, у нихъ не то на умѣ! По-«сѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми «степями; никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелы; «скучера только знаютъ, какъ по городу провезти; настала «насъ ночь, принуждены стать въ ноль, а гдѣ? — не знаемъ: «на дорогъ ли, или свернули—никто незнаеть, потому что «нисе воду объѣзжали. Стали тутъ и палатки поставили. На-«добно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣе постав-«лена; потому что лучшее мѣсто изберутъ свекру, побли-«зости къ золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы буд-«сто иной партіи, послѣднее мѣсто намъ будетъ. Стучалось и «въ болотъ; какъ постелю снимутъ, мокра, а банники иногда «полны воды. Эго мнѣ очень памятно, что весь лугъ быть «зеленый, травы не было иной, какъ только чеснокъ полевой, «си такой былъ духъ тяжелый, что у всѣхъ головы болѣли: «си когда мы ужинали, то долго смотрѣли на мѣсяцъ и пошли «спать. Ноутру, какъ мы встали и свѣтъ насъ освѣтилъ, «судивляясь сами, гдѣ мы стояли: въ самомъ болотѣ и на до-«рогъ; какъ насъ Богъ помиловалъ, что мы гдѣ не увязли

«почью, насилу отудова выбились на прямую дорогу. Маленькая у нас утѣха была псовая охота. Свекоръ превеликій «охотникъ былъ; гдѣ случится какой пересочекъ, мѣсто для «нихъ покажется хорошо, верхами слдуть и повдуть, пустять «гончихъ; только прохождение было время. или сказать, скукъ. «А я останусь одна, утѣшу себя: дамъ глазамъ своимъ волю «и плачу, сколько хочю.

«Въ одинъ день такъ случилось: мой товарищъ повѣхалъ «сверхомъ, а я осталась въ слезахъ. Очень уже поздно, стало «смеркаться, и гораздо уже темно, вижу противъ меня ска- «чуть двое верховыхъ: стой! Я удивилась: слышу голосъ «мужа моего съ меньшимъ братомъ, который весь мокръ. Го- «ворить мнѣ мужъ: «Вотъ онъ избавилъ меня отъ смерти». «Какъ же я испугалась! «Какъ же мы повѣхали отъ насъ и «все разговоривали и сблизилъ съ дороги; видимъ мы, за нами «никого нѣтъ; вотъ мы по лошадямъ ударили, чтобъ скорѣ «кого своихъ навѣхать; видимъ, что поздно; прѣхали къ ру- «чью, казался очень мелокъ, мой мужъ хотѣлъ напередъ вѣхать «спробовать, какъ глубоко. Онъ-бы конечно утонулъ, потому «что тогда подъ нимъ лошадь была неповорная, а онъ былъ «въ шубѣ; братъ его удержалъ, говоритъ: «Постой! на тебѣ «шуба тяжела, а я въ одномъ кафтанѣ; подо мною же и лошадь «добра, она меня вынесетъ, а послѣ вы переѣдите». Выговоря «это, тронулъ свою лошадь; она передними ногами ступила «въ воду, а задними уже не успѣла, какъ ключъ ко дну; такъ «круто у берега было и глубоко, что не могла лошадь задними «ногами справиться, одна только шляпа поплыла, однако она «очень скоро справилась: лошадь была поворная, а онъ «крѣпко на ней сидѣлъ, за гриву ухватился. Но счастье ихъ, «человѣкъ, который отставалъ отъ нихъ, нагналъ ихъ и, види «въ такой бѣдѣ, тотчасъ кафтанъ долой, бросился въ воду; «онъ умѣлъ плавать, ухватилъ за волосы и притащилъ къ «берегу. И такъ Богъ его спасъ живогъ, и лошадь выплыла. «И испугалась: и плачу, и дрожу вся; побожилась, что я его «сверхомъ никогда не пунцу; сиѣшили скорѣ доѣхать до «мѣста, на силу его отогрѣли, въ деревню прѣхавши.

«Послѣ, нѣсколько дней спустя, пріѣхали мы почевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣчка прешироваая; только что мы расположились, палатки споставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, всей деревней, валяются въ ноги, плачутъ просятъ: «спасите насъ! сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ намъ пріѣхать, насъ всѣхъ побить до смерти, а деревню сжечь; помогите вы намъ! у насъ есть ружья; избавьте насъ отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ кромѣ топоровъ ничего нѣтъ; здѣсь воронское мѣсто; на этой недѣлѣ деревню въ сосѣдствѣ совсѣмъ разорили; мужики разбѣжались а деревню сожгли.» Ахъ, Боже мой! какой же на меня страхъ пришелъ; боюсь до смерти разбойниковъ, спротиву, чтобъ уѣхать отсюда, никто не слушаетъ меня; всю ночь не спали, пули лили, ружья заряжали и готовились на драку; однако, Богъ избавилъ насъ отъ той бѣды; можетъ быть, они и подвѣзжали водою, да боялись, видя такой великій обозъ, или и не были. Чего-же мнѣ эта ночь стоила! оно знаю, какъ пережила, рада свѣту дождалась. Слава Богу! уѣхали. И такъ мы три недѣли путались, и пріѣхали въ свои деревни, которыя были на половинѣ дороги,—гдѣ намъ опредѣлено было жить.

«Пріѣхавши, мы расположились на нѣсколько времени прожить, отдохнуть намъ и лошадямъ: я очень рада была, что въ свою деревню пріѣхали. Казна моя уже очень истощалась; думала, что моимъ расходамъ будетъ пережѣна, не все буду покупать, но—крайней—мѣрѣ лошадямъ не куплю; однако, не долго объ этомъ думала; не больше мы трехъ недѣлей тутъ прожили...» (1)

Это была деревня родовая Касимовскаго уѣзда, а не дальняя деревня, гдѣ имъ указомъ велѣно было жить; ошибка была очень важная; можно было остановиться тамъ отдохнуть

(1) Полныя записки Натальи Борисовны напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», 1867 года, издав. П. Бартепенымъ, по рукописи, доставленной сенаторомъ Д. И. Долгорукимъ. Примѣч. К. В. Д.

на день, но не на несколько недель. Объявить пребывание в Касимовъ тотчасъ донесли Бирону, онъ государыню и вышлн два указа.

Указомъ отъ 8 Мая велѣно князя Михаила Владиміровича, губернатора, отставить отъ службы и ѣхать ему жить въ Боровскую его деревню и жить тамъ во всякой тишости, не выезжая никуда безъ указа.

А указомъ отъ 12 Іюня велѣно семейство князя Алексея Григорьевича, за то, что оно не въ назначенномъ мѣстѣ жило, сослать въ Борозовъ.

Вотъ продолженіе записокъ княгини Натальи Борисовны:

«Только что мы отобѣдали — въ этомъ селѣ была дождь господскій и окна были на большую дорогу — взглянула я въ окно, вижу пыль великую по дорогѣ; видно издавеча, что очень много ѣдутъ. Какъ стали подъѣзжать, видно, что все телеги парами, позади колеска; все наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ, въ конскѣ офицеры гвардіи, а по телегамъ солдаты, 24 человека. Тогдашъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злобі на насъ не уменьшается, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была! сунала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ.

«Я уже ни чего незнаю, что они объявили сверку, а только спомню, что я ухватилась за своего мужа и не опускала отъ себя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великій плачь сдѣлался въ домъ нашень; можно-ли ту бѣду описать? «Я не могу ни у кого допроситься, что будетъ съ нами, не разлучатъ-ли насъ; великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ все съ квартиру, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, все хотѣть быть съ нами неразлучно; женщины, у коихъ слабая сердца, съ кричать, плачуть. Боже мой! какой же ужасъ! какъ-бы сварварь, глядя на это жалкое позорище, умилосердилса. Насъ уже на квартиру не опускаютъ; какъ я въ предѣ писала, что мы вездѣ на особенныхъ квартирахъ стояли такъ во

«сѣстались въ одномъ домѣ, мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у стѣхъ дверей часовыхъ съ примкнутыми штыками. Боже мой, какой это страхъ! я отъ роду ничего подобнаго этому невидѣла и неслыхала. Велѣли наши командиры кареты закладывать; видно, что хотятъ насъ вести, да не знаемъ куда; я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

«Войдите въ мое состояніе, каково мнѣ тогда было! только меня и ободряло, что онъ со мною, и всѣ, видя меня въ такомъ состояніи, увѣряютъ, что съ нимъ неразлучна буду. Я бы хотѣла самаго офицера спросить, да онъ со мною не говорить, кажется неприступный, придетъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я сижу, поглядитъ на меня, плечами пожметъ, вздохнетъ и прочь пойдетъ, а я спросить его не осмѣлилась. Вотъ уже къ вечеру велѣтъ намъ въ карету садиться и ѣхать. Я опомнилась и послала просить офицера, чтобъ меня отпустили на квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла — и два солдата за мною. Я не помню какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла съ нимъ поговорить и свѣдать, чтѣ съ нами дѣлается, а солдаты тутъ, ни шагу отъ насъ не отстаютъ, подумайте, какое жалостное состояніе! и такъ я ни чего незнаю, чтѣ далѣе съ нами будетъ. Мои домашніе собрались; я уже ничего незнаю, они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить; а солдаты всѣ за нами поѣхали. Тутъ уже онъ мнѣ объявилъ: офицеръ объявилъ, что велѣно насъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальніе города, куда—не велѣно сказывать. Однако, свекоръ мой умилоствилъ офицера и привелъ его на жалость; сказалъ, что насъ везутъ въ острогъ, который отстоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ ни кого не допускать, и никуда, кромѣ церкви; переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумага и чернила намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; лишилась дома своего и всѣхъ родныхъ оставила своихъ; я же не буду и

«слышать объ нихъ, они будутъ жить безъ меня, брать мень-
«шій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестра маленькая
«осталась. Боже мой! какая это тоска пришла! жалость, срод-
«ство! кровь моя вся закинула отъ неспособности; думаю я: уже
«никого не увижу своихъ, буду жить въ страстѣи; кто мнѣ
«поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ вѣдать
«собо мнѣ, гдѣ я, когда я ни съ кѣмъ не буду имѣть переписки;
«хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто
«мнѣ не подастъ; а можетъ-быть, имъ тамъ скажутъ, что я
«уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ,
«и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться;
«съ этими мыслями ослабѣли все мои чувства, я оцѣмѣла, и
«послѣ полились слезы.

«Мужъ мой очень испугался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ
«сказать правду; боялся, чтобъ я не умерла; истинная его
«ко мнѣ любовь принудила духъ свой стѣснить, утаивать эту
«тоску. И перестала плакать и должна была еще его подкрѣп-
«лять, чтобъ онъ себя не скрушилъ; онъ всего свѣту дороже
«былъ. — Вотъ любовь до чего довела! все оставила: честь и
«богатство — и намъ другъ безъ друга жить нельзя. Я по сей
«часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ
«пропалъ; но благодарю Бога моего, что онъ мнѣ далъ знать
«такого человѣка, который того стоилъ, чтобы мнѣ за любовь
«жизнию своею заплатилъ. цѣлый вѣкъ страствовать и всякіи
«бѣды сносить; могу сказать, безвременныя бѣды. Послѣ
«услышине, ежели слабость моего здоровья допустить все ихъ
«описать. И такъ, насъ довели до города, я вся расплакана;
«свекоръ мой очень испугался, видя меня въ такомъ состояніи;
«однако: говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ терся
«съ нами и унтеръ-офицеръ; насъ уже поставили вмѣстѣ, а
«не на разныхъ квартирахъ и у дверей поставили часовыхъ съ
«сиримкнутыми штыками. Тутъ мы жили съ недѣлю, покажутъ
«сизготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все
«это было укасно, но должна была молчать. Моя воспитатель-
«ница, которой я отъ матери своей поручена была, не хотѣла

«меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако, не такъ случилось, какъ мы думали: принуждена меня покинуть. Она человекъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезуть, все тамъ прибирала, обивала стѣны, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобы я не простудилась, павильонъ поставила, чуланчикъ загоросдила, гдѣ намъ нить свое пребываніе, и все-то оплакивала.

«Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать: слюдей намъ дали для услуги десять человекъ, а женщинъ на каждую персону по человекъ, всего пять человекъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мнѣ отговорили; для себя включили въ то число свою, а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ; ни чего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я была и въ томъ согласится. Дѣвка моя плачетъ, нехочетъ отъ меня отстать; я ее уже просила, чтобы она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. Итакъ я хорошо собралась, ниже рабы своей не имѣла, денегъ не слопушки, сколько имѣла ихъ при себѣ моя воспитательница, соныя мнѣ отдала; сумма не очень была велика: шестьдесятъ рублей, съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, нѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко была рѣка отъ нашего дома; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, поэтому что дозволено было имъ насъ проводить; вошла я въ свою каюту; увидѣла, какъ онъ прибрау; сколько можно было помогала моему бѣдному состоянію, пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я ее уже въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ за друга за шею и такъ руки замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постели и мужъ мой надо мной стоитъ, держать за руку, дасть сплюхатъ ей рты, я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, ду-

«маю: еще хотя разъ увижу; ниже мѣста того знать: далеко
«суплыла. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было
«у меня на рукѣ; знать я его въ воду пустила, когда съ сво-
«ими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него,
«жизнь тратится; такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для
«одного человѣка; и такъ, мы плыли всю ту ночь. На другой
«день сдѣлался великій вѣтеръ, бури на рѣкѣ; громъ, молніи
«гораздо звонче на водѣ, ижели на землѣ, а я съ природы
«грому боюсь; судно вертится съ боку на бокъ, какъ громъ
«грянетъ—такъ и попадають люди; золовка меньшая очень боя-
«лась, та плачетъ и кричитъ. И думала свѣга представленіе
«принуждены были къ берегу пристать. И такъ въ страхѣ;
«безъ сна проводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла,
«мы поплыли въ путь и три недѣли вѣхала водою; когда по-
«года тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ къ своему чулашѣ;
«кѣгда плачу, кѣгда платки мою; вода очень близка; а иногда
«куплю осетра, на веревку его; онъ со мною радомъ плыветъ,
«чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною; а когда
«погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ
«голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на
«палубу и положить на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ
«слежу, покажетъ погода утихнеть, и покроютъ меня шубою....
«на водѣ вѣтры очень проникательны. Иногда и онъ для ком-
«саніи подлѣ меня садится. Какъ пройдетъ погода, отдохну,
«столько вѣтъ ничего не могла, все тошилось. Однажды, что
«съ нами случилось: погода жестокою подилась, а знающаго
«никого нѣтъ, кто-бы знать: гдѣ глубь, гдѣ мель и гдѣ мож-
«но пристать — ничего никто не знаетъ, а такъ все мужики
«набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ, и темно
«уже становится, ночь близка, не могутъ ни гдѣ пристать къ
«берегу: погода не допускаетъ. Якорь бросили среди рѣки въ
«самую глубь: якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда
«не пустил на верхъ, боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не
«задавили; люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ. кто
«воду выливаетъ, кто якорь привизываетъ, и такъ всѣ въ ра-

«боть. Вдругъ нечаянно притянули наше судно въ заливъ; ничто не успѣло, я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что; я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ, какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы: никто сказать не умѣетъ: сами не знаютъ. На одномъ берегу все березнякъ, такъ какъ подобно роицъ не очень густой: стала эта земля осѣдять и съ лѣсомъ нѣсколько сажень опускается въ рѣку или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ, и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подь самое наше судно, и такъ насть къ верху подыметъ, и въ тотъ ущербъ стаетъ. Это продолжалось очень долго; думали пѣть, что мы пропали; командиры наши советъмъ были готовы спасать свой животъ на слодкахъ, а насть оставить погибать. Наконецъ, уже столько много этой земли оторвало, что видно стало за оставшей самою малою частію земли вода; надобно думать, что озеро; когда-бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно намъ въ томъ озерѣ быть; вътеръ тогда былъ преужасный; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когда-бъ не самая милость Божія носѣщила. Вътеръ сталъ утихать и землю перестало срывать, и мы избавились той бѣды; вывхали на свѣту на свой путь, у самага зашва въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ;—однако, все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ мопмъ бѣдамъ былъ, на большія готовилась, для того меня Богъ и подѣршилъ.

«Доѣхали мы до города, гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада: думали такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ; не на то мнѣ судьба опредѣлила, чтобъ чоконтъся. Какая же это дорога? триста верстъ должно-бы переѣхать горами, верстъ по пяти на гору, и съ горы таже: оны-жъ такъ усыпаны дикимъ камнемъ, а дорожка табая узкая въ одну лошадь—только впряжено, что называется, гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы; ежели въ двѣ лошади впречь, то одна другую въ ровъ стяпетъ, оны же

«рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины, какъ въѣдешь на верхъ горы и посмотришь по сторонамъ, — неизмѣримая глубина: только видны одни вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу не видала. Эта каменная дорога, я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: «дайте отдохнуть!» никто не имѣетъ жалости, а спѣшать наши командиры, чтобъ домой возвратиться, и надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики, для приставища пробѣжающимъ и для корму лошадямъ. Чтò случилось: одинъ день весь шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы до ногъ съ насъ текло, какъ изъ рѣки вышли; коляски были маленькія; почти всѣ промокли, закрыться печъмъ, да и пріѣхавши на квартиру обсушиться негдѣ, потому что одна только хижина, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Со мною и тутъ несчастье пошустило. Повадка или привычка прямо ходить; меня за то съ малу били: ходи прямо. притомъ-же я роста была не маляго; какъ только въ эту хижину вошла. гдѣ намъ ночевать си черезъ порогъ переступила, упала назадъ и ударилась объ шатицу такъ крѣпко — а она была очесъ низка, — что я думала, что съ меня голова спала; мой товарищъ испугался: думалъ, я умерла; однако, молодость помогла мнѣ снести всякія бѣдственныя приключенія; а бѣдная свекровь моя такъ простудилась отъ этой мокроты, что и руки и ноги отцались, си черезъ два мѣсяца умерла. Не можно всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла; пускай-бы я одна въ страдавіяхъ была, товарища своего не могу видѣть безвинно-страдающаго.

«Сколько мы въ этой дорогѣ были нездѣль, не упомяну. Доѣхавъ до провинціального города того острога, гдѣ намъ опредѣлено жить, сказали намъ, что путь до того острога воюю и тутъ будетъ перемѣна: офицеръ гвардейскій поведетъ обратно, а насъ препоручитъ тутошняго гарнизона офицеру

съ командою 24 солдатъ. Жили мы тутъ подвѣю, покаиветь исправили судно, на которомъ намъ вхаты; сдали насъ съ срукъ на руки, какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умигчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: «Теперь-то вы потерпите всякаго горя; эти люди необычайные: они съ вами будутъ поступать какъ съ подлыми, ни какого снисхожденія отъ нихъ не будетъ». Итакъ мы все плакали, будто съ родимымъ разставались. Но-крайней-мѣрѣ, привыкли къ нему: какъ плохо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько сожвство было ему сурово съ нами поступать. Какъ несправилась съ сучномъ човый командиръ повелъ насъ туда; процессія была кирадная: за нами толпа идетъ солдатъ съ срукъами, какъ за разбойниками; я уже шла внизъ глаза пустя, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ преимуществво по этой улицѣ гдѣ насъ ведутъ. Принци мы къ судну; я ужаснулася, какъ увидѣла; великая разница съ прежнимъ: отъ небреженія дали самое худое, негодное, такъ по имени нашему судно; хотя бы на другой день пропасть: мы тогда назывались арестанты, шаго имени не было... что уже въ свѣтъ этого титула хуже? Такое намъ и почтене. Во всемъ суднѣ изъ пазовъ доски выпли, наскрозъ дыры сибтятся, и хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно стаетъ скрипѣть; что-же черное, законтѣлоо: какъ работники разкладывали въ печь огонь, такъ оно и осталосъ; самое негодное, ни кто-бы въ печь не вѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова, да какъ очень заторонили, по сибѣи долго насъ держать—какое случилось, такое и дали, а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобы насъ утопить! Одыко, какъ по воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

«Принуждены были новому командиру покоряться; все способы искали, какъ бы его приласкать—не могли найти, да въ комъ найти? Дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ човымъ! Какой этотъ глушый офицеръ былъ! изъ крестьявъ послужилъ чинъ капитана; онъ думалъ о себѣ, что онъ ве-

сликій человекъ, и сколько надобно насъ жестоко содержать
яко преступниковъ; ему казалось подло съ нами говорить;
однако, со всею свѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изоб-
разить жалко, сходственно-ли съ умнымъ человекомъ, въ
чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку да
«туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидеть! Я была всѣхъ
«моложе и невоздержна, не могу торить, чтобы несмѣяться,
«глядя на такую смѣшную позитуру; онъ это види, что я ему
«смѣюсь, какъ-то разъ пришлось ему примѣтить, говорить,
«смѣясь: «Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а
«то-бы я съ тобою сговорилъ!» Какъ мнѣ ни горько было, я
«старалась его ввести въ разговоръ, только больше онъ мнѣ
«ничего не сказалъ; подумайте: кто нашъ командиръ былъ,
«кому было препоручено! чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда-бъ мы
«что намѣрены были сдѣлать? чего они боялись? чтобъ мы
«не ушли? ему ли смотрѣть? Насъ не карауль ихъ держалъ,
«я держала насъ повинность папа; думали, что современемъ
«осмотрятся и обратятъ насъ въ первое наше состояніе. При-
«стоитъ же мѣшало много и фамилія — очень велика была. И
«такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ шли цѣлый мѣ-
«сяць до того города, гдѣ намъ жить.»

Между тѣмъ, какъ все это происходило, князь Федоръ Ва-
силевичъ, жившій подъ именемъ кунца Попова, тайно всту-
пилъ въ бракъ съ Марією Меншиковою. — Вотъ два письма
изъ Березова княжны Екатерины Алексѣевны.

Отъ княжны Екатерины Долгорукой, къ Софьѣ Ренкалецъ.

Березовъ, 1730.

«Письмо сіе несетъ вамъ, милая Софья, послѣднія желанія
скончавшейся вашей подруги, княжны Маріи М—вой, и пер-
вое пріѣзденіе повой вашей пріятельницы Екатерины Д—кой.
Ахъ, позволь мнѣ, любезная Софья, замѣнить мѣсто твоѣй
Маріи. Она всегда называла тебя *ты*, и я буду называть тебя
также, потому что Марія отказала мнѣ любовь твою. Ренка-

лецъ! мы не чужіе другъ другу. Когда я была невѣстою государя, и тогда ты пришла ко мнѣ просить за несчастную свою Марію. Ахъ! теперь я во сто разъ несчастіе Маріи, которая, по крайней-мѣрѣ, могла умереть въ объятіяхъ любви вѣрнѣйшей! Когда ты была у меня, тогда слезы состраданія соединили сердца наши. Я полюбила тебя, Софія, потому что ты въ горести своей могла позабыть, съ кѣмъ ты тогда говорила. Ты сказала мнѣ: «Ахъ, еслибъ вы знали Марію, которая сдѣлала-бъ честь всякому трону на свѣтѣ и которая теперь въ ссылкѣ!» Софія я узнала ее, узнала твою Марію; но, ахъ! къ сожалѣнію моему, узнала ужъ поздно; она теперь не только больше всякой царицы, но и счастливѣе; такъ, Ронкалецъ! осуши слезы свои: она счастливѣе меня!

«Бесомнѣнія, тебѣ извѣстна уже участь моя. Смерть государева изгнала-бы меня изъ свѣта, хотя-бы враги напи этого и не сдѣлали. Для меня все равно, гдѣ я не проведу остатокъ безутѣшной жизни моей. Фамилія наша разсѣяна. Батюшку, брата и меня выслали изъ Москвы съ жестокостію.

«Изъ Тобольска отправились мы водою по Иртышу и Оби въ Березовъ. И ничего не говорю тебѣ о чувствахъ моего батюшки, которыхъ, по крайней-мѣрѣ, не могъ онъ скрыть отъ глазъ любящей его дочери. Наконецъ, усмотрѣли мы Березовъ и пристали къ нему. Предъ нами находилась березовая роща, а вблизи ея небольшая хижина, изъ которой на то время медленно выходило двое людей. Молодой человѣкъ, съ самую трогательною и терпѣливою горестію на блѣдномъ лицѣ, велъ молодую женщину. Офицеръ приблизился было къ нимъ, вскричалъ: «Марія М—ва!» Она произнесла имя его тихимъ и приятнымъ голосомъ и подала ему съ улыбкою руку свою, которую онъ поцѣловалъ. Воскличаніе его привлекло меня туда, и я была такъ близко ихъ, что могла видѣть эту поразительную сцену. Марія съ радостнымъ лицомъ оборотилась къ своему любезному и сказала: «Милый Федоръ, посмотри, какую радость еще посылаетъ мнѣ небо!»

«Едва только могла я отворотить глаза свои отъ прекрас-

наго ея вида, но блѣднаго лица, — имя Федора возбудило мое вниманіе. Я его узнала, не смотря на горестъ, изображающуюся на лицѣ его. Въ эту минуту все сдѣлалось для меня ясно, и я сказала съ тономъ почтенія: «Благородная Марія! благородный Д—кій!» Марія, повидному, пришла въ вѣкоторое безнокойство и сказала: «Ты знаешь его? Ахъ, не произноси его имени! дай мнѣ умереть сперва, умереть въ его объятіяхъ! Д—кіе теперь сильны, очень сильны!» «Нѣтъ, ни кто не разлучитъ его съ тобою; фамилія наша пала. Я Екатерина Д—кая!» Княжна Марія съ удивленіемъ взглянула мнѣ въ глаза и приложила руку ко лбу: «Екатерина Д—кая! Федоръ! такъ называлась невѣста государева... не она ли это?»

«Федоръ, казалось, только что теперь опомнился. Онъ бросился ко мнѣ и прижалъ меня къ груди своей. Узнавъ гуть отца и брата, сказалъ онъ: «Какой злой духъ носится надъ нашими домами? Не ужели ни кто изъ всѣхъ насъ не долженъ быть счастливымъ? Вы изгнаны! за что же!»

«Я рассказала ему въ короткихъ словахъ судьбу свою. Марія спросила меня съ трепетомъ: «Ты любила государя?» «Любила, очень любила его!» отвѣчала я, и слезы полились изъ глазъ моихъ. Марія также заплакала и сказала: «Ахъ, я счастливиѣ тебя! но теперь стану любить тебя, пока еще существую на свѣтъ.»

«Батюшка мой, который теперь только узналъ Федора, подошелъ къ нему робко, а братъ еще съ большею робостію, ибо легко могли видѣть, что Федоръ любилъ Марію и добровольно послѣдовалъ за нею въ Березовъ. Федоръ сказалъ: «Батюшка, сильная судьба—злой демонъ... Ахъ, поздно вижу я, что мы всѣ-бы могли быть счастливы!»

«Тутъ пришли и другіе М—вы узнать, кто были тѣ, которые привезены изъ Тобольска. Они узнали насъ, но никто не дѣлалъ намъ упрековъ, и даже не оказывали оныхъ и взорами своими. Всѣ они обходидись съ нами съ дружелюбіемъ

ибо видѣли, что и Марія не сердится на насъ и что она даже смотритъ на меня съ нѣжностію.

«Фамилія М—выхъ вызвалась принять насъ въ свое жилищѣ и при отъѣздѣ предоставить намъ совсѣмъ оное; но я не хотѣла разставаться съ Марією и поселилась въ ея хижинѣ.

«Здѣсь узналъ отъ меня Федоръ, что и отецъ его также былъ сосланъ, это сдѣлало на него не большое впечатлѣніе. И, желая разсвѣять нѣсколько его, сказала ему, чтобъ онъ пошелъ къ батюшкѣ моему, если хочеть знать о томъ съ подробностію; но онъ не говоря ни слова, покачалъ головою и взглянулъ на Марію, какъ будто хотѣлъ сказать: «я могу оставить ее!»

«Вечеру повелъ онъ ее къ дверямъ своей хижины, для того, что ей хотѣлось видѣть заходящее солнце. Марія стояла нѣсколько времени въ его объятіяхъ и неговорила ничего. «Ахъ, милый Федоръ, еслибъ я сію минуту сошла въ гробъ!» сказала она на послѣдокъ очень скоро, и лицо ее становилось частъ-отъ-часу блѣднѣе, глаза бѣгали повсюду и въ лицѣ двигался каждый мускуль. «И умираю!» продолжала она. «Благодарю Бога, что такъ долго продлилъ онъ жизнь мою! Федоръ, я умираю у твоего сердца!...»

«Послѣ сего Марія обратила медленно ко мнѣ лицо свое и сказала: «Екатерина, поклонись моей Рощкалецъ и всѣмъ!» Такъ, Софія, она мнѣ это поручила, а не своему любезному. «Поклонись ей!» сказалъ Федоръ. Наконецъ, Марія становилась все слабѣе, и Федоръ отнесъ ее на постель. Она взяла у него руку, устремила на него померкшіе глаза свои и собрала послѣднія силы, чтобы сказать ему еще разъ: «Федоръ, милый Федоръ! я люблю тебя!» Потомъ уснула она спомъ смертнымъ, отъ котораго уже не просыналась. И боялась, чтобы горестъ Федора не излилась въ горькихъ вопляхъ; но онъ, казалось, былъ спокоенъ, когда складывалъ руки на груди ея. «Нѣтъ, я не опечалилъ тебя и не опечалю... Я любилъ тебя и теперь еще люблю!» Онъ сталъ на колѣна у постели и безпрестанно цѣловалъ поблѣднѣвшія уста умершей.

«Услышавши, что Марія скончалась, пришла вся ее фамилія. Всѣ рыдали громко, и Ѳедоръ стоялъ съ горестною улыбкою, ни одна слезинка не выкатилась изъ глазъ его. Онъ не слыхалъ ничего, что говорили, и только смотрѣлъ на Марію. А какъ онъ не подкрѣплялъ себя пищею нѣсколько времени, то на слѣдующій вечеръ въ крайномъ находился истощеніи. Въ это время вынесли мертвое тѣло, для отпѣванія, въ церковь.»

«Когда онъ опомнился и подкрѣпилъ себя пищею, то, казалось, не искалъ уже глазами, или, по крайней-мѣрѣ, прилуждалъ себя не говорить о ней и всегда смотрѣлъ съ улыбкою на одно мѣсто.»

«На другой день Ѳедоръ спокойно освѣдомился о приготовленіяхъ къ погребенію. Онъ увидѣлъ еще свою Марію, но уже бездыханную, увидѣлъ и еще разъ поцѣловалъ блѣдныя уста ея; потомъ закрылъ гробъ и приказалъ опустить оный въ землю...»

«Офицеръ, который долженъ былъ ѣхать назадъ съ М—выми, былъ неутѣшенъ. Онъ просилъ Ѳедора ѣхать вмѣстѣ въ Москву, но Ѳедоръ отворзтился отъ него, не говоря ни слова, и пошелъ къ могилѣ, которая очень близко отъ его хижины. У него еще спрашивали, не хочетъ-ли онъ ѣхать вмѣстѣ, но онъ рѣшительно отвѣчалъ: «Я не оставлю моей Маріи!»»

«Наконецъ М—вы утѣжаются, милая Софія они берутъ съ собою мое письмо къ тебѣ и скажутъ тебѣ послѣдній поклонъ отъ твоей Маріи. Прости! Я разлучилась съ этой любезной особой, отъ горести почти забыла и собственные свои страданія.»

Отъ княжны Екатерины Д—ной, Софьи Ронкалецъ.

Березовъ, Сентябрь 1730.

«Неболѣе какъ одинъ только шагъ отъ могилъ, срывающихъ двухъ вѣрнѣйшихъ любовниковъ. пишу къ тебѣ, Софія.»

и посылаю ихъ письма, которыя препоручилъ мнѣ Ѳедоръ доставить тебѣ. Когда М—вы уѣхали, то онъ ходилъ по всюду и улыбался, не говоря ни слова. Если объ чемъ-нибудь его спрашивали, то онъ отвѣчалъ также ласково, но только иногда въ словахъ не понятныхъ, прерывистыхъ. Большую часть времени сопровождалъ онъ на могилѣ своей Маріи. Тутъ сидѣлъ съ зеленымъ флеровымъ покрываломъ въ рукѣ и отвѣчалъ съ улыбкою, когда съ нимъ начинали говорить: «Что отъ первой надежды до послѣдней!.. Ахъ, она исполнила свое обѣщаніе: вѣрность по смерть! но какъ мнѣ можно забыть милую Марію и не печалиться о ней?.. Когда только вижу холмъ, скрывающій мою любезную, когда только воображу себѣ, что она простираетъ ко мнѣ свои объятія, то могу-ли я... Батюшка, вы знаете, что я терплю!.. Ѳедоръ жилъ еще мѣсяцъ. Уже предъ самую смертью своею просилъ меня положить ему на грудь зеленое покрывало. Я исполнила желаніе его...

«Прощай, любезная Софія! Я живу здѣсь въ хижинѣ подлѣ могилъ Ѳедора и Маріи; безпрестанно выхожу я на опыя — плакать, и когда шумить на до мною березы, то, поднимая глаза свои вверхъ, и мнѣ представляется, будто духъ ихъ зоветъ меня къ себѣ. Ахъ, Ронкаецъ! когда же я успокоюсь во гробѣ?.. Они счастливы, эти два вѣрные сердца, такъ счастливы, какъ бѣдная Екатерина ни когда быть не можетъ. Ѳедоръ просилъ кланяться своему другу Сантъгъ. Приложенный при семъ пакетъ, надписанный ему, пожалуйста доставь.

«Прощай, милая Ронкаецъ! Ѳедоръ и Марія были счастливы по причинѣ вѣрной любви своей; они и теперь счастливы. Ахъ, скоро я послѣдую за ними!..»

1732 г., по приказу Бирону, отдавшему изъ тайной канцеляріи 2 Февраля, Долгорукихъ разсидили порознь, а какъ не доставало въ острогъ для отдѣльнаго помѣщенія тѣлаго жилия, то князя Ивана Алексѣевича посадили въ холодномъ амбарѣ; а князя Алексѣя Алексѣевича, съ добровольно съ нимъ жившимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, бывшимъ его дядькою, въ

холодномъ тесномъ влѣвъ, гдѣ болѣе двухъ шаговъ сдѣлать нельзя было. «Привосять намъ—пишетъ князь Алексѣй Алексѣевичъ — щи, которыя пока ѡшь мерзнуть, а хлѣбъ даютъ такой, что часто зубы не берутъ.» Они потеряли счетъ днямъ и даже часто не знали день или ночь, такъ какъ сидѣли въ совершенной темнотѣ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи князь выпросилъ у капитана, навѣщавшаго ихъ разъ въ мѣсяцъ, горсть сыраго гороха за послѣдній брилліантовый перстень и съ человѣкомъ придумалъ игру въ горохъ; этимъ между молитвою проводилъ онъ время; пѣть было запрещено. Разъ какъ-то, играя въ горохъ (пишетъ князь), вдругъ громко оба, по какому-то внутреннему внушенію, заплѣли разомъ: «Христось Воскресе!» Часовые это передали, и воевода велѣлъ отнять горохъ — послѣднее ихъ утѣшеніе! — записалъ ихъ въ штрафную книгу колдунами ⁽¹⁾, якобы они горохомъ узнаютъ время, за что, на еоминной недѣлѣ въ среду, имъ дано было по 15 розогъ.

Пищу подавали всегда на вѣсколько дней, такъ что только въ первый день можно было ѣсть похлебку, а тамъ она замерзала.

Между тѣмъ, перваго любимца цесаревны Елизаветы Петровны, Алексѣя Алексѣевича Шубина, по высочайшему именному повелѣнію, по докладу Бирона, взяли подъ стражу. Послѣ жестокой пытки въ присутствіи Бирона, онъ былъ скованъ и посаженъ въ каменный мѣшокъ (мѣсто въ стѣнѣ, гдѣ нельзя ни сѣсть, ни лечь), за то, что будто онъ, любя цесаревну, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и съ ними возвести потомъ на престолъ Елизавету Петровну, Бирона убить, а императрицу арестовать.

По сему же, выдуманному Бирономъ, дѣлу, дворцовый писецъ

(1) Именно была заутреня Христова 1-й деня.

цесаревны Федоръ Мироновъ взять подъ арестъ и послѣ пытки, скованный, отправленъ въ Шлиссельбургъ; но онъ съ дороги бѣжалъ въ Нѣмецію (вѣроятно, въ Финляндію); тогда была взята жена его, Марія Григорьевна, съ 12 лѣтней дочерью, подъ пытку, якобы они скрываютъ его. Въ глазахъ матери Биронъ, въ присутствіи своемъ, замучилъ дочь въ пытки, а потомъ мать велѣлъ посадить въ мѣшокъ и утопить въ Невѣ.

Въ 1739 г. императрица, вспоминая о дипломатическихъ дарованіяхъ князя Сергія Григорьевича Долгорукаго, возвратила его въ Петербургъ.

Вольнской, графъ Ушаковъ и князь Куракинъ, опасаясь мнѣнія Долгорукиныхъ, всѣми возможными просками склонили Бирона окончательно погубить знаменитыхъ страдальцевъ.

По приказу Бирона, для довершенія гибели Долгорукиныхъ, Вольнскимъ придуманъ былъ планъ, по которому подученный княземъ Куракинымъ подъячій Типинъ долженъ былъ закричать на Долгорукиныхъ: «Долгоруки! словомъ и дѣломъ!» что тотъ и исполнилъ; послѣ чего, по докладу Бирона, въ Новгородъ, для слѣдствія и Шемлякина суда, подъ названіемъ генеральнаго (онъ состоялъ изъ одного графа Ушакова), привезены были:

- 1) Князь Сергій Григорьевичъ,
- 2) Князь Иванъ Григорьевичъ,
- 3) Князь Василій Лукичъ,
- 4) Князь Василій Владиміровичъ,
- 5) Князь Михаилъ Владиміровичъ,
- 6) Князь Иванъ Алексѣевичъ,
- 7) Князь Николай Алексѣевичъ,
- 8) Князь Алексѣй (а не Александръ) Алексѣевичъ,
- 9) Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ.

Дворовые люди Долгорукиныхъ:

- 10) Василій Щегловъ,
- 11) Сахаровъ.

Вымысленныя на Долгорукиныхъ вѣны, и въ концѣ они, по этому, не могли сознаться, были, какъ видно изъ дѣла, хра-

ищаго въ архивѣ (1), ни что иное, какъ злоба и козни Бирона и его клеветовъ. Изъ донесенія графа Ушакова Бирову видно, что Долгорукіе не хотѣли подписывать взводимыхъ на нихъ преступлений; князь-же Иванъ все молчалъ и молился, а князь Николай, самый смѣлый изъ нихъ, все требовалъ, чтобы имъ предъявленъ былъ подлинный указъ императрицы.

Вотъ на докладъ Ушакова резолюція Бирова, должно полагать, собственноручная:

Копія.

«Вотъ тебѣ на, и на что у васъ-де шпанскія калоши, въ нихъ Ивана; подпишеть, коль не подписывалъ при Петрѣ.

«Іоаннъ-Эрнестъ.»

Подъ этою резолюціею приписка Волинскаго слѣдующаго содержания:

«Его высочество очень гнѣвается, что скоро вы не копчаете; что имъ въ зубы смотрите, надо же сознание для доклада императрицы; пора копчить.»

Праведное небо, за Долгорукихъ, скоро покончило съ Волинскимъ.

Князь Алексѣй Алексѣвичъ, какъ самъ пишетъ, изъ страха плетки, прикинулся лишеннымъ ума.

Судъ надъ Долгорукими кончился 31 Октября; имъ во все время содержанія давали: чрезъ день по кружкѣ солоноватой воды; только со дня приговора по день казни, т. е. съ 31 Октября по 8 Ноября, стали давать щи, хлѣбъ, мясо и воды вдоволь. 8 Ноября совершилась въ Новгородѣ казнь Долгорукихъ.

Князьямъ: Василию Лукичу и Сергію Григорьевичу отсѣкли головы.

Князя Ивана Алексѣвича сначала четвертовали, а потомъ

(1) Копія съ находящагося въ архивѣ дѣла есть у князя Алексѣя Владиміровича Долгорукаго.

отсекли ему голову. Сколько прежде тридцатилетній этот страдалец желалъ земной славы, столько теперь жаждалъ смерти. Во все время ужасной своей казни онъ молился Богу, благодаря, что въ непосланныхъ бѣдствіяхъ выучился познавать всевышняго. Когда палачъ отрубилъ ему правую руку, страдалецъ возопилъ: «Благодарю тебя, господи!» по отсѣченіи лѣвой ноги: «Яко сподобилъ мя еси!» а по отсѣченіи лѣвой руки: «познать тебя, Владыко!» Послѣ правой ноги покати-лась голова его, отсѣченная отъ туловища, и (вѣроятно, бывшія на устахъ его) произнесла слова: «Тебѣ Бо....» и уста его на вѣки смолкли.

Записки шука его, князя Ивана Михайловича, не могутъ быть вѣрныя записокъ брата его, князя Алексѣя Алексѣевича, личнаго свидѣтеля казни и сотоварища пытки.

Манифестъ о казни вышелъ 12 Ноября, безъ собственно-ручной подписи императрицы. Съ лѣваго мѣста князя Василя Владиміровича отвезли опять въ Ивашъ-городъ, приказавъ ни куда не нускати, кромѣ въ церковь, а брата его, князя Михаѣла Владиміровича, отравили въ Шлиссельбургъ; но какъ при немъ оказалось 144 р. 69 к., то не велѣно отпускать продовольствія ни на него, ни на челоуѣка его, сосланнаго вмѣстѣ съ нимъ, а обратить эти деньги на ихъ продовольствіе.

Сыпа его, князя Сергія Михайловича, бывшаго въ Рижскомъ гарнизонѣ премьеръ-майоромъ, велѣно отъ всякой службы уволить и жить ему въ подѣ-московной его деревнѣ безъ выѣзду.

Князь Петръ и князь Василій записаны въ простые драгуны (рядовыми), въ Украинскіе полки.

Князей: Николая и Алексѣя обратно отвезли въ Березовъ: Шубина сослали въ Камчатку, принудивъ жениться на камчадалкѣ.

Но этимъ не довольствовался кровожадный Биронъ. Въ слѣдующій 1740 годъ: князи Алексѣя Алексѣевича отравили въ Камчатку матросомъ.

Князей: Николая и Александра Алексѣевичей велѣно было

привести въ Тобольскъ, и тамъ на площади учинить имъ наказаніе кнутомъ, урѣзать имъ языки, а потомъ отпратить въ вѣчную работу въ Охотскъ, давая имъ на продовольствіе по два пуда муки въ мѣсяцъ и по двѣ копѣйки денегъ на приварокъ.

Въ доказательство выписываемъ изъ архивнаго дѣла слѣдующее:

«Князю Александру и князю Николаю, Алексѣевыхъ дѣтей Долгорукаго, учинить обомъ публично въ Тобольскѣ жестокое наказаніе, бить кнутомъ, и урѣзать у нихъ языки, сослать въ работу вѣчно: Александра въ Камчатку, Николая въ Охотскъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на пропитаніе давать имъ на мѣсяцъ муки по два четверика, крупъ и соли по пропорціи, денегъ по двѣ копѣйки на день. И по слѣдѣ того именнаго указа, о исполненіи изъ тайной канцеляріи послашъ въ Сибирскую губернскую канцелярію указъ, тако-жъ гвардіи къ сержанту, который для караула имѣлся, послашъ 1740 г. Сентября 25 дня.

«По указу его императорскаго величества, именемъ его императорскаго величества отъ бывшаго регента (Октябрь 23 дня): повелѣно, для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны, отъ означенной экзекуціи оныхъ Долгорукихъ помиловать и того имъ не чинить, но токмо послать ихъ въ тѣ мѣста и объ ономъ всемилостивѣйшемъ его императорскаго величества, оказаніи къ нимъ высочайшаго милосердія, указъ объявить имъ; того ради отпратить изъ тайной канцеляріи съ указомъ въ Тобольскъ нарочнаго, на почтовыхъ подводахъ; о чемъ того-жъ числа съ нарочнымъ указомъ былъ отпращенъ.

«По сего 1741 года Гешваря 19 дня, приславнымъ изъ Сибирской губернской канцеляріи рапортомъ объявлено, что оныхъ Долгорукихъ, до полученія вышерѣченнаго его императорскаго величества указа, наказаніе кнутомъ съ урѣзаніемъ у нихъ языковъ учинено Ноября 19 дня и посланы въ вышеобъявлен-

ныя мѣста. Нынѣ оныя Долгорукіе живы-ль, или изъ нихъ кто умеръ, въ тайной канцеляріи извѣстія не имѣется.

«А дочерей оного князя Алексѣя: Катерину, Алену, Анну разослать въ Сибирь по разсмотрѣнію Сибирскаго митрополита и въ тѣхъ монастыряхъ, по обыкновенію, постричь ихъ въ монахини, и пастоятельницамъ тѣхъ монастырей имѣть и содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и викада изъ тѣхъ монастырей ни для чего отнюдь не выпускать и ничѣмъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не пускать, и чтобъ ни какихъ шалостей и не потребствъ отъ нихъ не происходило; пищу и одеждою содержать ихъ, по обыкновенію тѣхъ монастырей, равномѣрно противу монахинь, безъ всякой отъѣвы, и въ оныя монастыри изъ города Березова разослать ихъ за надлежащимъ карауломъ съ нарочно посланными изъ Тобольской губернской канцеляріи оберъ-офицерами. 2) Имѣющихся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ, такожь и дѣвокъ освободить и разослать ихъ въ разные сибирскіе города на вѣчное житье, и ежели оныя вдовы и дѣвки въ замужествѣ быть пожелаютъ, то имъ позволить, токмо кромѣ солдатства и пріѣзжихъ, за тамошнихъ жителей. 3) Имѣющихся нынѣ, при оныхъ же князя Алексѣевыхъ дѣтяхъ, мѣдную, оловянную посуду и платье, оставя изъ того онымъ потребное число, безъ всякаго излишества, прочую всю отобрать въ Березовскую воеводскую канцелярію и обще съ имѣющимися въ оной воеводской канцеляріи, прежде отобранныя у оныхъ Долгорукихъ пожитками, и остаточныя, за содержаніемъ или на пропитаніе, деньги, давъ изъ тѣхъ денегъ помянутому Алексѣю и сестрамъ его, во время посылки ихъ въ показанныя мѣста, на пропитаніе по 25 коп. въ день человѣку, да въ тѣ монастыри, въ которыя оныя дѣвки посланы будутъ, въ каждой на всѣхъ имѣющихся тамъ монахинь, на пропитаніе денегъ по 50 руб.; а доставленные всѣ изъ той воеводской канцеляріи отослать въ Тобольскую губернскую канцелярію немедленно, и въ той губернской канцеляріи тѣ принятыя деньги записать въ при-

ходъ; а означенныя пожитки, оцѣня съ публичнаго торгу, продавать и деньги потому—жъ въ приходъ записать и въ тайную канцелярію о томъ и о всемъ обстоятельству рапортовать (объ ономъ еще изъ Сибирской губернской канцеляріи не рапортовать). И по силъ оного именнаго указы, о выше-объявленномъ и о всемъ въ Сибирскую губернскую канцелярію, также и постриженіи означенныхъ Долгорукихъ дочерей въ разные Сибирскіе дѣвичьи монастыри, изъ святѣйшаго Синода и изъ тайной канцеляріи куда надлежало указы посланы. А въ доношеніи изъ Тобольской архіерейской канцеляріи показано, что означенныхъ Долгорукихъ дочерей въ монахи вѣлно постричь, Тобольской епархіи, въ дѣвичьихъ монастыряхъ, а именно: Катерину въ Томскомъ Рождественскомъ, Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ Верхотурскомъ Покровскомъ. И требовано—де отъ Сибирской губернской канцеляріи опредѣленіе, что вышеозначенные дѣвичьи монастыри, кромѣ одного Томскаго, отъ Тобольска обрѣтаются по близости и на самомъ московскомъ тракѣ и весьма всѣ малобратственные и нищенскіе, единою милостынею питаемые, въ которыхъ—де не только карауловъ содержать, но и обычныхъ монастырскихъ службъ исправлять не кому, а крестьянъ и слугъ ни кого при тѣхъ монастыряхъ не имѣется. И изъ Сибирской губернской канцеляріи отвѣтствовано, что изъ той губернской канцеляріи для взятія помянутыхъ Долгорукихъ дочерей: Катерины, Алены, Анны и для отвозу ихъ въ означенные монастыри, посланы въ Березовъ нарочные оберъ—офицеры и солдаты и вѣлно тѣхъ Долгорукихъ дочерей въ тѣхъ монастыряхъ постричь при оныхъ оберъ—офицерахъ, и, для вышепоказанныхъ отъ архіерейской канцеляріи резоновъ, тѣмъ оберъ—офицерамъ изъ солдатъ для караула; а остановить при оныхъ Долгорукихъ по два человека до указы.»

Князь Сергій Михайловичъ отданъ въ рекруты, а всѣхъ внуковъ князя Михайла Владиміровича вѣлно написать въ рядовые, тоже въ разные армейскіе полки, отобравъ у нихъ все движимое и недвижимое имущество, а кто изъ ихъ молодъ

въ рекруты, того записать контапнистами и отдать въ гарнизонныя школы, оставивъ симъ послѣднимъ, на пропитаніе, приданое жены его, а дочерямъ изъ описаннаго у него имѣнія дать по 40 душъ. Князя Юрія и князя Ивана отправили въ армейскіе полки въ солдаты, пославъ ихъ въ Москву къ графу Салтыкову, который два дня держалъ ихъ съ борзыми собаками и съ пими-же вмѣстѣ кормилъ ихъ, вѣроятно, въ угодность Бироу. Наконецъ, небу угодно было извѣстить императрицу, что и ей пора подумать о вѣчности.

Въ запискахъ покойнаго сенатора генералъ-лейтенанта Ивана Ивановича Реннина, который, при Павлѣ I, былъ генераломъ отъ кавалеріи, сказано, что отецъ его лично былъ свидѣтелемъ нижеслѣдующаго явленія:

За полтора мѣсяца до смерти императрицы (часовые сержанты гвардіи тогда на часахъ постоянно у тронной залы стояли), сержанты замѣтили, что по ночамъ тронная зала бываетъ освѣщена и что императрица сидитъ на тронѣ. Объ этомъ донесли чрезъ кого слѣдуетъ Бироу; на другой день Бироу доложилъ объ этомъ государынѣ, и она велѣла, что какъ только это видѣніе повторится, разбудить ее. Отецъ Ивана Ивановича былъ въ тотъ день въ караулѣ; видѣніе опять явилось; послали за Бирономъ; онъ разбудилъ государыню и привелъ ее, въ сопровожденіи всего караула, въ тронную; видѣніе не исчезло: государыня увидѣла себя, сидящую на тронѣ, тогда, обратясь къ сержантамъ, она закричала: «Въ штыки!» Тынь встала и, грозно погрозила императрицѣ, исчезла; въ одинъ моментъ свѣчи погасли и въ залѣ насталъ глубокий мракъ. Все пришли въ ужасъ.

Окончивъ эпоху эту, намъ должно замѣтить, что мы упоминали въ ней не объ однихъ лицахъ старшей линіи, но о всѣхъ, участвовавшихъ въ ней (долгорукихъ, — впрочемъ, о младшей линіи: будетъ упомянуто и во 2 части).

Многострадавшая царица Елизавета Петровна, занятая одною слабостью, все еще не рѣшалась предъявить права свои

на престолъ; наконецъ, докторъ ея, узнавъ тайный замыселъ правительницы принцессы Анны Леопольдовны противъ нея, принесъ ей картину, изображающую съ одной стороны тронъ, а съ другой всѣ ужасы казней и пытокъ; она закрыла лицо руками и сказала: «Дѣлайте со мной чтѣ хотите.» Тогда заранѣе приготовленная 1-я рота лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, съ поручикомъ Воронцовымъ (прадѣдомъ нынѣшнихъ князей Воронцовыхъ), подняла ее на руки (въ 9 часовъ вечера), съ громкимъ «ура!» Изъ дворца на Пескахъ (1) поехали ея въ Зимній дворецъ: ворвавшись туда, они арестовали принцесу—правительницу. Такимъ образомъ, въ 9 часовъ вечера Елизавета Петровна взошла на престолъ, а рота пазвала лейбъ—кампашами.

По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, Долгорукіе получили свободу, но объ ихъ указа не было.

Императрица потребовала отъ сената дѣло о Долгорукихъ, и на докладъ сената написано генераль-прокуроромъ:

«Ея императорское величество Долгорукихъ не винила и не осуждала, а потому и прощать не можетъ. А высочайше повелѣть соизволила освободить не медля, гдѣ кто изъ ихъ окажется въ живыхъ. Книжку Екатерину Алексѣевну возвратить въ С. Петербургъ, а за княземъ Василіемъ Владиміровичемъ послать и возвратить ему чины и ордена, и всѣ тѣ имѣнія, кои еще не розданы; но все сіе учинить не печатнымъ указомъ.»

А потому Долгорукіе не всѣ разомъ возвратились.

Книжку Екатерину Алексѣевну императрица выдала замужъ за графа Александра Ромашовича Брюса, потомка шведскихъ королей и генераль-лейтенанта. Она въ томъ-же году скончалась. Находясь на смертномъ одрѣ, она велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобъ никто послѣ нея не могъ носить.

(1) Былъ частный домъ противъ Прудка; онъ только не давно, послѣ чаю пожара, измѣнилъ свой фасадъ.

Княжна Елена Алексеевна вышла замужъ за князя Юрія Юрьевича Долгорукаго, который прежде былъ влюбленъ въ княжну Екатерину, сестру ея. Княжна Анна Алексеевна вскорѣ послѣ этого скончалась.

За княжной Натальею Борисовною посланъ братъ ея, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ; она, по возвращеніи, съ высочайшаго соизволенія, на могилѣ казенныхъ Долгорукихъ воздвигла въ Новгородѣ церковь, а когда дѣти ея, Михайло и Дмитрій, подросли, она удалилась въ Кіевъ, и тамъ, въ 1757 г. 28 Сентября, постриглась, а въ послѣдствіи приняла схиму подъ именемъ Нектаріи. Наканунѣ постриженія, выйдя на высокой берегъ широкаго Днѣпра, она помолилась Богу, сняла съ руки обручальное кольцо и бросила его въ быстрыя волны Днѣпровскія. Изъ отмытокъ Карамзина въ исторіи его, съ высочайшаго повелѣнія изданной, изъ записокъ митрополита Петра Могилы и изъ тетрадки архимандрита Ювенарія видно, что она въ постриженіи первая начала своимъ иждивеніемъ возобновлять Десятинную церковь въ Кіевѣ.

Князя Александра Алексеевича привезъ курьеръ въ С.-Петербургъ. Князь Николай Алексеевичъ вернулся вскорѣ по воцареніи Елизаветы Петровны; ему предложено было поступить ко двору камеръ-юнкеромъ; но онъ отказался и пошелъ въ военную службу, гдѣ дослужился до бригадирскаго чину и вышелъ въ отставку. Отъ первой супруги своей, урожденной Бредихиной, онъ имѣлъ сына Алексѣя и двухъ дочерей: княжну Анастасію, бывшую замужемъ за княземъ Григоріемъ Алексеевичемъ Щербатовымъ, и княжну Елену, вышедшую замужъ за Павла Матвѣевича Ржевскаго. Отъ второй супруги своей, княжны Натальи Сергѣевны Голицыной, онъ имѣлъ сына, князя Александра, получившаго прозваніе Долгорукой-глухой, княжну Прасковью, бывшую за мужемъ за Дмитріемъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, княжну Анну, бывшую замужемъ за Николаемъ Никитичемъ Спешинскимъ, и княжну Варвару.

Князь Алексѣй Алексеевичъ считался мертвымъ, потому что, по приведеніи его въ Камчатку, скрылся между природ-

родными жителями и только чрезъ два года, по воцареніи Елизаветы Петровны, чрезъ купца Спиридонова узнавъ о перемѣнѣ въ правленіи, рѣшился съ нимъ ѣхать въ Иркутскъ; тамъ онъ явился къ губернатору; но тотъ, не признавъ его за Долгорукаго, прогналъ.

Тогда, подговоривъ ссыльнаго дворянина Турчанинова, съ нимъ отправился пѣшкомъ въ Москву. Его портретъ въ бордѣ и армякѣ былъ у Голенищевой-Кутузовой.

По донесенію о прибытіи его, Елизавета Петровна простила Турчанинова; а ему, какъ видно изъ бумаги, находящейся при дворянскихъ дѣлахъ князя Алексѣя Владиміровича — именемъ императрицы предложено было (такъ сказано въ бумагѣ): «Не угодно-ли вашему сіятельству вступить въ службу ниже чиномъ — во флотъ капитаномъ, или въ армейскіе полки старшимъ оберъ-офицеромъ.»

Но онъ отказался отъ того и другаго, и ни гдѣ не служилъ; онъ женился вскорѣ на Анастасіи Парамоновнѣ Плещеевой; отъ ней имѣлъ сына князя Ивана и дочь, княжну Екатерину (въ супружествѣ за княземъ Петромъ Александровичемъ Меншиковымъ); отъ второй супруги княжны Мышецкой, онъ имѣлъ князя Григорія. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императрицы, онъ, овдовѣвъ отъ втораго брака, вступилъ въ связь и потомъ женился (по предаціи) на вдовѣ булочника — третьимъ бракомъ.

Шубина едва сыскали. Придворный секретарь Федоръ самъ явился изъ за-границы. Елизавета ему пожаловала 300 душъ, дипломъ на дворянство и, въ память за пошеіе за нее кандаловъ, пожаловала фамилію Кандалыицовъ.

Пріемникъ Елизаветы Петровны, Петръ III, воцарившись, увичтожилъ пытку и обычай дѣлать возгласъ: «словомъ и дѣломъ,» равносильный доносу, а также избавилъ дворянство отъ тѣлеснаго наказанія.

Когда потомъ противъ этого монарха составился заговоръ, то князь Иванъ Алексѣевичъ, служа въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, донесъ объ этомъ за двѣ недѣли до его

кончины. Этот доносъ почли за ложный и Долгорукой былъ арестованъ, и только, по воцареніи Екатерины II, освобожденъ.

Этимъ мы кончаемъ третій періодъ.

Послѣдній періодъ старшей линіи рода князей Долгорукихъ.

Отъ 1762 года, до настоящаго времени.

Приступая къ этому періоду, мы долго были въ недоумѣніи: писать-ли его, или нѣтъ? Лица и событія столь близки къ настоящему времени, что не могутъ быть представлены во всей подробности. Съ другой стороны, не взирая на двукратное приглашеніе князей Александра и Дмитрія Ивановичей ⁽¹⁾ и личное ихъ общаніе—доставить подробныя о себѣ свѣденія,—доселѣ ими еще ничего не доставлено. Князь Юрій Алексѣевичъ, на оффиціальное приглашеніе, также не доставляетъ ни какихъ свѣденій.

Принимая это за желаніе, чтобы о нихъ не писали, мы исполняемъ это, хотя имѣемъ въ рукахъ достаточно матеріаловъ, для вѣрной и, болѣе или менѣе, полной характеристики ихъ.

При вступленіи на престолъ Екатерины II, схимница Нектарія, изъ свѣи уединенія, привѣтствовала императрицу письмомъ и иконою пресвятой Маріи.

Вотъ отвѣтъ императрицы:

«Высочайшій Раскришь.

«Честная мать! письмо ваше, отъ 12 іюня, я получила, «за которое и за присланную при томъ икону Пресвятой Богоматери, также за усердныя желанія ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ, будьте увѣрены, что по

(1) Князь Д. П. осенью 1867 г. скончался.

Прим. К. В. Д.

«справедливости милостию и покровительствомъ моимъ оставлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ «и пребуду вамъ всегда благосклонна.

«Екатерина »

Въ Петергофѣ.

26 Юня 1763 г.

Въ 1771 году, Юля 3, Пектарія оставила свое земное страдальческое поприще, которое продолжалось 56 лѣтъ. Прахъ этой княгини, безсмертной для фамилии Долгорукихъ, покоится на паперти собора Кіево-Щечерской лавры.

Изъ печатной тетрадки архимандрита Засима и первого изданія исторіи Карамзина (съ высочайшаго повелѣнія), видно, что съ благословенія митрополита Петра Могилы, временно управлявшаго Кіевою епархією, эта княгиня на свой счетъ первая стала возобновлять Десятинную церковь.

Старшій сынъ ея, князь Михайлъ Ивановичъ, при рожденіи котораго не было даже бабки, родился 1731 года, 2 Апрѣля. Привезенный матерью, по возвращеніи ея изъ Сибири, въ С.-Петербургу, онъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку; скончался въ Москвѣ 1794 г. 8 Юля, въ чинѣ тайпаго совѣтника. Первый бракъ его съ княжною Анною Михайловною Голицыной былъ бездѣтенъ; а отъ втораго брака его, съ баронессою Анною Николаевною Строговою, онъ имѣлъ сына князя Ивана и дочерей: княжну Ирасковью, княжну Анну (за графомъ Петромъ Андрѣевичемъ Ефимовичемъ) и княжну Елизавету (за Василіемъ Лаврентьевичемъ Селецкимъ).

Князь Иванъ Михайловичъ, извѣстный поэтъ своего времени, оставилъ по себѣ любопытныя записки, досель не напечатанныя (подобно запискамъ другихъ Долгорукихъ). Онъ оставилъ службу въ 1812 году, въ чинѣ тайпаго совѣтника, и скончался въ 1823 году; погребенъ, вопреки поэтическому завѣщанію своему, вмѣсто Филей⁽¹⁾, что подь Москвою, въ Дон-

(1) См. его извѣстное стихотвореніе «Завѣщаніе», въ собраніи его стихотвореній. Прим. К. В. д.

скомъ монастырѣ. Отъ первой супруги своей, Евгеніи Сергѣевны Смирновой, онъ имѣлъ четверыхъ дѣтей: Павла, Александра, Дмитрія и Михаила-Рафаила, которые не имѣли мужскаго потомства, и дочь княжну Антонину-Варвару—замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Новиковымъ. Отъ второй супруги своей, Аграфены Алексѣевны Пожарской, урожденной Безобразовой, не имѣлъ дѣтей вовсе.

Князь Павелъ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голицыной; скончался бездѣтнымъ. Онъ былъ музыкантъ и пѣвогдъ, съ братомъ покойной императрицы Александры Феодоровны, въ Берлинѣ разыгрывалъ концерты во дворцѣ родителя ихъ, короля Вильгельма Великаго.

Князь Александръ Ивановичъ писалъ стихи и много страдалъ за острыя слова свои. Въ 1810 г. ему нужно было ѣхать, а его не пускали въ отпускъ. Онъ взялъ подорожную и мундиръ генераль-адъютанта князя Долгорукаго и уѣхалъ въ Смоленскъ. Являются къ нему генералы; тамъ стояла какая-то пѣхотная дивизія; онъ дѣлаетъ ей смотръ; рапортуетъ государю и уѣзжаетъ. Въ другой разъ, онъ былъ посланъ для устройства перевода Макарьевской ярмарки, въ Пижнѣй-Новгородъ. Упрощенный княземъ Лысковскимъ, онъ, по прїѣздѣ въ Петербургъ, доноситъ министру, что перевести ярмарки нельзя, на что министръ ему словесно отвѣтилъ: «Государь этого хочетъ.» «Да если государю угодно будетъ всю Волгу вылить въ стаканъ, такъ развѣ это можно сдѣлать!» Князь не имѣетъ дѣтей потомства. Въ первомъ бракѣ былъ съ Елепою Ивановною Колошиной, доброю, но слишкомъ обыкновенною женщиной. Во второй бракъ вступилъ съ фрейлиной баронессой Бодѣ, очень любезной и милой женщиной, которая, при обширномъ умѣ, обладаетъ особеннымъ талантомъ привлекать къ себѣ всѣхъ отъ мала до велика — и правится мужчинамъ и женщинамъ.

Князь Дмитрій Ивановичъ все время провелъ въ службѣ, за-границей, но дипломатической части. Въ послѣднее время

былъ посланъ въ Персію, а вынѣ сенаторомъ. Ему разрѣшено было, по усмотрѣнію, предложить Персіи вступить съ нами въ союзъ, но, имѣя-ли въ виду волю канцлера графа Нессельроде, или другія какія-либо причины, онъ не нашелъ это выгоднымъ и, сдавъ свой постъ Аничкову, уѣхалъ. Его за это многіе виняютъ, говоря, что онъ дѣйствовалъ такъ по дружбѣ съ англійскимъ посломъ; другіе-же изводятъ на него еще большія обвиненія.

Онъ имѣетъ двухъ дочерей, изъ коихъ старшая была за г. Априлинымъ, помѣщикомъ Владимирской губерніи. Умерла года два тому назадъ.

Вторично князь Дмитрій Ивановичъ Долгорукой женился на вдовѣ генераль-маіора Мисоѣдова, урожденной Хитрова.

Князь Михаилъ-Рафаилъ Ивановичъ, служа въ російской миссіи во Флоренціи, скончался на 20 году отъ роду.

Княжна Антонина-Варвара съ молодю известна фамильнымъ патриотизмомъ.

Въ жизни сыновей Пвана Михайловича весьма много интереснаго, но имъ не угодно было сообщить этого авторамъ; а потому мы и умалчиваемъ о томъ, чтѣ известно намъ.

Сыновья бригадира князя Николая Алексѣевича суть:

Князь Алексѣй Николаевичъ, былъ человекъ добрый и храбрый; отъ родился въ 1750 году, а скончался въ 1816, въ чинѣ генераль-лейтенанта, не оставивъ по себѣ потомства.

Братъ его, покойный князь Александръ Николаевичъ, по прозванію Долгорукой-Глухой, отъ супруги своей, побочной дочери оберъ-камергера князя Голицына, Екатерины Александровны Лициной (тоже уже умершей), не оставилъ потомства. Они известны были въ Москвѣ особенною своею скупостію: чаю не пили, кофе по одной чашкѣ, и то въ первый день свѣжій, а на другой подваренный; кушали они одну овсяную кашлицу, только по праздникамъ съ масломъ. Домъ ихъ былъ недалеко отъ Кудрина; по величинѣ своей и огромному двору

съ разнымъ строеніемъ, онъ могъ назваться замкомъ; но они вдвоемъ запирали его весь. По вечерамъ они постоянно сидѣли съ одною свѣчкою. Когда кто изъ близкихъ пріѣзжалъ къ нимъ, что случалось весьма рѣдко, то лакей, въ потемкахъ, оцупью доходилъ до господъ, и въ случаѣ пріема бралъ свѣчку отъ нихъ и встрѣчалъ съ ней гостя, провожалъ его къ господамъ, потомъ ставилъ свѣчку на столъ и уходилъ; такимъ же образомъ, человекъ провожалъ гостей обратно, оставляя пока господъ въ темнотѣ. Будучи бездѣтны, они оставили свое состояніе — впрочемъ, не значительное — въ чужой родъ.

Князь Александръ Николаевичъ имѣлъ званіе камергера.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ большую часть имѣнія своего перевелъ на третью супругу свою, которая заплатила ему самую черною неблагодарностію и однажды, когда онъ возвращался съ охоты домой, приказала запереть ворота (въ Москвѣ, на Пикитской), сама кричала изъ окна: «Не пускай-те стараго хрыча!» Мужъ подалъ императрицѣ прошеніе; но когда вышелъ указъ о возвращеніи ему имѣнія, онъ былъ уже на столѣ. Указъ такъ и остался безъ исполненія. Между-тѣмъ, жена его въ Вологдѣ предъявила право дѣтей своихъ, не показавъ князя Григорія отъ второй супруги, который былъ арестованъ по дѣлу Новикова, и малолѣтнихъ дѣтей покойнаго князя Ивана Алексѣевича, князей Алексѣя и Владимира Ивановичей. 700 же душъ, подѣль Троицкой Лаврой, показали себя выморочными, такъ какъ она, избѣгая гласности, не предъявила на нихъ въ Москвѣ правъ своихъ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ вышелъ въ отставку премьер-майоромъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, и уѣхалъ въ имѣніе свое Орловской губерніи, въ село Рябиновку и Ивановское; тамъ сосѣди его Охотниковы звали его къ себѣ въ гости и, опонимъ чѣмъ-то, полуномѣннишиаго свезли въ Москву, гдѣ онъ и умеръ, и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ. Въ рукахъ-же Охотниковыхъ осталась, будто-бы, его куччая крѣпость, по которой онъ, будто, продалъ имъ 1500 душъ за 9 тысячъ рублей. Князь Алексѣй Алексѣевичъ, отецъ его,

сдѣлался опекуномъ надъ его дѣтьми, но почему не подагъ искъ по этому дѣлу — не извѣстно; вѣроятно, потому, что былъ слишкомъ занятъ тяжбою съ супругою своею. Судя по опекунскимъ отчетамъ, онъ умеръ гораздо равнѣе, чѣмъ показало у князя Петра Владиміровича (1). Когда князь Владиміръ выросъ и пріѣхалъ въ Орелъ, то ему еще тогда предлагали пачать искъ съ Охотниковыми о беззаконной и фальшивой купчей крѣпости и завладѣніи селомъ Рябиновкой и Плавовскимъ. Въ 1835 году предлагали это-же сыну его, князю Алексію Владиміровичу.

Князь Григорій Алексѣевичъ воспитывался въ морскомъ корпусѣ и былъ на томъ самомъ кораблѣ, на коемъ привезена была изъ Италіи въ Крошштадтъ княжна Тараканова; она была приглашена Орловымъ на корабль къ обѣду, во время котораго Орловъ былъ вызванъ на палубу и съѣхалъ съ корабля; а корабль поднялъ якорь; почувствовавъ колебаніе корабля и не видя Орлова, княжна выбѣжала на палубу, и когда увидѣла удаленіе корабля отъ берега, то сказала: «И теперь свою судьбу знаю!» Ей подавали все на серебрѣ и именовали: «Ваша свѣтлость.» Такъ приказано было Орловымъ. Къ столу своему она приглашала почти всегда всѣхъ офицеровъ. Столъ готовился ей, но ея назначенію. Нельзя сказать, чтобы она отчаявалась; она хорошо умѣла владѣть собою, не подавала и вида печали и держала себя гордо и величественно. За 7 верстъ до Крошштадта корабль сталъ на якорь; килжну спустили на шлюпку и доставили въ Крошштадтъ; больше этого князь Григорій Алексѣевичъ не могъ узнать о ней.

Когда была наряжена коммиссія надъ Новиковымъ, князь Григорій Алексѣевичъ былъ въ ней. Однажды, когда въ присутствіи Павла I, Потемкина и еще двухъ членовъ коммиссіи, разбирали бумаги Новикова, князь замѣтилъ блѣдность царицы. По связямъ съ масонами, къ которымъ и самъ онъ

(1) Т. е. сынъ князя Алексѣя Алексѣевича, князь Иванъ Алексѣевичъ.

принадлежалъ, онъ зналъ, что царевичъ состоитъ въ обществѣ Новикова, единственная цѣль котораго была благотворительность, доказательствомъ чему служить то, что Новиковъ въ неурожайный годъ продовольствовалъ одну изъ губерсій (1). Это смущеніе царевича родило на него подозрѣніе въ связи съ Новиковымъ, и, при тогдашнихъ его отношеніяхъ къ большому двору, участіе его въ обществѣ окончательно могло погубить Новикова и сильно повредить самому цесаревичу. Замѣтивъ между бумагами списокъ лицъ общества, князь Григорій взялъ эту тетрадь и, какъ-бы для того чтобы лучше разсмотрѣть ее, отошелъ съ нею къ окну. Цесаревичъ не спустился съ него глазъ. Найдя листъ съ подписью цесаревича, князь Григорій вырвалъ его и началъ ѣсть. Когда онъ клалъ въ ротъ послѣдній клочекъ, цесаревичъ невольно перекрестился. Это обратило на него общее вниманіе, и Потемкинъ сказалъ, обратясь къ князю Григорію: «что ты, батюшка, тамъ у окна подѣлываешь? подай мнѣ, что читаешь?» И не найдя листа, велѣлъ обыскать князя; но ничего при немъ не нашель. Тогда Долгорукой сказалъ: «Я и самъ для этого къ окну отошелъ, чтобы посмотреть, не перебиты-ли листы, потому что листа въ списокъ недостаетъ.» Однако, его выслали. Въ этотъ же день цесаревичъ, по неосторожности, поѣхалъ прямо къ князю Григорію, въ 13 линію на Васильевскій островъ, въ его собственный домъ. Взойдя въ покои, онъ снялъ со стѣны образъ Казанской Божіей матери и сказалъ князю: «Вотъ тебѣ, Долгорукой, слово, что услугу твою я вѣкъ не забуду.» Это посылченіе окончательно подало поводъ къ подозрѣнію, и Долгорукой посаженъ былъ подъ арестъ. Въ это время князь Григорій, по мимо отца своего, по завѣщанію долженъ былъ получить какое-то наслѣдство Мысленскаго (названнаго, не знаемъ почему, роднымъ дядею), 2994 души, которыя также должны были перейти къ дѣтямъ покойнаго брата его, князя Ивана

(1) См. о Новиковѣ въ любопытномъ сочиненіи Лонгинова «Новиковъ и мартицисты», 3 р., М., 1867 г. Примѣч. К. В. Д.

Алексѣевича. Но, за невякою князя, крестьяне показали себя вымороченными. Когда князь Григорій оправдался, то подалъ прошеніе къ императрицѣ, и она уже передъ своею смертію, въ замѣнъ того имѣнія, пожаловала ему лично 900 душъ Свирскаго повѣта (уѣзда) Кіевской губерніи. Слѣдовательно, вся тягость услуги князя, какъ увидимъ впоследствии, пала на втораго сына князя Ивана, князя Владиміра.

Когда Павелъ воцарился, онъ сначала призвалъ къ себѣ Новикова и князя Григорія, и прямо съ себя на перваго надѣлъ голубую ленту, а на втораго — Лины 1-й степени. Но они ему сказали: «Остановись, государь! мать твоя насъ гнала, а ты этимъ подаешь на себя прямое подозрѣніе. Чтожъ исторія скажетъ? Ты это всегда успѣешь сдѣлать.» Павелъ разцѣловалъ ихъ; но потомъ ихъ оттерли, и они изъ гордости не хотѣли напоминать о себѣ, такъ что когда потомъ умеръ Новиковъ въ Москвѣ, то былъ похороненъ добродѣтельнымъ подаяніемъ и сборомъ.

Князь Григорій, одинъ во всемъ государствѣ, нарочно ходилъ безъ формы, никогда изъ саней не вылѣзалъ при встрѣчѣ съ императоромъ, какъ тогда установлено было. Объ этомъ князю Алексію рассказывали друзья князя Григорія: графъ Мордвиновъ, Шишковъ и Козодавлевъ. При встрѣчахъ съ княземъ Григоріемъ, императоръ всегда первый кланялся и улыбался; но все—же ничего для него не сдѣлалъ. Онъ ожидалъ плача дитяти, но отъ этого гордость удерживала князя Григорія; а потому онъ не только не просилъ о возвращеніи вымороченныхъ имѣній, но даже заказалъ и племянникамъ своимъ, говоря: «Вспомнить долженъ самъ; а не то вы — мои наследники, съ васъ будетъ!» А между тѣмъ, впоследствии князя Владиміра, за любовь его къ дочери пономаря, лишилъ наследства.

Князь Григорій, при Павлѣ, былъ капитаномъ надъ галерною гаванью и вышелъ въ отставку. Когда вышло рѣшеніе по дѣлу отставшаго маіора князя Алексѣя Алексѣевича, который

въ 1755 г. самъ на себя донесъ еще покойной императрицѣ, что онъ, бывъ малолѣтнимъ, по уговору гвардіи сержанта Пашкова, подписалъ фальшивую закладную, и онъ приговоренъ былъ къ наказанію, то князь Григорій послалъ князя Владиміра съ письмомъ къ императору, прося, за личную его услугу, спасти честь Долгорукихъ. Павелъ I, на разводѣ, принявъ это прошеніе и сказалъ: «Чтожъ твой дядя убѣждалъ отъ меня въ Кіевъ; а ты зачѣмъ не въ гвардію?» И, обратившись къ Палену, сказалъ: «Зачислить.» Но князь Владиміръ прожилъ три недѣли и, ничего не дождавшись, уѣхалъ обратно. Между тѣмъ, императоръ потребовалъ изъ Сената подтвержденное имъ дѣло и собственноручно написалъ на немъ: «Наше подтвержденное дѣло о князѣ Алексѣѣ Долгорукомъ послать на резолюцію къ капитану князю Григорію Долгорукому.» Когда сенатскій курьеръ привезъ это дѣло къ князю Григорію, то тотъ, въ присутствіи курьера, кинулъ его въ каминъ и сжегъ. «Довеси тому, кто тебя послалъ, мою резолюцію,» сказалъ князь Григорій. Вслѣдъ за симъ, князь Алексѣй изъ отставныхъ маіоровъ тѣмъ же чиномъ опредѣленъ былъ въ полкъ (нынѣ называемый императора Австрійскаго), гвардейскаго корпуса.

Изъ жизни князя Григорія Алексѣевича, мы могли бы сообщить не мало интересныхъ фактовъ; но, къ несчастію, — нѣкоторыя обстоятельства не позволяютъ намъ это сдѣлать...

Когда князь Григорій лишился наслѣдства князя Владиміра, то Кіевское свое имѣніе продалъ и, вмѣсто него, купилъ другое въ Тамбовской губерніи Борисоглѣбскаго уѣзда. Князь Григорій, бывший опекуномъ надъ имѣніемъ князя Владиміра, по опекунскому отчету долженъ былъ отдать князю Владиміру 7000 руб., но какъ ихъ у него не было, то князь Алексѣй Алексѣевичъ предложилъ эту сумму, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы князь Григорій уступилъ ему за эту

сумму деревни: большое и малое Тальцово, гдѣ было 250 душъ (1).

Князь Григорій былъ въ 1807 г. начальникомъ уѣзднаго околечія и, по переформированіи его изъ земскаго въ подвижное, назначенъ баталіоннымъ командиромъ шляхетскаго баталіона. Вышедши въ отставку, онъ умеръ въ деревнѣ, въ 1812 году.

Князь Алексѣй Ивановичъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, доставшееся имъ отъ матери Орловское имѣніе, 250 душъ, отписали сестрѣ своей. Имѣніе это въ настоящее время находится во владѣніи дочери ея. Вологодское-же имѣніе окончательно уступлено ими Алексѣевичамъ.

Князь Алексѣй Ивановичъ дѣлалъ это по волѣ князя Григорія Алексѣевича, послѣ котораго наследовалъ все имѣніе; а князь Владиміръ Ивановичъ — по какому-то ложному христіанскому великодушію; для пользы сестры своей и двоюродныхъ братьевъ, онъ оставилъ дѣтей своихъ безъ всего.

Князь Алексѣй Ивановичъ первоначально служилъ въ военной службѣ, а потомъ, при посланникѣ, Тошарѣ, въ Константинополь. Онъ вступилъ въ службу, окончивши курсъ въ Академіи художествъ, отъ которой получилъ золотую медаль. Всѣ виды константинопольскіе, снятые при Тошарѣ и находящіеся теперь въ Эрмитажѣ, его работы. Потомъ онъ былъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, совѣтникомъ губернскаго правленія, и, наконецъ, камергеромъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

Онъ женатъ былъ на дочери лейбъ-гвардіи полковника де-Лицына. Отъ нея имѣлъ шесть человѣкъ дѣтей. Послѣдній сынъ его, князь Григорій Алексѣевичъ, умеръ 22 лѣтъ. Все имѣніе сего послѣдняго, со стороны матери, по тягбѣ, перешло къ Осуфьевымъ; имѣніе отца его, князя Алексѣя Ивановича,

(1) Симбирской губерціи.

Примѣч. К. В. Д.

200,000 р. асс., по векселю и духовному завѣщанію, досталось мѣщанкѣ, отъ которой онъ имѣлъ дѣтей и которая, спустя три мѣсяца послѣ смерти его, вышла замужъ за чиновника. Князю Владиміру досталось Тамбовской губерніи 67,000 десятинъ земли 392 души, конный заводъ и мельница 24 поставная, да 20 душъ въ Смоленской губерніи Ростиславскаго уѣзда, село Кіевское, съ долгомъ на немъ 120,000 р. асс., — не заложенное, впрочемъ.

Въ 1789 году князь Владиміръ Ивановичъ вступилъ фурьеромъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ, по окончаніи курса наукъ въ Академіи художествъ, со званіемъ скульптора. Потомъ перешелъ въ лейбъ-гвардію Семеновскій полкъ, и затѣмъ въ гражданскую службу, съ опредѣленіемъ въ число бывшихъ дежурныхъ офицеровъ московскаго университета. Былъ впоследствии тысячникомъ въ орловской милиціи и, по реформированіи ее изъ земской въ подвижную, остался за штатомъ. Потомъ состоялъ при генераль-прокурорѣ, гдѣ за отличіе получилъ чинъ коллежскаго ассессора, потомъ 15 лѣтъ былъ издателемъ и редакторомъ «Московскихъ вѣдомостей.» Въ 1843 году, имѣя чинъ статскаго совѣтника, умеръ въ деревнѣ. Послѣ него осталось 350 душъ, Тамбовской губерніи Борисоглѣбскаго уѣзда, въ селѣхъ Вязовкѣ, съ деревнями, которыя завѣщаны имъ, но мимо старшаго сына князя Алексѣя Владиміровича, прочимъ сыновьямъ и дочерямъ по ровну. Князь Алексѣй Владиміровичъ, имѣя право оспаривать это завѣщаніе, такъ какъ имѣніе было родовое, не хотѣлъ нарушить волю отца, а потому и не вступался, хотя духовная писана была братомъ Юріемъ и не подписана отцемъ — видите, но болѣзнь!

Долгорукіе, вообще, не могутъ похвалиться родственными чувствами... Въ нашей фамиліи — между членами ея — нѣтъ того обычая, или, по крайней мѣрѣ, онъ рѣдко когда появляется, чтобъ помогать другъ другу; да этотъ обычай, впрочемъ, не существуетъ и во многихъ другихъ русскихъ родахъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ пѣмецъ вездѣ, гдѣ только возможно, поддерживаетъ пѣмца; оттого пѣмецъ ужъ гдѣ разъ поселился, — тамъ онъ и силенъ, оттуда его не выживешь;

а еще онъ вокругъ себя соберетъ цѣлую толпу своихъ земляковъ!...

Мы-же всегда стараемся не то что помочь, а какъ-бы подкнаться другъ подъ друга: вырыть яму своему собрату...

Въ отсутствіи родственныхъ чувствъ—обоюдной помощи—заключается главная причина упадка многихъ изъ нашихъ славныхъ фамилій,—ихъ раззоренія и гибели...

Но и въ униженіи никто изъ насъ, Долгорукихъ, никогда не надеть—и будетъ смѣло глядѣть въ глаза каждому, какъ-бы онъ не былъ богатъ и знатенъ!..

Когда Сергій Глипка, писавшій, по волѣ Ростопчина, возгласы къ народу, что Кутузовъ съдинами своими поклялся отстоять Москву, въ 1812 году, за день до выхода русскихъ изъ Москвы и вступленія въ оную французовъ, — принесъ въ типографію для печати прокламацію отъ имени Наполеона, въ которой Наполеонъ признавалъ императрицей Екатерину Павловну, подъ именемъ Екатерины III, то князь Владиміръ сообщилъ объ этомъ императору. Глипка отперся.

Въ другое время, когда императрица Елизавета Алексѣевна нашла на столѣ письмо, въ коемъ ей предлагали возвести ее на престолъ, то князь Владиміръ, узнавъ, что письмо было сочинено Федоромъ Глинкою, изъ Москвы снова сообщилъ объ этомъ императору; но такъ какъ рука оказалась не Глинки, то князь Владиміръ получилъ выговоръ. Въ 1825 году, при разборѣ особъ 14 Декабря, изъ обнародованнаго печатнаго дѣла

видно, что Федоръ Глинка точно предлагалъ возвести на престолъ императрицу Елизавету Алексеевну.

Въ жизни супруги князя Владиміра, княгини Анны Михайловны, былъ истинно-замѣчательный случай въ то время, когда она жила въ Тамбовской губерніи Борисоглабскаго уѣзда, въ селѣ Вязовкѣ. Однажды сидѣла она съ княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ и тысячникомъ Савенкою; между ними послѣдними завязался объ чемъ-то споръ. Князь сказалъ Савенкѣ: «Дуракъ, братецъ ты; всегда суешься спорить, поди принеси Библію и я тебѣ докажу.» Библію отдѣлила отъ кабинета одна большая зала; но Савенко вернулся, не найдя Библии. Тогда князь сказалъ: «Линета, сходи, потрудись; этотъ Савенко и этого найти не могъ.» Надо прибавить, что за три недѣли до этого княгиня лишилась первой своей годовой дочери Варвары, которую князь Григорій очень любилъ.

Княгиня пошла въ библіотеку (это было во 2-мъ часу по полудни), но на средній залы, отдѣлившей кабинетъ отъ библіотеки, встрѣтила умершую дочь свою, которая внятно сказала ей: «Маменька, дѣдушка...» Княгиня испугалась и побѣжала назадъ, но дочь остановила ее за платьемъ и сказала: «чего вы боитесь? я дочь ваша; дослушайте, маменька.» Однако-жъ, княгиня не могла побѣдить ужаса и, вырвавшись, убѣжала ⁽¹⁾. Въ эту ночь князь Григорій умеръ скоропостижно отъ удара.

Князь Алексѣй Владиміровичъ росъ на заводѣ (въ Москвѣ, на Преснѣ), у отца, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Григоріемъ. Ихъ воспитаніе было страшное, или, лучше сказать, никакого не было. Мать ихъ сначала постоянно выѣзжала, а отецъ си-

(1) Не придавая никакой достоверности этому видѣнію, — которое, вѣроятно, произошло отъ разстроеннаго воображенія княгини Анны — мы оставляемъ его на отвѣтственности князя Алексѣя. Прошло уже то время, когда въ ризи подобнымъ явленіямъ, признавая ихъ за нечто сверхъестественное!

Примѣч. К. В. Д

дѣлъ до 1825 года за «Московскими вѣдомостями», которыхъ былъ издателемъ и редакторомъ. Не смотря на то, что мать въ совершенствѣ владѣла иностранными языками; собственный свой она, какъ всѣ аристократки того времени, плохо знала (она не передала дѣтямъ и того, что знала). Домъ всегда набитъ былъ бѣдливymi студентами; кого обидѣть или выгнать изъ университета, тотъ обращался къ князю Владиміру, который старался объ немъ, кормилъ, одѣвалъ, пока, бывало, не пристроитъ куда-нибудь къ мѣсту. Эти-то перемѣнные врозеньки жильцы и были перемѣнными учителями маленькихъ князей Долгорукихъ. Но были и промежутки, по 7 и болѣе мѣсяцевъ, когда у нихъ не было никакихъ учителей. Выйдя, въ 1825 году, въ отставку, отецъ ихъ исключительно заваялся своею чугунно-плавильной кузницей; мать-же хотя и перестала выѣзжать, но дѣтей никогда не учила. Князя Алексѣя отецъ приставилъ наблюдать за выдачею угля и чугуна, а князю Григорію поручены были алебастръ и погребъ. Сверхъ того, князь Алексѣй долженъ былъ наблюдать за работами, звонить къ обѣду и проч. Такъ прошло время до коронованія императора Николая Павловича. Въ это время покойный Крупениковъ, поэтъ и переводчикъ романа «Шпіонъ», часто навѣщалъ домъ Долгорукихъ. Познакомился онъ съ княземъ по случаю домашнихъ спектаклей, которые давались въ домъ князя въ его пиянины. Замѣта небрежность въ воспитаніи Алексѣи и Григорія Долгорукихъ, онъ сталъ ласкать князя Алексѣя и совѣтывалъ ему проситься въ кадетскій корпусъ, который, въ то время, былъ только что открытъ въ Москвѣ. Но въ разговорахъ своихъ Крупениковъ особенно хвалилъ Пажескій корпусъ, говоря, что тамъ, когда при дворѣ бывають балы, кадетамъ даютъ много конфектъ, и многое еще старое, когда-то бывшее, выдавалъ онъ за новое (1).

(1) Хороши нечего сказать, были понятія у поэтовъ и писателей того времени — если они судили также, какъ Крупениковъ!

Примѣч. К. В. Д.

Князь Алексѣй былъ уже 10 лѣтъ и самъ чувствовалъ необходимость приготовить себя къ чему-нибудь. Однажды, когда императоръ былъ въ Москвѣ, князь Алексѣй, будучи въ Кремлѣ, замѣтилъ, что многіе подають ему прошенія. Онъ, какъ умѣлъ, самъ написалъ прошеніе и на другой день, забравшись, съ 4 часовъ утра, въ Кремль, выждалъ удобный случай и подалъ прошеніе государю, прося объ опредѣленіи его въ пажи. Между тѣмъ, дома, утромъ, хватились его; надо было выдавать уголь, а князь Алексѣй унесъ съ собою ключи. Когда онъ въ 12 часовъ вернулся домой, отецъ и мать начали его допрашивать и чуть-было не высѣкли.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ чиновникъ отъ князя Александра Николаевича Голицына (бывшаго прежде министромъ духовныхъ дѣлъ) и объявилъ волю государя, чтобы князя Алексѣя представили въ назначенный день къ Голицыну. Отецъ досталъ у дяди карету и повезъ сына, по назначенію. Мать, особенно не любившая старшаго сына князя Алексѣя, объявила ему, что если царь опредѣлитъ его одного въ корпусъ безъ брата князя Григорія, то она его высѣчетъ. По пріѣздѣ къ князю Голицыну, узнала, что князя Алексѣя велѣно привести въ Чудовъ дворецъ, что нынѣ Николаевскій. Когда очередь дошла до князя Голицына докладывать, то онъ, взявши князя Алексѣя, привелъ его въ комнату передъ кабинетомъ; камердинеръ доложилъ, государь вышелъ и, подойдя къ князю Алексѣю, спросилъ его: «Вы-ли подали мнѣ это прошеніе?» «Я, государь», отвѣтилъ князь, и кинулся къ рукъ, но государь отнял ее и ввелъ князя Алексѣя вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ въ кабинетъ. Здѣсь онъ спросилъ его: «Какая ваша цѣль быть пажемъ?» «Чтобъ всегда быть при тебѣ, государь», отвѣчалъ Долгорукой. «Хорошо, вы будете при мнѣ; но будете-ли мнѣ вѣрны?» «Буду, государь», сказалъ князь. «Такъ поздравляю васъ пажемъ,» сказалъ государь, и потрепалъ князя Алексѣя. «Ваше величество», опять сказалъ князь: «А брата моего? Меня безъ него мать высѣчетъ.» «Какой неблагодарный!» сказалъ князь Голицынъ; но государь возразилъ: «Не

правда, за младшаго брата долженъ просить старшій,» и, съ этииъ словомъ, отворилъ дверь и сказалъ: «Сведи его къ Дибичу и веди его съ братомъ написать въ пажи.» Камердинеръ повелъ князя Алексѣя черезъ нѣсколько комнатъ, а потомъ по лѣстницѣ, въ концѣ которой стоялъ часовой, и привелъ его къ Дибичу, сидѣвшему за письменнымъ столомъ. По передачѣ камердинеромъ словъ государя, Дибичъ, спросивъ имя и фамилію князя Долгорукаго и чинъ отца, отпустилъ его обратно. Возвратясь, князь опять поставленъ былъ передъ кабинетомъ. Тутъ государь вышелъ съ княземъ Голицынымъ и опять потрепалъ по щекѣ князя Алексѣя. Въ это время вбѣжалъ наслѣдникъ престола, и государь, обратившись къ нему, сказалъ: «Рекомендую тебѣ князя Долгорукаго, который черезъ 10 лѣтъ будетъ у тебя въ полку офицеромъ,» а князю Алексѣю: «Вотъ мой наслѣдникъ, будущій твой полковой командиръ.» Тутъ кто-то вошелъ; князь Голицынъ, взявъ съ собою Долгорукаго, обратно ушелъ въ залу и, поговоря съ княземъ Юсуповымъ, уѣхалъ домой, сдавъ князя Алексѣя отцу. Съ тѣхъ поръ, во всю жизнь, князя Алексѣя не допускали до покойнаго государя.

На слѣдующій день князь Алексѣй поступилъ въ пажи и участвовалъ въ похорошахъ императрицы Маріи Феодоровны; въ скоромъ времени заболѣлъ слѣдующимъ образомъ. При преобразованіи корпуса, отменили должность гофмейстера, пажей высочайшаго двора, равно и жалованье, отпускаясьея изъ придворной конторы пажамъ, по 60 р. асс. въ треть, и проч.; ввели тѣлесное наказаніе, безъ высочайшаго ва то разрѣшенія; вмѣсто гувернеровъ полковниковъ, дали молодежь — корпусныхъ офицеровъ. Въ это время инспекторомъ классовъ поступилъ Броневскій, писатель, человекъ добрый, но любившій *взять* подъ именемъ уроковъ, т. е., желающій его пріязни, долженъ былъ объявить, что беретъ у него на дому уроки и ходитъ къ нему пить чай, за что, конечно, платитъ ему деньги. Такимъ образомъ, за мѣсяцъ до экзамена, поступили къ нему на уроки Скворцовы, едва умѣвшіе читать, но получили пріязь

для поступленія изъ 6 въ 5 классъ, вмѣсто Дватурова и князя Долгорукаго; точно также Броневскій обошелъ Корфа и Лидерса въ 3 классъ; но когда большіе нажи громко заговорили объ этой несправедливости, то директоръ Гоголь, во время вапнуль, далъ тѣмъ двоимъ вторые призы. Броневскій, сердясь на то, что князь Алексѣй и князь Шервашидзе не берутъ у него уроки, сталъ ихъ гнать, безпрестанно напоминая: «Тово-тово, берите у меня уроки,» (у него была поговорка: «тово-тово»). Когда же они все продолжали не брать у него уроковъ, то онъ самовольно, изъ прилежащихъ, записалъ ихъ въ лѣтныя. Проходя однажды мимо, Броневскій услышалъ споръ князя Шервашидзе съ камеръ-пажемъ, посадилъ его въ темную и выстѣкъ розгами, приговаривая: «Бери уроки!» а князю Долгорукому, зазвавъ его въ дежурную комнату, объявилъ: «Тово-тово, если ты у меня не будешь брать уроковъ; то пойдешь въ утеръ-офицеры.» Долгорукой разгорячился, плюнулъ ему въ лицо и сказалъ: «Царь жалуетъ, а исарь разжалуетъ.» Въ это время бывший тутъ дежурный офицеръ (Геирихъ, человекъ благороднѣйшій), чтобы не быть свидѣтелемъ этой сцены, спрятался за шкафъ. «Не бывать ногѣ моей тутъ,» прибавилъ потомъ князь Долгорукой и убѣжалъ, вмѣсто классовъ, въ постельную. Здѣсь онъ написалъ обо всемъ графу Модену, къ которому Долгорукіе иногда ѣзжали, и отдалъ человеку письмо для отсылки въ Анничинъ дворецъ. Между тѣмъ, Броневскій кинулся въ классы, но когда нашли Долгорукаго, то онъ уже лежалъ безъ памяти, въ ударѣ; голова повисла съ кровати, которая, равно какъ и полъ, были въ крови, шедшей у князя Алексѣя изъ рта и ноздрей. Броневскій отъ страха ушелъ. Въ этомъ видѣ перенесли князя Долгорукаго въ лазаретъ; онъ опомнился уже на другой день, въ 7 часовъ вечера. Съ этого времени съ княземъ Долгорукимъ стали дѣлаться припадки; такъ что онъ, наконецъ, оставленъ былъ въ лазаретъ. Когда прѣехала въ Петербургъ мать его, то взяла его въ безсрочный отпускъ, съ перечисленіемъ въ общій списокъ пажей. Императрица Александра Феодоровна

пожаловалъ матери его, для излеченія сына, 1000 р. асс., которые та, по дружбѣ съ Шервудомъ-Вьонимъ (1), отдала ему. Въ Москвѣ, для занятій съ княземъ Алексѣемъ, пригласили кандидата философіи Ползикова; но этотъ кандидатъ или забылъ все, или никогда ничего не зналъ, потому что рѣшеніе геометрическихъ задачъ доискивался вмѣстѣ съ княземъ и часто послѣдній скорѣе своего учителя разрѣшалъ задачи по книгѣ. Тутъ открылась война; князь Алексѣй, черезъ тетку свою Т. Б. Потемкину, написалъ къ князю Голицыну письмо, и по высочайшему повелѣнію переведенъ былъ въ Улавскій его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича полкъ юнкеромъ. На пути въ полкъ, въ мѣстечкѣ Оршѣ, у князя Долгорукаго украли 90 золотыхъ, которые даны были ему на дорогу дядею его княземъ Алексѣемъ Нвановичемъ и защиты были въ кожаномъ мѣшечкѣ. Это случилось по глупости чело-вѣка его Димитрія, взятаго только что отъ лаптей. Надо сказать, что князь Алексѣй имѣлъ при себѣ предписаніе военнаго министра явиться прямо въ главную квартиру; а въ подорожной, выданной ему московскимъ комендантомъ, сказано было: «до мѣста расположенія полка,» и потому комендантъ въ Слонимѣ велѣлъ князю Алексѣю ѣхать назадъ въ Вильну, гдѣ тогда находился полкъ. Но князь не послушался и, до-хавъ до Брестъ-Литовска, разодралъ подорожную и явился къ барону Розену съ предписаніемъ, сказавъ, что подорожную потерялъ. Здѣсь ему, согласно тому предписанію, дали письменную подорожную прямо на главную квартиру. Но пріѣздъ на мѣсто главной квартиры и по явкѣ къ Дибичу, сей послѣдній велѣлъ падѣть князю Алексѣю серебряный темлякъ и,

(1) Англичанинъ Шервудъ былъ агентомъ въ царствованіе Александра I. Онъ въ настоящее время уже умеръ...

Князь Алексѣй Владиміровичъ сообщилъ мнѣ, что Шервудъ принималъ дѣятельное участіе въ розыскахъ по извѣстному дѣлу 1825 года о *декабристахъ*,—за что и былъ пожалованъ титуломъ ибранаго...

Прилѣч. К. В. Д.

поздравивъ его портупей-юнкеромъ, —отправилъ его къ графу Палену, для прикомандированія въ Кляститскому гусарскому полку. Съ этимъ полкомъ князь Долгорукой два раза былъ въ дѣлѣ и получилъ чинъ корнета. По взятіи Варшавы, князь былъ прикомандированъ къ Ямбургскому уланскому полку, въ которомъ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля до прусскихъ границъ, а 1 Октября поступилъ обратно въ свой полкъ и съ нимъ, въ 1832 году, возвратился изъ царства польскаго въ Торжокъ.

Вослѣдствіи, выйдя въ отставку, князь Алексѣй служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Голицынѣ, —но, впрочемъ, не долго. Потомъ онъ сталъ заниматься медициной и, въ бытность свою въ Харьковѣ, слушалъ лекціи въ Харьковскомъ университетѣ, по медицинскому факультету...

Потомъ, купивъ имѣнія въ Витебской губерніи и Петербургской, въ Лужскомъ уѣздѣ, онъ записался въ купцы и завелъ, въ товариществѣ съ однимъ господиномъ, свекловичный заводъ...

..... Не красна была жизнь многихъ Долгорукихъ. Не смотря на громкій титулъ, какой мы носимъ, — много горькаго мы испытали: намъ путь жизненный былъ устланъ болѣе терніями, нежели розами!..

..... Болѣе, чѣмъ десятилѣтнія гоненія, которымъ подверглась старшая линія Долгорукихъ въ царствованіе Анны Іоанновны и при регентствѣ Ирины, — разорили насъ, обезсилили.. Сколько изъ насъ, Долгорукихъ, погибло на плахѣ, въ ссылкѣ въ Сибирь;—грустно и тяжело подумать!..

Иные (находились такіе люди) называли насъ честолюбцами; говорили, что мы, ограничивая власть Анны Іоанновны, единственно имѣли цѣлью захватить въ свои руки правленіе и распорядиться самовластно судьбами Россіи... Но развѣ одни Долгорукіе участвовали въ составленіи хартій, ограничивающей власть царскую въ Россіи? — Въ составленіи ея — участвовалъ несъ Верховный тайный совѣтъ, который состоялъ не изъ однихъ Долгорукихъ: членами его были Головинны, Голицыны и друг. лица, принадлежащія къ извѣстнымъ русскимъ фамиліямъ!..

Напротивъ, — мы, всегда и всгда, не только не старались захватить въ свои руки власть, но даже не хотѣли пользоваться тѣми случаями, которые намъ представлялись для того: вѣпомнимъ завѣщаніе Петра II, которымъ юный императоръ оставлялъ престолъ русскій послѣ себя своей невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой? Развѣ мы воспользовались этимъ завѣщаніемъ; а между-тѣмъ, всѣ шансы для достиженія успѣха были на нашей сторонѣ: въ нашихъ рукахъ были финансы, на нашей сторонѣ было войско...

Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, сообразно-ли съ потребностями времени и русскаго народа, поступалъ Верховный тайный совѣтъ, ограничивая власть Анны Іоанновны... Мы только замѣтимъ, что у простаго русскаго народа, заведеннаго тяжелой нуждой, было и безъ того много своихъ бѣдъ и печалей, чтобы не зашматься тѣмъ, что дѣлалось тамъ въверху, на престолѣ Мономаха: безразсѣтна была доля русскаго мужика, въ то время, — грабили его со всѣхъ сторонъ и кто какъ хотѣлъ!..

При этомъ мнѣ невольно вспоминается и моя безрадостная юность — юность, задаромъ погубленная среди гнетущихъ обстоятельствъ, въ средѣ, растлѣвающей человѣка и нравственно, и физически... И возстаетъ предо мною благородная свѣтлая личность моей бабушки, урожденной З—й, дочери извѣстнаго любимца Екатерины II, и я отдаюсь воспоминаніямъ прошлаго, — далекаго, неизвратнаго, но безцѣнно-дорогаго для меня..

...Юные годѣ

Только вспомню. Укорпзны
Я за нихъ своей отчизнѣ
Не пошлю. Да, я тогда
Зналъ и лучшія мгновенья.
Помню' бабушку. Любовь
Къ милодому поколѣнью
Въ ней была — и угнетенье
Проклиная я буду вновь!
Вотъ старушки образъ снова
Предо мною возстаетъ;
Много сердцу дорогаго

Воскресаетъ изъ благо,
Что на тѣки не умретъ !
Благородный зякъ, печальный !
Будешь мнѣ ты мнѣ всегда.
Умерла ты ; погребальный
Изъ моей отчизны дальней
Звонъ я слышу, какъ тогда !
Я ребенкомъ былъ въ то время.
Помню, плакать я не могъ ;
Но меня давно время —
Было тяжело мнѣ. Ты сѣмя—
Свѣтлой правды, думъ, тревогъ —
Въ сердцѣ юное вложила,
И заснуть мнѣ не дала
Въ жизни худшей, чѣмъ могла,
Гдѣ такъ много потонула,
Силъ могучихъ сила зла !

.

А сколько лѣтъ уже прошло, дорогая, послѣ твоей смерти—и много по-
гибло, навсегда, лучшихъ силъ во мнѣ!.

Тяжело вспоминать о тѣхъ ошибкахъ юности, о тѣхъ увлеченіяхъ;
какія выносили и на мою долю, которыя привели меня къ самымъ груст-
нымъ, къ самымъ нерадостнымъ обстоятельствамъ...

16-лѣтнимъ юношей выпущенный изъ корпуса,—я вступилъ въ жизнь
незная ее совершенно, не имѣя никого, кто-бы поддержать меня прав-
ственно, кто-бы могъ руководить моими дѣйствіями, на первыхъ порахъ,
на жизненномъ пути... Понавѣ, степенемъ различныхъ обстоятельствъ,
въ кругъ людей пустыхъ, у которыхъ исъ цѣли въ жизни заключались
изъ томъ, чтобъ хорошо новетъ да поинить, — я незвольно поддался нѣс-
колько вліанію этой растлѣвающей среды... Я падалъ все ниже и ниже—
и не было никого, кто-бы останавливалъ меня въ этомъ паденіи; — кто-бы
подать мнѣ руку и указалъ путь болѣе честный, болѣе разумный, чѣмъ
тотъ, по которому я шелъ... Занутанный комиссіонерами (факторами),
я вошелъ въ долги — цифра послѣднихъ, день-за днемъ, возрастала,
кредиторы стѣсняли меня: не давали мнѣ свободно дѣйствовать, мыслить...
я былъ рабъ ихъ — хуже, чѣмъ крѣпостной человѣкъ... Съ меня они
тащили послѣднее — брали что могли, послѣдній рубль шелъ мнѣ, и
между-тѣмъ, — долги не уменьшались: что съ меня было взято, — шло
за проценты, а капитальная сумма съ первоначальными процентами
оставалась все таже!.

Занимая деньги, я принужденъ былъ входить въ сношеніе съ разными жалкими, пошлыми личностями... Оговоръ одного изъ такихъ — привелъ меня къ аресту, къ суду... *)

Братъ князя Алексѣя, князь Григорій Владиміровичъ, изъ пажей выпущенъ былъ въ Австрійскій полкъ. Онъ женатъ былъ на Ольгѣ Александровнѣ Хрущевой. Оба умерли, не оставивъ потомства. Князь Григорій былъ 3 года опекуномъ послѣ отца надъ Борисоглѣбскимъ имѣніемъ и допустилъ его къ продажѣ.

Князь Юрій Владиміровичъ воспитывался дома; служилъ въ Московской казенной палатѣ. Послѣ смерти матери княгини Анны Михайловны, онъ взялъ къ себѣ сестру Ольгу (1).

Князя Всеволодъ-Гавріилъ (издатель настоящаго сочиненія) и Глѣбъ Алексѣевичи воспитывались въ морскомъ кадетскомъ

*) Я хотѣлъ исключить многія подробности изъ книги, какъ незначительныя для большинства читающей публики; но оставилъ ихъ потому, что настоящее сочиненіе и все вообще имѣетъ интересъ, преимущественно, семейный,—пришлось-бы исключить многое. Если оно выпущено на продажу,—то только на томъ основаніи, что въ немъ, мѣстами, затрогиваются, болѣе или менѣе, важныя событія, совершавшіяся въ Россіи, и, слѣдовательно, представляющія интересъ общій...

Исключенія нѣкоторыхъ страницъ изъ настоящаго сочиненія, которыя мнѣ пришлось сдѣлать по разнымъ обстоятельствамъ, были причиной того, что, мѣстами, въ книгѣ вышли большіе пробѣлы, которые нужно было чѣмъ-нибудь пополнить...

(1) Князь Юрій, теперь уже умершій, былъ женатъ на вдовѣ капитан-лейтенанта Дудинской — владѣтельницы мѣстечка Рогвѣдина, бывшаго личнаго удѣла великой княгини Рогвѣды. Послѣ смерти князя Юрія, съ которымъ жила не болѣе года,—г. Дудинская поспѣшила найти другаго князя и вступила въ бракъ—въ третій разъ, за князя Каштакудзіана.

Прим. К. В. Д.

корпусъ. Княжны Анна Алексѣевна и Елизавета Алексѣевна— въ Смольномъ монастырѣ, на благородной половинѣ.

Дѣти бывшаго министра юстиціи, князя Алексѣя Алексѣевича, всѣ женаты на богатыхъ и со связями. Изъ всѣхъ ихъ князь Григорій, женатый на Чернышевой, и покойный князь Ростиславъ, женатый на дочери сенатора Матиновскаго, съ истинно-родственной душою.

Третій сынъ князя Алексѣя Алексѣевича, Сергій Алексѣевичъ, женатый на графинѣ Марьѣ Александровнѣ Апраксиной, занимаетъ одно изъ почтенныхъ административныхъ мѣстъ: онъ статсъ-секретарь въ комисіи при принятіи прошеній на Высочайшее имя... Справедливыми разборами жалобъ, поступающихъ въ комисію на Высочайшее имя, а равно и гуманнымъ удовлетвореніемъ нуждъ просителей, — князь Сергій Алексѣевичъ заслужилъ общее уваженіе ..

Сынъ его, князь Николай Сергѣевичъ, флигель-адъютантъ Его Величества, былъ восприемникомъ, отъ лица государя, новорожденной дочери Черногорскаго князя Николая...

Князь Юрій Алексѣевичъ — первоприсутствующій сенаторъ, въ одномъ изъ гражданскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, въ С.-Петербургѣ.

Князь Алексѣй Александровичъ, по окончаніи курса въ лицей, перешелъ въ моряки; выдержавъ экзаменъ на мичмана, онъ поступилъ въ каспійскую флотилію, потомъ перешелъ въ казаки, участвовалъ въ послѣдней войнѣ, получилъ чинъ и zároveň перешелъ въ гражданскую службу. Женатъ, но не имѣетъ доселѣ дѣтей.

Княжна Ольга Владиміровна—не замужемъ; живетъ постоянно въ Москвѣ.

Князь Владиміръ Владиміровичъ первоначально поступилъ въ Горный корпусъ, а потомъ Пажескій, изъ котораго за самовольную отлучку, болѣе мѣсяца, исключенъ. Онъ поступилъ

на Кавказъ юнкеромъ, получилъ Георгія; но за то, что онъ съ солдатами своими высккъ офицера, по суду, потерялъ оный. По производствѣ въ офицеры, исключенъ былъ изъ службы, преданъ вновь суду и разжалованъ въ рядовые; послѣ чего умеръ вскорѣ въ госпиталѣ...

Окапчивая 1-ю часть настоящаго сочиненія, — мы считаемъ не лишнимъ сказать въ заключеніе, что Долгорукіе — гдѣ-бы они не были и при какихъ-бы обстоятельствахъ не находились — всегда дѣйствовали честно, согласно своимъ убѣжденіямъ, не кривили душой — и рѣшались говорить правду въ лицо самимъ царямъ... А на послѣднее, въ прежнее время, рѣдко кто рѣшался, да и теперь тоже: это, во всякомъ случаѣ, заслуга...

Изъ насъ — мы гордимся этимъ — не было ни одного подлеца, который-бы, ради корысти, рѣшился предать своего ближняго... Изъ насъ не было — ни Магницкихъ, ни тому подобныхъ; но былъ за то князь Яковъ Долгорукой, сподвижникъ славнаго царя, прославленный нашимъ великимъ потомъ-гражданиномъ!.. Изъ нашего рода были честные писатели — гордость своихъ современниковъ. князь Иванъ Михайловичъ и другіе. Мы не играли шутовскихъ ролей, въ родѣ какого-то князька Голицына при Аннѣ Иоанновнѣ, мы шли всегда прямой дорогой и глядѣли смѣло въ глаза всѣмъ временщикамъ... Роль шута — низкая, жалкая роль; но роль доносчика, шпіона, позорна во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя можно допускать шпіонство, какъ необходимое орудіе для достиженія извѣстныхъ цѣлей, — но, все-таки, шпіонъ изъ за денегъ равно клеймится всѣми честными людьми, къ какой-бы они партіи не принадлежали: и консерваторами честными, также какъ республиканцами!..

Но и кто-же болѣе — изъ древнихъ русскихъ родовъ — страдалъ, какъ не Долгорукіе? ихъ притѣсняли на каждомъ шагу, оттирала на второй планъ различные временщики, въ родѣ Мельшикова... Сколько при Биронѣ одномъ погибло Долгорукихъ : кто на плахѣ сложилъ свою головушку, кто — избитый, изувѣченный — дожидалъ свой горькій вѣкъ въ Сибири... Много погибло на Руси — раннею смертью — могучихъ силъ.. Стопала земля русская отъ крови — напоена уже была ею, матушка, — безвинно погубленныхъ людей ; по этому стону никто не внималъ : кровь лилась по прежнему, по прежнему гибъ народъ!..

Были правда, свѣтлыя личности, которыя, словно яркая звѣзда на туманномъ небѣ, озаряютъ мрачныя эпохи прошлыхъ вѣковъ ; — слышался имъ этотъ повсемѣстный стонъ, болѣли ихъ честныя сердца и шли они, собирая, могучимъ своимъ словомъ, вокругъ себя цѣлыя полки удалыхъ людей, — шли на зло, или вырвать его съ корнемъ... Но непонятны тогда были большинству ихъ честныя думы, великіе помыслы... Народъ, косившій въ неувѣжествѣ, хоть ненавидѣлъ зло, но сжился уже съ нимъ, полагая, что это, моль, воля Божья ; если угнетаемы мы, — значитъ прогнѣвили Господа за грѣхи свои!.. И — гибли эти честныя, могучія личности, продаваемыя въ руки зау..

Народъ съ любовью сохранялъ въ памяти многихъ изъ своихъ славныхъ людей — ихъ имена живы и доселѣ въ пѣсняхъ народа; пройдутъ еще вѣка — и наши внуки и правнуки не забудутъ эти славныя пѣсни о славныхъ герояхъ русскихъ прошлыхъ вѣковъ!..

Во всякомъ случаѣ, — мы гордимся тѣмъ, что принадлежимъ именно къ фамиліи Долгорукихъ : это честная фамилія, всегда стоявшая за родную сторону — за родной народъ...

Я — Долгорукой. Нѣтъ сомнѣнья
Изъ тѣхъ, которые царей
Къ великой пѣли обновленья

Вели, по волю провидѣнья, —
Отъ старымъ до нашихъ дней!

* * *

Въ годину мощнаго труда,
Нашъ прадедъ былъ сотрудникъ честный
Петра великаго всегда;
Никто изъ русскихъ, никогда,
Не назоветъ его безчестнымъ!

* * *

Нашъ домъ — всегда чуждался лести,
За правду смѣло онъ стоялъ,
И на врага, исполненъ мести,
Шелъ Долгорукой, вѣрный чести, —
И за отчизну погибалъ!

* * *

Мы родину всегда любили,
И — для страны родной —
Мы нашей жизни не щадили;
Вождей народа свято чтимъ;
Держались истины одной.

1867 года, 9 Апрелья.

Князь Всеволодъ Долгорукой.

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Князя Всеволода Долгорукаго.

СПИСОКЪ

СТАРШЕЙ ЛИНИИ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКИХЪ

(ПО АЛФАВВТУ).

- Александръ Лукичъ, *полковникъ.*
Александръ Григорьевичъ, *флота капитанъ-командоръ.*
Александръ Алексѣевичъ, *капитанъ.*
Александръ Ивановичъ, *старѣйшій князь по родостарѣйшинству изъ вѣтви жизни князей.*
Александръ Николаевичъ, *прозваньемъ Глухой, 4 класса камергеръ.*
Александръ Александровичъ, *дѣйствительный тайный советникъ.*
Александръ Павловичъ.
Алексѣй Федоровичъ, *столтникъ.*
Алексѣй Григорьевичъ, *дѣйствительный тайный советникъ, числящійся такъ-же по флоту, членъ верховнаго тайнаго совета.*
Алексѣй Алексѣевичъ, *комръ-адмиралъ.*
Алексѣй Николаевичъ, *генералъ-лейтенантъ.*
Алексѣй Алексѣевичъ, *дѣйствительный тайный советникъ, министр, членъ государственнаго совета.*
Алексѣй Ивановичъ, *камергеръ и дѣйствительный статскій советникъ.*
Алексѣй Владиміровичъ, *посредствемъ Жюмера.*
Алексѣй Алексѣевичъ.
Алексѣй Юрьевичъ.
Андрей Юрьевичъ, *послѣдній удѣльный владѣтель Переяслава, имѣвшій войну съ княземъ Галицкимъ.*
Андрей Семеновичъ, *воевода.*
Андрей Алексѣевичъ.
Борисъ Федоровичъ, *бояринъ, министр и генералъ.*
Василій Лукичъ, *генералъ-лейтенантъ, дѣйствительный тайный советникъ и членъ верховнаго тайнаго совета.*
Василій Сергѣевичъ.
Всеволодъ Алексѣевичъ.
Владиміръ Ивановичъ, *еще не въ подданствѣ.*
Владиміръ Ивановичъ, *статскій советникъ, тысячникъ орловской милиціи и бывшій редакторъ Московскихъ ведомостей, съ 1810 по 1825 г. и скульпторъ.*
Вячеславъ Алексѣевичъ (умеръ въ дѣтствѣ).
Владиміръ Владиміровичъ, *рядовой.*
Владиміръ Павловичъ.

- Владиміръ Ростиславовичъ.
Георгій-Юрій Владиміровичъ, *столоначальникъ*.
Григорій Даніловичъ, *воевода*.
Григорій Федоровичъ, *дѣйствительный тайный советникъ*.
Григорій Прохоровичъ, *столыникъ*.
Григорій Алексѣевичъ, *умеръ 22 лѣтъ*.
Григорій Владиміровичъ, *капитанъ*.
Глѣбъ Алексѣевичъ, *мичманъ*.
Данило Ивановичъ, *воевода*.
Дмитрій Ивашовичъ, *сенатора, посланникъ и тайный советникъ*.
Дмитрій Алексѣевичъ.
Иванъ Андреевичъ, *сынъ удѣльнаго князя*.
Иванъ Андреевичъ, *Шибанъ, воевода*.
Иванъ Григорьевичъ, *воевода и тайный советникъ*.
Иванъ Алексѣевичъ, *оберъ-камергеръ, полковъ генералъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка майоръ*.
Иванъ Михайловичъ, *тайный советникъ, поэтъ*.
Иванъ Алексѣевичъ, *премьеръ-майоръ*.
Лука Федоровичъ, *воевода*.
Михайло Ивановичъ, *тайный советникъ*.
Михайло Александровичъ, *4 класса и камергеръ*.
Михайло Михайловичъ.
Михайло Михайловичъ, *адъютантъ*.
Михайло Михайловичъ.
Николай Алексѣевичъ, *камергеръ и бригадиръ*.
Николай Владиміровичъ.
Николай Сергѣевичъ.
Николай Алексѣевичъ, *штабмейстеръ*.
Николай Сергѣевичъ.
Павель Ивановичъ, *дѣйствительный статскій советникъ и композиторъ*.
Павель Алексѣевичъ.
Петръ Сергѣевичъ, *генералъ-майоръ*.
Петръ Владиміровичъ.
Прохоръ Григорьевичъ, *воевода*.
Рафанъ-Михаилъ Ивановичъ.
Ростиславъ Алексѣевичъ, *храбрый офицеръ, бывший съ отличіемъ въ 14 сраженіяхъ, надворный советникъ; за дѣланыю отлугу вѣжливо потерннъ*.
Симіонъ Владиміровичъ, *первый подданный*.
Сергѣй Григорьевичъ, *посланникъ, тайный советникъ*.
Сергѣй Алексѣевичъ, *тайный советникъ и статсъ-секретарь, служить въ комиссіи прошеній*.
Юрій Алексѣевичъ, *сенаторъ*.
Яковъ Федоровичъ, *бояринъ, генералъ, сенаторъ, тайный советникъ*.

Яковъ Алексѣевичъ.
Яковъ Александровичъ.
Федоръ Федоровичъ, *воевода и околничій.*
Федоръ Ивановичъ, *стольникъ.*
Федоръ Васильевичъ, умеръ въ Сибирь, подъ именемъ купца Попова,
другъ графа Салтыга.

ДОЧЕРИ КНЯЗЕЙ ПЕРВОЙ ЛИНИИ.

Анна Яковлевна Шереметева.
Анна Борисовна Салтыкова.
Княжна Анна Алексѣевна.
Княгиня Анна Сергѣевна Голицына.
Анна Николаевна Спечинская.
Анна Александровна Лалухина.
Графиня Анна Михайловна Ефимовская.
Анна Алексѣевна Греть.
Княжна Анна Петровна.
Агрифена Александровна Шереметева.
Александра Григорьевна Салтыкова.
Александра Сергѣевна Альбедянская.
Варвара-Антопина Ишаповна Новикова.
Княжна Варвара Николаевна.
Княжна Варвара Владиміровна.
Княжна Екатерина Владиміровна.
Екатерина Алексѣевна, обрученная невѣста Петра II, выданная, Елизаветою I, за графа Брюса.
Княжна Екатерина Алексѣевна, умерла въ дѣтствѣ.
Княгиня Екатерина Алексѣевна Мепшикова.
Екатерина Александровна Николаева.
Княжна Екатерина Владиміровна.
Екатерина Петровна Воейкова.
Евгенія Михайловна Творогова.
Евгенія Дмитріевна Априянина.
Княжна Евгенія Алексѣевна, умерла въ дѣтствѣ.
Княгиня Елена Алексѣевна Долгорукая, бывшая до брака помозвлена за Шведскаго короля, при Петрѣ II.
Елена Николаевна Голенищевна-Кутузова.
Елена Николаевна Ржевская.
Елена Михайловна Ланунова.
Елизавета Михайловна Селецкая.
Княжна Елизавета Петровна.
Княжна Елизавета Алексѣевна.

Княжна Марія Александровна.
Княжна Марія Петровна.
Княжна Марія Сергѣевна.
Княжна Маргарита Сергѣевна.
Надежда Александровна Корниловичъ.
Княжна Надежда Владиміровна.
Княжна Наталья Дмитріевна, *фрейлина*.
Княжна Наталья Владиміровна.
Княжна Наталья Юрьевна.
Княжна Ольга Владиміровна.
Графиня Ольга Ростиславна Олсуфьева.
Княжна Прасковья Михайловна.
Прасковья Николаевна Нарышкина.
Княжна Татьяна Владиміровна.
Княжна Екатерина Дмитріевна.

СПИСОКЪ СУПРУГЪ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКИХЪ

СТАРШЕЙ (ПЕРВОЙ) ЛИНИИ.

Княгиня Анна Александровна, рожденная баронеса Боде.
Княгиня Анна Ивановна, вдова капитана Дудинскаго, жена князя Юрія Владиміровича; носѣтъ смерти его — имѣя 67 лѣтъ отъ роду — послѣшила выйти за 3-го, князя Кантахузѣн.
Княгиня Анна Михайловна, рож. княжна Голыцина.
Княгиня Анна Николаевна, рож. баронеса Строгонова.
Княгиня Анна Михайловна, рож. Юрьевъ-Романова.
Княгиня Аграфена Алексѣевна, рож. Безобразова.
Княгиня Анастасія Романовна Плещеева, дочь Орловскаго помѣщика, ведущаго родъ свой отъ Св. Алексѣя митрополита.
Княгиня Анастасія Алексѣевна, рож. графиня Шереметева.
Княгиня Анастасія Петровна, рож. Татищева.
Княгиня Александра Петровна, рож. Степанова.
Княгиня Анисья Яковлевна, рож. (?).
Княгиня Варвара Николаевна, рож. Текутьева.
Княгиня Вѣра Гавриловна, рож. Вяшякова.
Княгиня Дарья Александровна, дочь полковника де-Линдина и супруги его, дочери Грузинскаго царя Александра, Анны Александровны, бывшей во второмъ бракѣ за княземъ Андреемъ Борповичемъ Голицынымъ.
Княгиня Ханша Касимовская, во святомъ крещеніи — Елена, а по другимъ свѣдѣніямъ — Екѣтеріна.
Княгиня Евгенія Сергѣевна, рож. Смирнова.
Княгиня Екатерина Александровна, рож. Трегубова.

- Княгиня Екатерина Алексѣевна, рож. Малиновская.
Княгиня Екатерина Алексѣевна, рож. Лицкина, побочная дочь обер-
камергера князя Голицына.
Княгиня Елена Ивановна, рож. Колошица.
Княгиня Елизавета Петровна, рож. княжна Голицына.
Княгиня Елизавета Петровна, рож. княжна Голицына.
Княгиня Елизавета Петровна, рож. Давыдова.
Княгиня Елизавета Петровна, рож. Зотова.
Княгиня Ирина Михайловна, рож. княжна Черкасская.
Княгиня Марія Всеволодовна, княжна Черниговская, супруга князя
Ивана, сына послѣдняго удѣльнаго князя.
Княгиня Марія Алексѣевна, супруга князя Данила.
Княгиня Марія Ивановна, рож. княжна Голицына.
Княгиня Марія (?), рож. Салтыкова.
Княгиня Марія Александровна, рож. графиня Апраксина.
Княгиня Марія Александровна, рож. княжна Меншикова.
Княгиня Маргарита Ивановна, рож. Анайщикова.
Княгиня Марѳа Петровна, рож. баронеса Шафирова.
Княгиня Надежда Петровна, рож. Сомова.
Княгиня Надежда Григорьевна, рож. графиня Чернышева.
Княгиня Наталья Борисовна, рож. графиня Шереметева; въ снѣгъ—
Нектарія.
Княгиня Наталья Сергѣевна, рож. княжна Голицына.
Княгиня Ольга Александровна, рож. Хрущева.
Княгиня Прасковья Юрьевна, рож. княжна Хилкова.
Княгиня Прасковья Кириловна, рож. Матюшкина.
Княгиня Софья Никоноровна, рож. Хитрово; бывшая вдова генералъ-
маіора Мясоѣдова.
Княгиня Софія Осиповна, рож. Рибась.
Княгиня Ульяна Ивановна, рож. Наумова.
-

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

Разсказъ про князя Якова Федоровича, переданный отъ сына повара его, Кузьмы Афонасьева, князю Алексѣю Алексѣевичу, отъ него князю Владиміру Ивановичу; а отъ послѣдняго — князю Алексѣю Владиміровичу.

На князя Якова допесли изъ Синода Петру I, что онъ тайно держится ракокола; въ доказательство чего поставили на видъ то, что князь крестился древнимъ крестомъ — двухъ-перстнаго сложенія.

На этотъ донесъ царь далъ слѣдующій, по истинѣ мудрый, отвѣтъ: «Пусть всѣ такъ крестились-бы, только-бъ служили мнѣ и Русь такъ, какъ онъ, и были-бы такіе-же христіане, какъ онъ!..»

II.

Князь Алексѣй, между различными рукописями фамильными, нашелъ «стихи» — какъ должно полагать по письму — петровскаго времени, съ подписью: *Князь Гавошъ Долорукой.*

Приводимъ эти стихи здѣсь:

Два перста подымятъ
Къ небу, на небо...
Какъ Богъ единъ! Въ себѣ единъ!
Три затѣмъ сложимъ,
Къ землѣ преклонимъ,
Какъ въ святой тронцѣ — на землѣ чтимъ.

III.

Къ личности князя Якова относились съ сочувствіемъ лица всѣхъ партій — какъ консерваторы, такъ и либералы. Благородная, свѣтлая натура князя — невольно привлекала къ нему даже людей совершенно противоположныхъ съ нимъ убѣжденій. И дѣйствительно, вся жизнь этого человѣка была основана, такъ-сказать, на правдѣ: ни въ одномъ изъ его дѣйствій — цѣтъ ничего, чтобы не согласовалось съ его заветными понятіями; онъ всегда прямо высказывалъ, что думалъ, открыто оуждалъ, что ему казалось худимъ — и не страшился дѣлать замѣчанія въ глаза самому Петру I.

Мы здѣсь приводимъ отрывокъ изъ думы К. Рыльева «Волжскій», въ которомъ онъ выставляетъ князя Якова идеаломъ гражданской чести.

«Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ, въ странѣ самодержавья,
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья; —
Пусть будетъ — мужъ совѣта оня,
Иль мученикъ позорной казни, —
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукой, безъ боязни!»

IV.

Князь Алексѣй Владиміровичъ доставилъ намъ для прибавленія, между прочимъ, стихи, — будто-бы принадлежащіе перу князя Даниила Долгорукаго, писанные въ 1606 году. Эти стихи, которые я и привожу здѣсь, писаны метрическимъ размѣромъ (хотя не совсѣмъ гладкимъ); — но въ то время, т. е. въ 1606 г., у насъ въ Россіи не только не имѣли понятія о метрическомъ размѣрѣ, даже и слабицескимъ ни кто не писалъ. Въ то время поэтовъ, вообще, у насъ не было, — кромѣ развѣ составителей народныхъ пѣсенъ, а въ послѣднихъ, какъ извѣстно, употребляется, такъ называемый, топическій размѣръ.

Вѣроятно, что эти стихи писаны кѣмъ-нибудь изъ Долгорукихъ въ концѣ прошлаго столѣтія, или, что вѣрнѣе, сообразуясь съ слогомъ стиховъ, въ началѣ нынѣшняго. Мы ихъ, все-таки, помѣщаемъ — по желанію князя Алексѣя, — не касаясь проводимыхъ въ нихъ убѣжденій.

«Давъ тебѣ я честно слово
Всегда царя земнаго чтить;
Наслѣдникамъ его короны
По правдѣ, вѣрно вѣкъ служить!
«Гдѣ нашъ народъ, гдѣ Русь свята,
Гдѣ гордаго боирства (!) вѣтъ, —
Тамъ Долгорукая прямая
Святая кровь всегда живеть!»

«За народъ и за отчизну
Дружно вмѣстѣ мы умремъ:
Не услышимъ укоризны,
А мы вѣчность обрѣтемъ!
«Тамъ отчизна наша, въ небѣ:
Здѣсь нѣтъ между людей;
Тамъ, въ господнемъ свѣтломъ домѣ,
Встрѣтимъ правдѣдовъ князей!»

(!) Въ подлинникѣ: *болыртства*.

Примѣч. К. В. Д.

V.

Князь Алексѣй Владиміровичъ передалъ намъ слѣдующій разсказъ, касающійся событій 1812 г. и затрогивающій извѣстнаго патриота С. Н. Глинку. На сколько этотъ разсказъ, сообщенный князю Алексѣю его отцемъ, княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, достовѣренъ, — мы не можемъ сказать; трудно предположить, чтобы С. Глинка рѣшился на такой поступокъ и, тѣмъ-болѣе, графъ Ростовчинъ, эта — одна изъ благороднѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ личностей въ началѣ нынѣшняго столѣтія, — служившій украшеніемъ царствованія Александра I.

Вотъ этотъ разсказъ:

Будучи редакторомъ «Московскихъ вѣдомостей», князь Владиміръ Ивановичъ оставался въ Москвѣ до входа въ нее французовъ. За нѣсколько дней до этого, Сергѣй Николаевичъ Глинка принесъ къ нему, подписанную графомъ Ростовчинимъ, прокламацію «о возведеніи, съ согласія Наполеона, на престолъ русскій Екатерину Павловну, подъ именемъ Екатерины III.» Князь В. И. задержалъ ее, отправившись за объясненіемъ къ самому графу. Послѣдній (будто) всю вину свалилъ на какого-то Верещагина, котораго вывелъ на балконъ, ударилъ плугою и объявилъ народу, что онъ измѣтникъ. Народъ растерзалъ его, и, уже бездыханнаго, привязали къ хвосту лошади и пустили ее. Самъ-же графъ, въ это время, уѣхалъ изъ Москвы, съ задняго крыльца.

VI.

Князь Владиміръ Ивановичъ былъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, редакторомъ «Московскихъ вѣдомостей», въ которыхъ помѣщались также своя статьи. Вотъ для примѣра одно изъ его стихотвореній, поднесенное имъ императору Николаю Павловичу, въ донѣ коронаціи.

«Корону ты надѣлъ златую
Для счастья народовъ сихъ!
Внемли: они молву какую
Несутъ о подвигахъ твоихъ!

Что царствовать надъ ними станешь,
Какъ добрый истинный отецъ,
И тѣмъ къ себѣ ты ихъ привяжешь!
Зналъ: въ счастья ихъ — тебѣ вѣнцъ!

Гряди любви путемъ ко славѣ,
Не будь рабомъ страстей своихъ!
Онъ правъ, онъ чистъ, онъ очень вѣръ,
Кто свергнетъ лезъ оковъ чужихъ!

Коварство, злоба удалися
И гидрину главу сокрой;

А ты царей царей явился:
Блаженствомъ, счастьемъ пашь покрои!
О, Боже! Творче безначальный,
Любовью дышущій одной,
Простри къ царю ты взоръ свой дальній,
Коснись его рукою-десной!

Лучи чтобъ свѣта возродились
На доблестной главѣ его,
Народы-бъ Руси имъ гордились
И кровь пролили за него!»

Это стихотвореніе князь Алексѣй зналъ на память, — такъ-какъ въ то время, по желанію отца, заучилъ его. Очень легко, что память князю измѣнила и нѣкоторыя мѣста онь передалъ не совсѣмъ вѣрно: что, полагаю, причиною не гладкости стлха и даже отсутствія правильныхъ риемъ, особенно, во 2-й и 5-й строфахъ.

Кромѣ князя Владиміра Ивановича, занимался литературой многое пѣз Долгорукахъ. Такъ, князь Дмитрій Ивановичъ Долгорукоу, недавно скончавшійся, писалъ стихотворенія и издавалъ ихъ отдѣльными книжками два раза, подъ названіемъ «Звукъ;» нѣкоторыя изъ нихъ онь помѣщалъ въ «Новостяхъ литературы» и «Литературныхъ прибавленіяхъ», издаваемыхъ извѣстнымъ авторомъ «Дома сумасшедшихъ», А. О. Воейковимъ, въ 28 — 30 годахъ. Но стихотворенія эти слабы и не заслуживаютъ вниманія; — по большой части, плохія подражанія Лермонтову и Пушкину. Братъ Дмитрія Ивановича, князь Александръ Ивановичъ, издалъ свои стихотворенія и рассказы въ четырехъ частяхъ, съ своимъ портретомъ. Иныя изъ его стихотвореній довольно удачны, особенно то, въ которомъ авторъ, остроумно, смѣется надъ русскимъ народомъ, который каждому случаю въ жизни приписываетъ особое значеніе... Но, впрочемъ, какъ рассказы его, такъ и стихи — прошли незамѣченными публикой. Князь Алексѣй Владиміровичъ, занимавшійся месмеризмомъ, издалъ нѣсколько сочиненій, по своей специальности. Всѣ оны имѣютъ, конечно, на столько значенія — на сколько кто признаетъ месмеризмъ, какъ силу врачевную. Изъ нихъ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія «Органонъ магнетизма», изд. въ С. Петербургѣ, въ 1862 году, въ 12 дол. листа; въ немъ, не смотря на весьма небрежный слогъ, затѣмняющій иногда смыслъ того, что хотѣлъ выразить авторъ, — можно найти не мало оригинальныхъ мыслей. Полагаю, что онь памятенъ большинству читающей публики по остроумнымъ карриатурамъ на него Н. А. Степанова, помѣщеннымъ въ издаваемомъ, въ то время, последняго, вмѣстѣ съ В. Курочкинымъ, сатирическомъ журналѣ: «Искра.» Кромѣ того, князь Алексѣй Владиміровичъ издалъ въ 1880 г. небольшую книжку своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Поэзія Алексѣя Москвитянина» (32 д. л. Сиб.). Но болѣе другихъ изъ Долгорукихъ приобрѣли извѣстность въ литературѣ три лица: княгиня Наталья Борисовна, князь Иванъ Михайловичъ и князь Петръ Владиміровичъ.

Съ личностію Натальи Борисовны, съ ея многолѣтними страданіями и съ записками — мы познакомили уже читателей. Ея записки да намъ дороги, какъ историческій матеріалъ, по которому мы можемъ судить о развитіи женщины высшихъ классовъ, въ ту эпоху, когда жила Наталья Борисовна. Кромѣ того, онѣ нѣбютъ интересъ и чисто — литературный (конечно, не значительный). Читая ея записки, — передъ нами проносится цѣлый рядъ страданій, какія вынесла эта женщина, и мужественная ея борьба съ ними... предъ нами возстаютъ образъ русской женщины, искони угнетасмой, искони принужденной занимать въ жизни страдальческую роль; но не павшей, въ тоже время, подъ гнетомъ этихъ, неблагоприятныхъ для нея, обстоятельствъ, а мужественно борющейся съ ними... Мы сами столько страдали, что намъ отрадно внимать страданіямъ другаго — какъ справедливо сказалъ нашъ лучший современный поэтъ; поэтому, и теперь еще многие прочтутъ съ охотою записки Натальи Борисовны...

Князь Иванъ Михайловичъ приобрѣлъ извѣстность своими стихотвореніями, и, по справедливости, можетъ быть названъ однимъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ поэтовъ конца XVIII столѣтія и начала нынѣшняго... Стихъ его тяжелъ, но простъ, проникнутъ благороднымъ честнымъ юморомъ — что безспорно составляетъ главное достоинство его стихотвореній. Лучшими изъ нихъ считаются слѣдующія три: «Авось», «Каминъ» и «Завѣщанье». Всѣмъ, кто интересуется сочиненіями нашихъ писателей прошлыхъ годовъ, онѣ, конечно, знакомы; поэтому, мы приводимъ здѣсь одно изъ менѣе извѣстныхъ стихотвореній князя, въ которомъ онъ, весьма остроумно, охарактеризовалъ себя...

«Ты хочешь знать меня? — Изволь, мой другъ, скажу,
И съ радостью тебѣ портретъ мой покажу;
Со всѣмъ, что Богъ ни далъ, на сцену я представу;
Пороковъ золотитъ моихъ отнюдь не стану.
Такъ слушай-же теперь, кто я, чей сынъ, чей внукъ,
И въ правдѣ словъ моихъ повѣрь мнѣ безъ порукъ.

Я мелкая кроха князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ копѣхъ на Русь одинъ во дняхъ недавнихъ
Великому царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ князь и грозный человекъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычѣхъ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ.
Внукъ этого — мой дѣдъ — позналъ, какъ говорятъ,
Что въ правду близъ царя — близъ смерти все стоять.
Монархъ его любилъ, вельможи величали;
Тамъ сосланъ и каменъ — и поминалъ какъ звали!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиннхъ спасалась,
И схиму воспріяла, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ ввѣлъ Богъ)

Душею былъ богатъ, а счастиемъ убогъ.
Моя старушка мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ лизнуясь, вседневно смерти проситъ;
А я — Jeannot-tout court и голъ, такъ какъ соколъ,
Служа 18 лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ.
Жена моя добра, люблю ее какъ душу,
Люблю — но и подчасъ трису ее какъ грушу.
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки,
На разныхъ языкахъ молоти мнѣ азъ, буки;
Латынь, одну латынь — по складу, по толкамъ,
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ — и все по пустякамъ;
Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А математики совѣтъ, мой другъ, не знаю,
И сколько мастеровъ не смучалъ я за ней,
Дошелъ до дѣлажа — и въ пень сталъ у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну;
Бывалъ всѣ въ барабанъ бон до одного,
А нынче, хоть убей, не помню ничего.
Въ манежѣ три зимы меня-ль не муштровали,
Къ вѣдѣ на лошаляхъ всемѣрно приучали;
Но всеу затѣвать, чего пѣтъ на роду:
Не только что съ коня, съ клячки упаду.
Ты видишь, что я злѣтѣть ни мало не намѣренъ,
И такъ въ моихъ словахъ, мой другъ, ты будь уиѣренъ.
Учился я всему, но былъ усѣхъ въ томъ плохъ;
Наука въ сторонѣ, а я сталъ скоморохъ:
Пляту, ною, рѣшалюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промышляю.
Спасибо, что хотя на что нибудь да голя!
До сихъ поръ мой портретъ со мною очень схожъ...
Слыхалъ я отъ жены, что, будто, я умнѣй;
Быть можетъ, что и впрямъ въ своемъ углу смышленъ.
Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ никакъ.
А то вѣдь скажутъ всѣ: какой-ста онъ дуракъ!
Пусть буду я таковъ, я, право, не сержуся
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умный, не гошуся...
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но можно-ль быть иначе
Съ презрѣнными людьми, съ такими напшаче,
Которымъ, говоря «о правдѣ» каждый часъ,
Все бойся, какъ-бы имъ не трафитъ камнемъ въ глаза?
Что хочешь говори, волнуется вся кровь,
Когда иной наглещъ издымаетъ гордо бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ иѣсть что мечтаеть,
Увѣрить хочеть всѣхъ, что звѣзды онъ хватаеть;

А ты, когда предѣ пнмъ, какъ подлмй рабъ, стоишь,
Внутри своей души въ алтынь его цѣлишь.
И гибкости въ себѣ ни мало не пмѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не умѣю;
Иду своимъ путемъ какъ должность мнѣ велитъ,
И хѣ споткнется «умъ», тамъ «совѣсть» подкрѣпитъ.
И — жъ Jeannot; хотъ онъ — дѣтина незадорный,
Но деть навсегда «слава твой всенкорный».

Это стихотвореніе написано болѣе, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ.

Князь Петръ Владиміровичъ, современный русскій писатель, составилъ «Россійскій Родословный Сборникъ» — трудъ весьма почтенный, заслуживающій полнаго вниманія всѣхъ образованныхъ людей; также издалъ «Сказаніе» (*) о родѣ Долгорукихъ, первый разъ напечатанное въ 1840 г. Кроме-того, въ одной изъ книжекъ журнала «Русская Бесѣда» помѣщена ияъ біографія Волынскаго... такъ печально окончившаго свою судьбу при Бровѣ... Князь Петръ Владиміровичъ послѣдніе годы своей жизни провель за границей, гдѣ и умеръ въ прошломъ, 1868 году, — въ городѣ Бернѣ, въ Швейцаріи...

О князѣ Петрѣ Владиміровичѣ мы будемъ подробнѣе говорить во 2-й части нашего труда.

Во второй части настоящаго сочиненія будутъ, между прочимъ, помѣщены біографіи: *Князя Дмитрія Ивановича* (Долгорукаго первой линіи), роднаго правнука знаменитой Натальи Борисовны Долгорукой, и *Князя Василія Андреевича Долгорукаго* — недавно скончавшихся.

Упомянувъ о князѣ Василіѣ Андреевичѣ, я считаю не безынтереснымъ привести одинъ анекдотъ изъ его жизни, характеризующій личность князя:

Въ памятномъ въ исторіи Россіи 1825 году, князь былъ еще корпелтомъ. На вопросъ Государя Николая Павловича: «А ты также на мени?» Князь отвѣчалъ:

— Государь!—Я Долгорукой!

Этими словами князь открыто заявлялъ свои консервативныя, но, въ то же время, свободныя убѣжденія: свободныя потому, что онъ ихъ дер-

(*) Въ этомъ Сказаніи напечатаны записки князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, принадлежащаго въ другой линіи, о которомъ мы будемъ говорить во 2-й части нашего сочиненія.

жался не из каких-либо корыстных побуждений, но они были несомненно ему, так сказать, съ молокою матерю; иных онъ убѣжденій не имѣлъ, да и не могъ имѣть! Воспитанный въ чисто религіозномъ духѣ, — онъ, съ юныхъ лѣтъ, приучился уважать личность царя и считать его волю, для себя священою. Но онъ за то и не приставалъ, какъ иные, къ партіи либераловъ, вовсе не имѣя либеральныхъ убѣжденій, чтобы, выдавъ тайны своихъ товарищей, потомъ продать ихъ! Князь Василій Андреевичъ прямо заявлялъ, что онъ консерваторъ и открыто держался тѣхъ идей, которыя, по своему мнѣнію, считалъ честными и правдивыми! По крайней мѣрѣ, каждый про князя могъ сказать: *что знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло*. А послѣднее—не маловажное достоинство. Это—по то что какой-нибудь писака, защищающій сегодня, въ одномъ журналѣ, одиъ идеи, а завтра, въ другомъ, ихъ-же ругающій! Къ сожалѣнію, въ настоящее время, въ русской литературѣ, такихъ жадныхъ писакъ, — расцлодились десятки...

ЗАМѢТКИ
0
ПЕРВЫХЪ РУССКИХЪ КНЯЗЬЯХЪ
И О ПРОИСХОЖДЕНИИ:
РЮРИКА, СИНЕУСА И ТРУВОРА.

Статья князя Алексея Долгорукаго.

Происхождение первых русских князей: Рюрика, Синеуса и Трувора, вызвало, несколько летъ тому назадъ, ожесточенную полемику между двумя известными нашими учеными: Н. И. Костомаровымъ и М. П. Погодинымъ.

Кому не известно изъ читающей публики, что эта полемика окончилась весьма оригинальнымъ диспутомъ, послѣ котораго почтенный московскій ученый объявилъ, что онъ — *только шутилъ* и вызовъ на диспутъ г. Костомарова, съ его стороны, былъ не болѣе, какъ шутка!...

Этотъ диспутъ, однако, не прошелъ совершенно безслѣдно. Онъ доставилъ значительный матеріалъ перу талантливаго Н. А. Добролюбова, котораго — къ сожалѣнію всѣхъ искренно сочувствующихъ родной литературѣ — мы лишились такъ рано. Н. А. Добролюбовъ умеръ въ цвѣтъ лѣтъ, когда отъ него можно было ожидать еще много дѣльнаго впереди, много такого, чтобы принесло пользу обществу... Честная, благородная личность! Ты погибъ жертвою гнетущей судьбы! Ты унесъ съ собою въ гробъ могучую силу!.. Но за то надъ твоей могилкой не раздастся проклятій, ничья укоризна не смутитъ твой могильный сонъ... Некому на тебя плакаться: ты ни кого не грабилъ, не угнеталъ своихъ братьевъ — спи-же спокойно, великій честный братъ!

Мнѣ словно слышится, постоянно, какъ только вспомню о тебѣ, твоя честная пѣсня — и болѣзненно звуки ея отдаются въ моей груди...

«Милый другъ! я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю,
Вѣрно, буду я известенъ.

«Милый другъ! я умираю,
Но спокоенъ я душою,
И тебя благословляю:
Шействую тою-же стезею!..»

Печатаю настоящую статью, «о происхождении первых русских князей,» — я саагаю съ себя всякую отвѣтственность за высказанныя въ ней мнѣнія. Можетъ-быть, многіе найдутъ, что приведенныя въ ней доказательства, въ пользу защищаемаго авторомъ предположенія о происхожденіи первыхъ князей съ юга, слабы, не имѣютъ научнаго значенія, основаны на сомнительныхъ источникахъ и т. п., — я схотно готовъ съ тѣми согласиться.

Изданіе-же настоящей статьи я считаю не бесполезнымъ оттого, что высказанное въ ней предположеніе о происхожденіи князей съ юга — ново и въ нашей литературѣ не было еще никѣмъ возбуждено; а потому, какъ новизна — оно имѣетъ свое значеніе... (1). Если, приведенныя авторомъ настоящей статьи доказательства въ пользу высказаннаго имъ предположенія, покажутся слабы, — то кто иоручится, что кто-либо другой, обладающій бблыпими научными познаніями, чѣмъ авторъ этой статьи, не возьмется за это предположеніе — и, можетъ быть, дойдетъ до истины...

Настоящая статья — трудъ князя А. Долгорукаго. Я печатаю ее почти въ такомъ-же видѣ, какъ она была мнѣ доставлена — измѣнивъ только, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слогъ, и сдѣлавъ въ концѣ нѣкоторыя добавленія. Она не имѣетъ въ себѣ ничего цѣлаго, законченнаго. Вся статья не болѣе, какъ подборъ доказательствъ, свидѣтельствующихъ за высказанное княземъ А. Долгорукимъ предположеніе.

Князь *Всеволодъ Долгорукой.*

(1) Впрочемъ, Д. Качечонскій, издававшій въ началѣ нынѣшняго столѣтія «Вѣстникъ Европы», доказывалъ, что Русь — *Хозары*, народъ пришедшій съ юга; но, въ то время, надъ этимъ мнѣніемъ большинство смѣялось.

Примѣч. К. В. Д.

Какъ князя Долгорукіе происходятъ отъ князя Варяго-Русскаго Рюрика, — то я почелъ долгомъ сказать о нашемъ родоначальникѣ, кто онъ такой.

Первый князь Рюрикъ (съ дружиною, братомъ своимъ Труворомъ и братомъ жены своей — Синеусомъ), пришелъ съ береговъ Каспійскаго моря

Это предположеніе я подтверждаю слѣдующими доказательствами:

1) До сихъ поръ у горскихъ народовъ есть фамиліи: *Руссовы, Урусовы* (2), *Друсовы, Брусовы*... Между-тѣмъ, — ни у древнихъ нормановъ, ни у прочихъ народовъ — нѣтъ.

2) Александръ Македонскій и отецъ его Филиппъ заключили договоръ съ *Руссами*, обитающими у береговъ Каспійскаго моря. Руссы получили отъ Александра грамоту, писанную золотомъ на пергаментѣ, въ которой имъ давались привилегіи на торговлю.

3) Въ сочиненіяхъ еврейскаго пророка Іезекииля, въ главѣ 38 и 39, упоминается о князѣ народа *Русска* (1), обитающаго въ Азіи и именно о князѣ Мосохѣ.

Эти три доказательства свидѣтельствуютъ о томъ, что у береговъ Каспійскаго моря, въ Азіи, существовалъ народъ, носившій названіе *Русскаго*, или близкаго къ тому.

Славяне-же, вообще, всѣ воинственныя племена называли «варягами.» Такъ, южныхъ горцевъ: *Варяго-Руссами*; а сѣверныхъ, нормановъ просто: *Варягами*. Но что славяне не считали Варяговъ за Руссовъ, — такъ это можно подтвердить слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Русской Правды» Ярослава, гдѣ

(1) Рабины безъ точекъ читаютъ: *Русь*; можно поставить точку и читать: *Рошъ*; русскіе переводчики читаютъ, обыкновенно: *Рось*; именно въ переводѣ библейскаго общества: *Рось*; а въ древнихъ переводахъ — въ переводѣ толковниковъ греческихъ: *Русса*.

(2) Урусовы (князья) происходятъ отъ ногайскаго мурзы — *Юсуфа*, отъ котораго произошли и нынѣшніе князья Юсуповы (См. «О родѣ князей Юсуповыхъ», Сиб. 1868 г., 2 т.).
Примѣч. К. В. Д.

говорится (въ 1-мъ параграфѣ): «аще Руссинъ, аще Славянинъ, аще Варигъ albo Калблякъ...» Слѣдовательно,—Ярославъ не считалъ Руссовъ за Варяговъ (нормановъ), иначе-бы онъ сказалъ: «аще Руссинъ albo Варягъ.» — А Ярославу Владиміровичу нельзя было не знать, кто Руссы и кто Варяги.

Показаніе Нестора, что Балтійское море называлось *Варягскимъ*, опровергается свидѣльствами нѣкоторыхъ древнихъ писателей. Такъ, оно у Плинія (читай книгу XXXVII, главу I и III) названо *sinus cadanus*, т. е. каданскимъ заливомъ; у береговъ его, во времена Тацита, добывался янтарь. Что жители здѣсь были нѣмецкаго племени, — доказывается названіемъ янтара: *glesum, seu glas*. За янтареиъ, между-прочимъ, вѣдигъ на каданскій заливъ римскій всадникъ.

Даже въ Птоломеевой географіи Балтійское море названо *Веденскимъ*, а не Варягскимъ.

У западныхъ народовъ тоже оно имѣло названіе не Варягскаго, а — *Восточнаго*. Такъ оно названо, даже въ болѣе ближайшія времена, въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригю (См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ). Правда, что одинъ арабскій географъ графъ Абульфеда упоминаетъ о *Варяжскомъ* морѣ — названіе, близко подходящее къ «Варягскому.» Но почему онъ принимаетъ его за Балтійское, а не Каспійское, около котораго именно всегда обитали воинственные племена, — неизвѣстно. Между-тѣмъ, онъ самъ говоритъ, что древніе арабскіе писатели упоминали о Варяжскомъ море, какъ лежащемъ отъ нихъ на сѣверѣ. Вообще, этотъ писатель мало заслуживаетъ довѣрія; такъ-какъ онъ писалъ не на основаніи достовѣрныхъ историческихъ источниковъ, а пользовался безъ разбора различными сомнительными матеріалами и преданіями, ни на чемъ не основанными.

Въ двѣнадцатомъ, дошедшихъ до насъ, — напр. Нестора, — сказано, что Новгородцы, т. е. послы новгородскіе, *два года* ходили за князьями. Какъ-бы Новгородцы не были необразованны, но пѣшли, однако, ноги и лошадей: не могли-же они употребить два года на ходьбу за Ладожское озеро?.. Не могли-же

они!.. Сохранившееся преданіе между горскими народами о призваніи отъ нихъ князей Руссовъ перешло, вѣроятно, и къ ихъ завоевателямъ туркоманамъ (т. е. татарамъ) и было причиною нашествія послѣднихъ на Русь.

Что князя Рюрикъ, Синеусъ и ихъ другіе родственники, идя съ Юга, шли на Кіевъ и посадили тамъ, до прибытія своего въ Новгородъ, родственника правителемъ, — это подтверждается тѣмъ, что за годъ до прихода князей въ Новгородъ кіевская область стала отъ грековъ уже называться «Русью.» А Грекамъ, конечно, нельзя было не знать о дѣлахъ между Славянами; такъ-какъ въ то время многіе изъ послѣднихъ были при дворѣ тогдашняго греческаго императора Александра (который впоследствии заключилъ договоръ съ правителемъ Олегомъ). Именно два любимца императора: *Гаврилопулъ* и *Василичь* были изъ славянъ (послѣдняго императоръ хотѣлъ даже сдѣлать своимъ наследникомъ); наконецъ, правитель церкви патріархъ Никита, въ то время, былъ изъ коренныхъ славянъ.

Прива, всѣ слѣды Руссовъ на востокъ изгладились съ введеніемъ между горскими народами (и Болгарами) магометанской вѣры, съ которой къ нимъ перешли не только обычаи, но даже и языкъ арабскій (съ большими, или меньшими измѣненіями). Но стоитъ только обратить вниманіе на фамиліи, существующія доселѣ у горцевъ, — мы встрѣтимъ болѣею частію кончающіеся: на *овъ*, *ой*, — чего у коренныхъ татаръ, персовъ и турокъ нѣтъ. И это одно осталось, между горскими народами, *древне-русское* — отъ ихъ прежняго языка (1).

Отъ племени Асафетова произошли три одноплеменныхъ народа, близкаго съ древнимъ еврейскимъ: *Руссы*, *Славы* и *Галлы*. Первые, воинственнѣе всѣхъ прочихъ, поселились на

(1) Князь А. Долгорукой говоритъ, что Новгородцы оттого послали за князьями, что они знали, будто, по преданію, что въ древности одинъ князь *Руссъ* побѣдилъ ихъ предковъ, съ княземъ Слава. Откуда это извѣстіе почерпнулъ авторъ, — мы не знаемъ и затруднились, потому, оставить его въ текстѣ самой статьи. Принѣч. К. В. Д.

берегахъ Каспійскаго моря; вторые, болѣе мирныя, пошли на сѣверъ, около Ильмень озера; а третьи — на западъ Европы (1).

Сходство Русскихъ и Гальскихъ словъ съ древними Еврейскими подтверждаетъ одноплеменность этихъ народовъ; тогда какъ подобнаго сходства ни въ древнемъ норманскомъ языкѣ, ни у потомковъ нормановъ — нѣтъ.

Приведемъ примѣры:

<i>По Еврейски:</i>	<i>По Русски:</i>
Деріх	Дорога
Гар	Гора
Мáши воды	Мою
Тоб	Добрый
Сядах	Сады
Носсѳ	Носащій
Мисае	Мысли
Лакатъ	Лакать
Мáсах	Мѣшалъ
Зеріа	Зерно
Шеш	Шестъ
Куль	Кузь
Зера	Зиря
Кадъ	Кадка, сосудъ
Гир	Городъ
Паха	Пахать, пахашіе
Ровъ	Рыгіе
Пехетет	Пошоль (пѣшкомъ)
Ровъ	Рытѣ
Паса	Пѣхота
Кашар	Кашель
Абид	Обида
Бадаг	Обидѣть
Хазак	Волакъ (казакъ).

И бы могъ выписать нѣсколько тысячъ подобныхъ еврейскихъ словъ, сходство которыхъ съ русскими поразить cadaго.

(1) Откуда это почерпнуто, — мы тоже не знаемъ. Вѣроятно, авторъ позабылъ упомянуть источникъ, изъ котораго заимствовалъ это свѣденіе. Въ настоящее время князя А. Д. нѣтъ въ Петербургѣ — и мы не могли, потому, просить его указать этотъ источникъ. При слѣдующей части — всѣ подобныя пропуски будутъ пополнены. Примѣч. К. В. Д.

Въ Гальскомъ древнемъ языкѣ тоже можно найдти не мало словъ, сходныхъ съ еврейскими. Напримѣръ :

<i>По Еврейски</i> (чит. какъ латинск.)	<i>По Гальски:</i>
Ve bior	Vous-er
Ha vel have lim amor	Avet avele omme har
	и проч.

Мы смѣло можемъ сказать, что въ древнемъ славянскомъ языкѣ норманскихъ и нѣмецкихъ словъ — не встрѣчаемъ; а они непременно-бы должны были быть, еслибы первые князья наши съ дружинами пришли отъ нормановъ (1).

Что языкъ славянскій коренной, — это доказывается нѣкоторыми словами, которыхъ ни въ одномъ другомъ языкѣ нѣтъ; напримѣръ: *всрблюдъ, обезьма, слонъ*. Этихъ словъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ языкѣ, онѣ не перешли къ славянамъ, а сохранились въ славянскомъ языкѣ отъ тѣхъ древнихъ время, когда славяне обитали въ Азій. Между-тѣмъ, славянскія имена мы встрѣчаемъ — напримѣръ — въ Италомеовой географіи: *Толстобои, Триалды, Заряне* и другія.

Руссы были гораздо образованнѣе Славянъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до Р. Х. они имѣли письмо, съ правой руки на лѣвую. Это подтверждается: 1) письменнымъ договоромъ Александра Македонскаго и отца его Филиппа съ Руссами; 2) свидѣтельствомъ Педима, который тоже говоритъ о обитаніи Руссовъ въ предѣлахъ, занимаемыхъ нынѣшними горами, между астраханской губерніею и Грузіею. Онъ представилъ образецъ ихъ письменности. 3) Письменными договорами Олега и Игоря съ греками, до введенія у насъ христіанства, и, сохранившейся доселѣ, славянской азбукой, которую ввели, вмѣсто прежней, греки при св. Владиміръ, удержавъ славянамъ только прежніе звуки. Мы не мало должны ронать на гре-

(1) А имена первыхъ князей: Рюрика, Синеуса? — имена многихъ изъ княжескихъ дружинъ? — это, по большой части, чисто норманскія имена. Примѣч. К. В. Д.

ческихъ поповъ, которые, въ сильномъ усердіи истребить язычество, истребили, отъ фанатизма, все старое, такъ, что многому не осталось и слѣдовъ для исторіи.

Договоры Олега и Игоря. 911 и 945 гг., съ византійскими императорами — перваго съ Львомъ VI и Александромъ, втораго съ Константиномъ VII и Романомъ I — были составлены въ двухъ экземплярахъ: одинъ писанъ былъ Руссами, другой Греками. Въ послѣднемъ договорѣ русскіе князья обязались греческимъ гостямъ выдавать паспорта. Слѣдовательно, — это доказываетъ, что у Руссовъ была грамота.

Ибнъ-Фодланъ, въ началѣ еще X столѣтія, видѣлъ Руссовъ по ту сторону Волги и описалъ обряды ихъ вѣры. Онъ говоритъ именно, что на могильныхъ памятникахъ Руссы всегда выставляли имя царствующаго князя ихъ. Замѣтимъ притомъ, что письмо Руссовъ сходно только съ синайскими надписями, которыя встрѣчаются близъ горы Синая, на различныхъ утесахъ, по дорогѣ въ Суэзъ.

Приводимъ образчикъ письма Руссовъ, представленный древнимъ арабскимъ писателемъ Абуль-Фараджъ-Мухаммедъ-ибнъ-Нухакъ-эль-Недимъ.

Синайская надпись:

Вѣра первыхъ князей и, вообще, Руссовъ была, по всей вѣроятности, древнѣе вѣры Зороастра. Вѣра Руссовъ предписываетъ одноженство. Пестунъ Владиміра, славянинъ Добрыня, первый вовлекъ князя своего въ многоженство и народное идолопоклонство. Намъ извѣстно изъ лѣтописей, что Рюрикъ,

Олегъ и Игорь были одноженцы. Сердце Ольги на ключницу Мюляшу и высылка послѣдней — тоже доказываютъ это. Свѣтовство Владиміра къ Рогигѣдѣ, исканіе ея руки — показываютъ важность брака, бывшую тогда. И вотъ причина, почему одноженство не встрѣтило на Руси пренятствія, съ введеніемъ христіанства.

Наконецъ, — трудно допустить, чтобы князья при многобрачій — еслибъ оно легко допускалось Руссами — были столь не женолобивы, что не имѣли-бы по нѣсколько жовъ — когда теперь, и при единобрачій, у насъ рѣдкій сколько-нибудь состоятельный человѣкъ не имѣетъ кромѣ жены, любовницу, да и не одну еще!...

Послѣ Рюрика остался Игорь; но правителемъ сдѣлался дядя его Олегъ... Онъ перенесъ столицу въ Кіевъ. Проходя то мѣсто, гдѣ пылвшій Кремль въ Москвѣ, — Олегъ нашелъ тамъ пустышника, христіанина, и по его указанію — заложилъ тутъ городъ. Рогигѣда, первая супруга Св. Владиміра, по принятіи христіанства, приняла монашество — первая на Руси, — подъ именемъ Анастасіи...

Отъ сына князя Юрія (Георгія) Долгорукаго, Всеволода, шла царствующая вѣтвь до царя Феодора Ивановича, до дома, избраннаго народомъ, *Юрьева*, неправильно принявшаго, по имени одного изъ своихъ предковъ, фамилію Романовъ и другаго — Захарьевъ.

Сынъ Св. Владиміра, Ярославъ, былъ женатъ на дочери короля Шведскаго Олафа, въ грекороссійской вѣрѣ Прииіи, въ монашествѣ Анны (Мощи ея находятся въ Новгородѣ, въ Софійскомъ соборѣ — открыто. См. Словарь Рус. святит. 29 стр.)

Сынъ его Всеволодъ былъ въ бракѣ съ греческою царевною (надо замѣтить, что неправильно у насъ называютъ: *греческой*, слѣдовало-бы: *восточно-римской*. Ибо слово

«грекъ,» въ то время, въ Царьградѣ, считалось поношеніемъ, и греки себя называли *римлянами* (1)).

Князь Вячеславъ, 6 сынъ Ярослава Владиміровича, былъ въ бракѣ съ графинею Одою, дочерью Леопольда, владѣтельнаго графа Штаттскаго. Поколѣніе его не пресѣклось. Князь Игорь Ярославовичъ — съ графинею Кунигундою Орламиндскою. Старшая дочь Елизавета Яровлавовна вступила въ бракъ съ принцемъ Герольдомъ, впоследствии королемъ Норвежскимъ, и оставила по себѣ двухъ дочерей (читай исландскаго лѣтописца Стурлэза): Ингигерду, супругу короля шведскаго Финлиппа, положившаго свою голову въ Англіи, въ 1066 г. (Отъ него пошло поколѣніе — кажется — Густава Вазы); и вторую дочь — Марію. Анна Ярославовна сочеталась бракомъ съ Генрихомъ I королемъ французскимъ, по кончинѣ котораго удалилась въ Римско-Католическій монастырь Сонизскій; по черезъ два

(1) Это, впрочемъ, не новость, что люди стыдятся своего происхожденія и выдаютъ себя не за тѣхъ, къмъ они есть въ дѣйствительности. Подобное самоотреченіе самого отъ себя не трудно встрѣтить и въ настоящее время... Сколько гг. происходящихъ отъ израилева племени (даже и въ наше время) стыдятся своего происхожденія и стараются его, истребляя неправдами, скрыть... Правда, что въ настоящемъ случаѣ ихъ принуждаетъ къ тому то нерасположеніе, которое существуетъ въ массѣ къ евреямъ... Но, все-таки, какъ-бы не было, тотъ человѣкъ, который изъ за личныхъ мелкихъ страстишекъ и выгодъ — отступаетъ отъ своей національности, но можетъ быть вполне уважаемъ и, смѣю думать, въ такомъ человѣкѣ нѣтъ ни даровитости, ни силъ на что-либо честное: отречься отъ самаго себя, отъ своего происхожденія и стыдиться имъ — равно позорно для каждаго. Тѣмъ-богѣ, если это отреченіе происходитъ для достиженія какихъ-либо «земныхъ благъ»; оно можетъ еще быть допустимо — когда въ этомъ отреченіи предвидится благо общее — благо народа!.. Но и изъ израилева племени не мало было великихъ, даровитыхъ личностей, которыя не убоились открыто заявлять, что они, которыя, за свою ибру, за свою національность, смѣло шли на кресты — и погибли славною смертію мучениковъ!..

У насъ на памяти еще то время, когда многіе изъ русскихъ, въ битность за границей, стыдились — были случаи — того, что они русскіе и отрекались отъ своего происхожденія, русскаясь, вмѣстѣ, съ какими-нибудь французское, ругать на повалъ все русское... Къ какой категоріи можно было причислить такихъ?! — Неправда-ли, къ самой жалкой. Пр. К. В. Д.

года оставила его и сдѣлалась супругою Графа де Крепи. Сынъ ея отъ перваго брака, отъ котораго пошли французскіе *Бурбоны*, такое имѣлъ уваженіе къ матери, что во всѣхъ государственныхъ актахъ и бумагахъ подписывался съ нею вмѣстѣ. Двѣ только женщины, она и Жозефина, были любимы французскимъ народомъ: не оставили по себѣ дурной памяти между французами!..

Анастасія Ярославовна была супругою Андрея I, короля венгерскаго, котораго поколѣвнѣ пресѣлось (1).

Изъ всего вышеупомянутаго видно, что равно лестно, кому-бы то не было, происходить отъ котораго-либо изъ Ярославичей... Но изъ этаго еще не слѣдуетъ, чтобъ всякій могъ выводить свою родословную отъ нихъ, на основаніи вымышленныхъ списковъ Миллера и подобныхъ, не подкрѣпленныхъ никакою лѣтописью, ни даже сочиненіемъ — не говоря уже старѣе — но хоть современнымъ Разрядному Архиву!..

Происхожденіе, конечно, не играетъ въ настоящее время большой роли; но достовѣрныя родословныя фамилій необходимы, какъ историческіе матеріалы... Поэтому — и Евангеліе начинается съ родословной Господа нашего Иисуса Христа, которому, какъ грандіозной, великой личности, — вовсе ненужны никакія родословныя!..

Намъ, въ насмѣшку, часто выставляютъ басню «Гуси.» Но позвольте вамъ, м. г., сказать — не менѣе правдиво, какъ правдива крыловская басня:

Наши предки «подъ Римомъ» хоть были, и честно, по своему разумію, отставали то, что считали хорошимъ;

(1) Я помѣстилъ этотъ перечень супруговъ и супругъ нашихъ первыхъ князей и князей для того, чтобъ показать, что мы, русскіе, и въ тѣ времена имѣли сношенія со всѣми иностранными государствами; наши князья брали въ замужество дочерей владѣтельныхъ иностранныхъ особъ и тѣ — наоборотъ — нашихъ...
Прим. К. В. Д.

умѣли умирать за родину, за правое дѣло готовы были идти на плаху... Все-ли, изъ русскихъ фамилій, такъ поступали?!

Мы, Долгорукіе, титулъ нашъ получили отъ нашихъ предковъ, которыхъ никто не жаловалъ за различныя сомнительной честности и храбрости дѣянія; титулъ этотъ далъ нашимъ предкамъ народъ...

Далъ имъ народъ за то, что они дѣйствительно этого стоили,— не даромъ! и вели они народъ на все хорошее, и народъ, видя въ нихъ избранныхъ Провидѣнія, покорно шелъ за ними... На войну ополчался народъ противъ врага—и князь шелъ впереди своего войска, и, чтобъ воодушевить его, — первый бросался въ битву...

Нашъ титулъ сжился съ нами—онъ наша также фамилія...

Если увлекаясь тѣми, или другими ложными убѣжденіями,— мы и дѣлали иногда ошибки, то да простятся онѣ намъ за тѣ великія страданія, какія мы вынесли — напримѣръ, при Биронѣ—въ тюрьмахъ и острогахъ, публично позоренные и казненные...

Но наша совѣсть чиста: мы не были ни грабителями, ни тиранами народа!...

Князь Всеволодъ Долгорукой.

На страницѣ 85, между-прочимъ, говорится о томъ, что князья Голяцкии происходятъ не отъ Равноапостольнаго Владимира, а — отъ великаго князя Ольгерда и его дѣтей, которые были язычниками. Въ доказательство-же того, что Ольгердъ былъ язычникъ, приводимъ слѣдующее, изъ «Словаря святыхъ и подвижниковъ благочестія» (Спб. 1898 г., типографія II отдѣл. собств. Его Имп. Вел. канцелярїи), стр. 36: «Антоній, Іоаннъ, Евстафїи — воины великаго князя Ольгерда и проч., за принятіе сп. крещенія, биты были собственноручно в. к. Ольгердомъ и потомъ (1842 г. 14 Января (!) Антонїи — повѣшенъ на дубѣ, Іоаннъ — задушенъ, а Евстафїи — битъ.»

На стран. 6, 23 и 32 говорится, что Долгорукие признали подданство въ 1520 г.; но это не вполнѣ вѣрно: въ грамотѣ, отъ 5-го Декабря 1520, данной по сему случаю царемъ Василиемъ Ивановичемъ, сказано: «приняты нами *прошлюю осемъ*» годъ тогда считался съ 1 Сентября; — слѣдовательно, время принятія подданства Долгорукии можно считать и 1518 г., и 1519 г.

На стран. 53 говорится, между-прочимъ, о казни князя Гагарина. По поводу ея, князь Алексѣй Владиміровичъ прислалъ слѣдующую замѣтку: «Князь Гагаринъ — не сознался въ взводимой на него винѣ; имѣя его дѣло подъ рукою, мы, по чистой совѣсти, не можемъ считать его — виновнымъ. Главная вина его въ томъ, что онъ, *будто*, хотѣлъ быть царемъ сибирскимъ; но чѣмъ-же она доказывается? — Тѣмъ, что онъ имѣлъ въ козымагахъ — шинны и шулки чистаго серебра, да и самыя козымаги не по гербу — посеребренные. Хороши, нечего сказать, доказательства! Считаю не лишнимъ замѣтить, что козымаги и кареты были *по чербамъ*. Такъ, *золотыя*: — царскія; великихъ князей — золотыя, голубыя; *серебряными*: у князей Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Тюфякиныхъ и некоторыхъ другихъ; *красныя*: у Долгорукихъ, Горчаковыхъ, Гагаринныхъ и друг.; *бѣлыя*: у Вѣлосельскихъ, Вадбольскихъ и другихъ. Прочихъ цѣтвъ у всѣхъ. Нарышкинымъ Петръ I далъ право ѣздить въ золотыхъ каретахъ. При покойномъ государѣ (Николаѣ Павловичѣ) возникло любовитное дѣло о золотой каретѣ съ оберъ-гофмаршаломъ Нарышкинымъ. Послѣдній купилъ золотую карету и сталъ ѣздить въ ней. С. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ — замѣтилъ ему это. Дошло до императора. Тогда Нарышкинъ представилъ оберъ-полицеймейстеру подлинный указъ Петра I-го. Кончилось тѣмъ, что Нарышкина обязали подлинной, чтобъ кучеръ и фрейторъ золотой кареты были постоянно не иначе одѣты, какъ въ чисто-русскомъ костюмѣ (хотя и съ цѣтѣмъ герба Нарышкина). Замѣтимъ, кстати, о словахъ: *князь* и *внчъ*. Подписываться чрезъ «князь» могутъ только тѣ князья русскіе, которые происходятъ отъ владѣтельныхъ. Нарышкинъ: «князь Семенъ князь Ивановъ Гагаринъ, или Долгорукой.» *Внчъ* — жаловалось царями. Такъ Петръ I, въ одномъ указѣ, пожаловалъ его Строгановымъ; поэтому, напр., должно писаться не Александръ Петровъ Строгановъ, а Петровичъ.»

(!) Русь приняла христіанство 958 г.

При составленіи статьи «О происхожденіи первыхъ русскихъ князей.» князю А. Долгорукому служили источниками, между прочимъ, слѣдующіи сочиненія:

1) Замѣтки 1 части «Исторіи государства Россійскаго,» Карамзина; 2) «О Руссахъ,» О. И. Сеньковского; 3) Дисертация профессора Болдырена, изданная въ 1815 г. Москва, Университетская типографія; 4) «О Руссахъ и Александрѣ Македонскомъ,» на арабскомъ языкѣ, изданное въ 1849 г., въ Парижѣ, и 5) «Библія,» на еврейскомъ языкѣ, безъ точекъ — т. е. весьма древняя. Эти сочиненія находятся въ библіотекѣ князя.

На страницѣ 190, стр. 21, князь Алексѣй говоритъ о князьяхъ Урусовыхъ—ис о тѣхъ, которые проноходятъ, вмѣстѣ съ Юсуповыми, отъ ногайскихъ мурзъ; но о князьяхъ Урусовыхъ, которые до нынѣ имѣютъ на Кавказѣ, близъ Чернаго моря, улусъ, подъ названіемъ: Урусъ. На страницѣ 183, въ спискѣ Долгорукихъ 1-й линіи, проущенъ: князь *Григорій Григорьевичъ.*

Въ первыхъ листахъ встрѣчаются опечатки едва не на каждой страницѣ; приводить всѣ — мы сочли лишнимъ; поэтому, указываемъ только на главнѣйшія.

Напечатано:

Читай:

Стр. строк. (сверху).

1	10	изданный	изданные
8	19	Подъ № 14.	Подъ № 214.
—	24	родъ Оболенскихъ.	городъ Оболенскій.
4	1	(снизу) Щербатые.	Щербатый.
6 10, 11		(сверху) въ предисловіи	выше
—	31	Редоръ,	Бедоръ,
7	8	братомъ	брата
10	7	лексиконъ,	лексиконъ (изданіи Плюшара)
—	22	не согласиться	согласиться
12	17	Шерметьевъ.	Шерметевъ.
14	26	имъ	дворянскимъ и княжескимъ родамъ
15	7, 8	Даже иваидъ писался:	Даже газета «Иваидъ» писалась:
16	10	герба.	кремля
20	16	княжна	княгиня
21	8	княжна	княгиня
23	6	щени	щениа
26	19	Галицкимъ.	Галициимъ.
28	15	Водбольскіе.	Вадбольскіе.
30	16	котормы	котормо

31	85	нѣсколько	нѣсколько словъ
34	11	и потому,	и,
36	29	картавить	измѣнять
40	10	указы,	указы послѣднюю,
42	12	отъ 22-го	отъ 22-го Августа
—	23	осадила	осадила
47	30	сколько	столько
50	33	съ твоимъ	съ твоимъ
59	18	населен-	ненаселен-
66	17	полянъ	посланъ
79	11	Саши	Саши (сынъ Меньшикова)
95	33	должностью	должностью
101	23	монастырей	монастырей;
116	4	юльштейнскаго,	юльштейнскаго (
—	5	III,	III).
117	20	заговора.	заговора.
118	20	было этого	было;
120	2	поминали	поминало
123	27	клевреть	клевреть
125	3	отцу	отца
144	5	матери	матери,
145	1	щато	щатося
150	14	часовые сержанты	сержанты
—	16	сержанты	часовые сержанты
167	9	временны	временные
170	1	Дохтурова	Дохтурова
—	19	Геринъ	Геринъ
196	1	(спилу) Шестую	Шестую
200	27	Гафетова	Гафетова (или Афетова)
206	25	древняя въра	древняя въра

На страницѣ 14, на 1 и 2 строкахъ снизу, сказано, что въ концѣ книги будетъ приложена визитная карточка князя Одоевскаго, чтобъ показать, въ опроверженіе мнвія покойнаго князя Петра Владиміровича, что не всѣ фамиліи, получившія названія отъ городовъ, кончаются на *ій*. Фамилія Одоевскихъ происходитъ отъ названія города, въ которомъ княжили ихъ предки; между-тѣмъ, они подписывались всегда чрезъ *ой*, а не *ій*—что на визитной карточкѣ: «князь В. Ѳ. Одоевской.»

Гербъ съ щитодержателями, о которомъ упоминается на стран. 7,—отнятый у насъ Павломъ I, — будетъ приложенъ при второй части настоящаго сочиненія.

Различныя обстоятельства, по большой части отъ насъ независимыя, — недали намъ возможность выпустить въ свѣтъ эту первую часть въ томъ видѣ, въ какомъ-бы мы хотѣли,—изданную болѣе тщательно ..

Въ генеалогической таблицѣ не соединены чертою князь *Алексій Алексѣевичъ* съ старшимъ сыномъ своимъ *Григоріемъ*.
